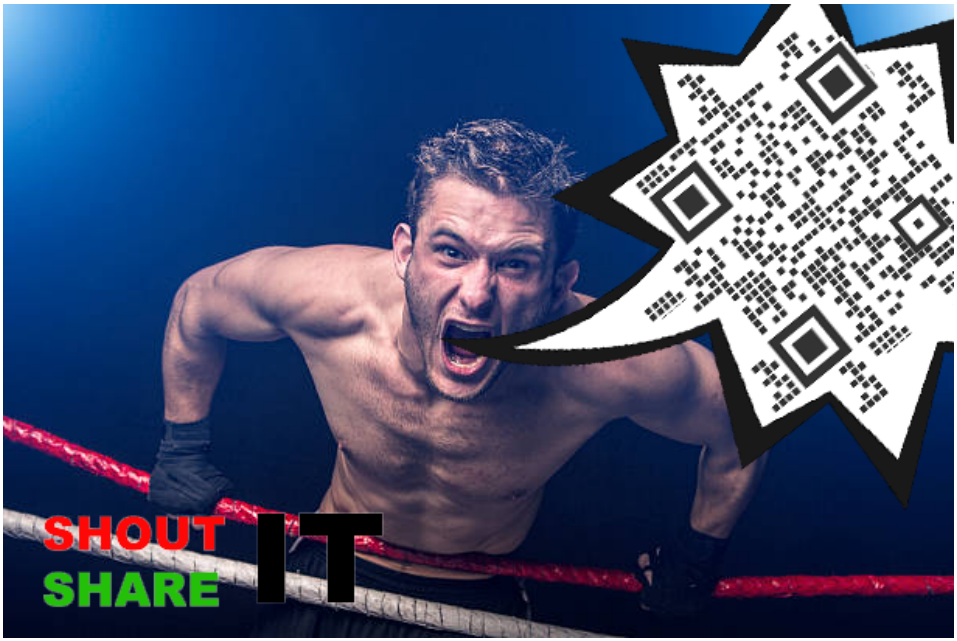
Авантюристы гражданской войны: историческое расследование

Виктор Анатольевич Савченко


SHOUT
SHARE
IT

-
- Авантюристы гражданской войны: историческое расследование
- Вступление
-
- Нарком Дыбенко — мятежник и каратель
- Главнокомандующий Муравьев: «… Наш лозунг — быть беспощадными!»
- Бандитка Маруся
- «Погромный» атаман Григорьев
- Мишка Япончик — «король» одесских бандитов
-
- Казацкие атаманы Волох, Божко и Коцур
- Многоликий Савинков
- Сидней Рейли — суперагент
- Террорист Блюмкин — «игрок со смертью»
- Приложения
- Примечания

Еще не так давно «легендарные революционеры и полководцы» Дыбенко и Котовский украшали ряды героев гражданской войны. Но жизнеописания этих людей, построенные по «классической» советской схеме, являли собой лишь цепь недомолвок и фальсификаций. Автор знакомит читателей с биографиями 14 участников революции и гражданской войны. Тогда в одночасье по воле партии бандиты превращались в революционеров, уголовники становились во главе полков Красной Армии, прославленные командармы топили в крови восстания обездоленных, а партийные перевертыши успешно трудились в ЧК. Наряду с фигурами известными на страницах книги впервые появились «высокой пробы» авантюристы, о которых ни слова нет в советских изданиях, — бандитка Маруся, атаманы Волох, Божко, Коцур, генерал Сокира-Яхонтов и другие.

Авантюристы гражданской войны: историческое расследование

Когда из пламени народных мятежей Взвивается кровавый стяг с девизом: «Свобода, братство, равенство иль смерть!» — Его древко зажато в кулаке Твоем, первоубийца Каин.

Максимилиан Волошин

Вступление

Авантюра, по С. И. Ожегову, — это беспринципное, рискованное, сомнительное по честности дело, предпринятое в расчете на случайный успех. Авантюризм, склонность к авантюрам, — явление, расцветающее пышным цветом в переломные эпохи революций и войн, в эпохи крушения систем и идеалов. Когда близость славы и власти не дает спокойно уснуть и приводит к нервному истощению... Когда запах крови возбуждает инстинкт хищника, а ценность человеческой жизни сводится к стоимости патрона. Во французском языке авантюрист — это «лицо, склонное к риску, к опасным приключениям».

В русском лексиконе — это, скорее, человек, не считающийся не только с закономерностями и реалиями обстановки, но и игнорирующий интересы других людей, человек, способный на предательство и забвение своих идеалов во имя власти, славы, денег, идущий по трупам эгоист. У нас авантюрист всегда понятие негативное... У нас меньше романтики и больше крови...

Эпоха гражданской войны на территориях бывшей Российской империи 1918–1920 годов, новое «смутное время», изобилует авантюристами. Искатели славы, «новые Наполеоны», часто меняли своих «хозяев», сохраняя при этом надежду на собственное лидерство и славу. Михаил Булгаков, переживший гражданскую, писал: «Была бы кутерьма, а люди найдутся». И в 1917-м они нашлись в избытке, алчущие и жаждущие, готовые на подвиг и на предательство...

В советские времена тема авантюризма в историко-документальной литературе, соотнесенная с эпохой революции [3] и гражданской войны, не имела права на существование, ибо была взрывоопасна. И все же...

В 1921 году в Париже русский политический эмигрант Л. Ветлугин издал публицистическую брошюру «Авантюристы гражданской войны», в которой он бегло описывал ленинское правительство и отдельных командующих Красной Армии. К сожалению, отсутствие документальной базы привело автора на путь домыслов.

Под таким же названием в 1930 году Северокавказское книжное издательство выпустило книгу И. Борисенко. В конце 30-х годов она была изъята из открытого фонда всех библиотек и стала библиографической редкостью. В книге рассматривались

судьбы «северокавказских и донских деятелей советской власти», которые в 1918–1919 годах скатились на путь авантюризма и бандитизма. Автор рассказал об Автономове, Сорокине, Золотареве, Голубеве, Коппе, Кочубее, Нижевясове…

В 1918 году в Ростове-на-Дону вышла тиражом в одну тысячу экземпляров книга, давно ставшая раритетом: сегодня она сохранилась, пожалуй, только в одном экземпляре в Москве. «74 дня Советской власти» А. Локермана являет собой своеобразное пособие по авантюризму первых послеоктябрьских месяцев на Северном Кавказе. Среди ее «героев» анархист — литератор Безродный (граф Амори), и матрос-бандит и комиссар Шамов, и немецкий шпион Мельхер, комиссары Калюжный и Войцеховский… Каждый из них «прославился» множеством кровавых авантюр и афер.

Нельзя не вспомнить и книгу участника гражданской Романа Гуля «Красные маршалы», в которой впервые Г. И. Котовский представлен не в ипостаси героя и народного заступника, а как противоречивая личность. Но удаленность парижанина Гуля от советских архивов и первоисточников лишила его возможности строить свои выводы на солидной документальной базе.

Наша книга продолжает неисчерпаемую, порой просто детективную тему авантюризма, знакомя читателей с биографиями четырнадцати участников революции и гражданской войны.

Еще не так давно «легендарные революционеры и полководцы» Котовский и Дыбенко числились среди главных героев гражданской. Их именами называли улицы, города, [41] районы, колхозы… Но жизнеописание этих людей, построенное по «классической» советской схеме, являло собой цепь недомолвок и фальсификаций. Данная книга помогает разобраться в сложных судьбах некоторых героев Октября, что строили и защищали социализм. Их жизненный путь оказался далеким от воспроизведенного советскими историками и пропагандистами. И очутились они в одном ряду со своими врагами типа Григорьева, Волоха, Сокирыц-Яхонтова… А иначе быть и не могло: «герои», лишенные нравственных понятий о Добре и Зле, готовы служить любым хозяевам, а диапазон их деяний простирается от грабежей на больших дорогах до уничтожения тысяч людей.

Автор намеренно «выстраивает» очерки не по заданной схеме — партийной, политической принадлежности или социальному положению своих персонажей, а произвольно, так как любая «классификация» выглядела бы весьма условной: ведь бандиты в одночасье делались большевиками, коммунисты превращались в эсеров, анархисты — в грабителей, главари

налетчиков становились командирами дивизий. Произвольное размещение текстов позволило нагляднее воссоздать весь спектр такого сложного социального явления, каким был авантюризм в годы революции и гражданской войны.

Всех авантюристов объединяет кипучая энергия, стремление постоянно быть «во главе», а также, в большинстве случаев, холерический темперамент, экстравертивный, нервический и чувственный типы характеров.

Интересно, что большинство авантюристов гражданской могли бы по состоянию здоровья стать пациентами психиатрических клиник, но, выпущенные «в мир», они отравляли своей гнилой энергией общество.

Так, бандитка Маруся Никифорова и Г. И. Котовский были людьми шизоидно-истероидного типа, чье состояние осложнялось, очевидно, травмами головы. Сидней Рейли постепенно превратился из суперагента в шизоида. Командарм Дыбенко и атаман Григорьев прославились «дремучим» алкоголизмом и развившейся на его фоне истероидностью. У Савинкова были явные признаки наследственной психической болезни. Блюмкин страдал галлюцинациями.

Авантюристы, представленные в книге, одного «кровавого круга», все они встречались или боролись друг с другом. [5] Так, Япончик воевал против Григорьева, Муравьев — против Волоха, Савинков — против Дыбенко, Котовский — против Савинкова, Маруся против всех и так далее... Фактически это портрет поколения (генерации), на чью молодость и зрелость выпали глобальные испытания «всероссийского кровопускания». Ведь история гражданской войны — это история политических авантюр. Персонажей очерков объединяет не только время, но и место действия — Украина, Юг России, Поволжье, Петроград, Москва.

Автор не ставит своих «героев» в один ряд, а пытается разобраться с помощью сравнительного анализа в хитросплетениях судеб и событий, выхватывая из исторического небытия как «благородных авантюристов», так и авантюристов, утративших даже свое лицо. Если Савинков и анархистка Маруся были авантюристами во «французском» понимании этого слова, были безрассудно преданы идее (какой — это уже другой вопрос) и шли на безумства ради ее воплощения, то Дыбенко, Котовский, Волох, уничтожая старых друзей, постоянно меняли свои убеждения.

Написанию книги предшествовала многолетняя работа автора в архивах и библиотеках тогдашнего СССР, где он буквально по крупицам собирал материалы, относящиеся к

основным этапам гражданской войны и биографиям своих героев.

Перестройка открыла спецхраны библиотек и закрытые архивы. Иногда поиск исторических документов напоминал работу следователя по расследованию уголовных преступлений. Порой, в процессе поиска, открывались судьбы уникальные и значительные, что были вырваны из нашей истории, о которых в советских изданиях нет ни слова (Маруся Никифорова, атаманы Волох, Божко и Коцур, генерал Сокира-Яхонтов). В книге впервые приводятся факты, которые еще не анализировались историками и не введены до сих пор в научный оборот.

Все сказанное выше позволяет надеяться на то, что читатель, интересующийся историей своей страны, стремящийся лучше понять сегодняшний день, оглядываясь в прошлое, не пройдет мимо «Авантюристов гражданской войны». А внимательно прочтя эту книгу, обнаружит в ней гораздо больше авантюристов, чем обозначено в названиях очерков.

Нарком Дыбенко — мятежник и каратель

Герой? Политический авантюрист? Случайный человек, поднятый волной истории на политический Олимп? Палач? Жертва?.. Все перепуталось в перевернутой системе координат, в системе «классового красного террора», где судьбы людей — только щепки для костра мировой революции. Еще недавно он был «герой», да и сейчас в Москве есть улица Дыбенко… Еще вчера мы знали о «революционном матросе» Дыбенко ровно столько, сколько нам определили знать всесильные ведомства, что охраняли наше духовное спокойствие…

На старой пожелтевшей фотографии — молодой человек с аккуратно подстриженной интеллигентской бородкой и с выражением лица вершителя судеб народов. Тогда он был членом первого советского правительства. Министр! Не скажешь, что это крестьянский сын из глухого украинского Полесья.

Павел Ефимович Дыбенко родился в феврале 1839 года в селе Людков Черниговской губернии в семье, как писал он сам, батраков. Однако у отца Дыбенко была лошадь, две коровы и около пяти гектаров земли. Скорее, Ефим Дыбенко был середняком по полесским понятиям (надел более двух гектаров земли уже считался середняцким). Будущая жена Павла Ефимовича — Александра Коллонтай, посетив дом семьи Дыбенко, напишет: «Хатка середняка. Много икон… Вряд ли он (отец П. Е. Дыбенко. — *Авт.)* в душе за советскую власть».

Ефим вырастил шестерых детей, двое из них — Павел и Федор — были настоящими богатырями, статью пошли в своего деда, долгожителя, который прожил до 103 лет.

С раннего детства Павел «работал на земле» — «помогал боронить и возить удобрения… пасти скот». Азбуку и счет он освоил на уроках поповской дочери, которая не только учила, но и избивала своих учеников. В своей автобиографии Дыбенко вспоминает, что «шести лет был отдан учиться к поповской дочери, которая занятия проводила в холодной кухне, где одновременно помещались телята и молодые овцы. Поповна-учительница в методах воспитания чуть ли не ежедневно применяла рукоприкладство и избиение линейкой…» Тридцатишестилетний Дыбенко в краткой, на две с половиной страницы автобиографии, вспоминал уроки учительницы-садистки… Детская травма мучила его и в зрелом возрасте,

порождая комплексы, отвращение к учебе, наукам, «попам» и ответную жестокость.

В автобиографии Павел пишет, что в 1899 году поступил в трехклассное городское училище, однако просидел в трех классах четыре года, очевидно «за неуспеваемость». «Неуспеваемость» Павла в области счета проявляется и в автобиографии, когда он пытается обмануть читателей, рассказывая о своей «детской» революционности. Он пишет: «Будучи учеником городского училища в 1905 г., еще не отдавая точного отчета, что именно происходит, принимаю участие в забастовочном движении учеников реального, технического и городского училища, за что... привлекался к ответственности стародубским окружным судом. На суде был оправдан».

Но если Павел поступил в трехлетнее училище в 1899 году и прозанимался там ровно четыре года, то закончить это учебное заведение он должен был летом 1903 года, когда до революционных событий 1905-го было еще полтора года. Может быть, Дыбенко просидел в каждом классе по два года или, что наиболее вероятно, просто обманывал читателей, приписывая себе «героическое детство»... Впрочем сочинением подобных басен занимались многие «пламенные революционеры» (например, Г.И. Котовский). Дыбенко силился стать «украинским» Гаврошем! Однако документальные данные о «детских» героических деяниях Павла так и не были обнаружены.

В семнадцать лет Павел пошел работать в казначейство в городе Новоалександровске, «где казначеем был один из родственников». Однако очень скоро он был изгнан из казначейства, «как состоящий в нелегальной организации».

Опять фантазии. Неизвестно, к какой организации он принадлежал и кто мог бы эту информацию подтвердить. Дыбенко лишился места, скорее всего, за халатность или растрату. Вот почему он так внезапно покидает «родные пенаты» и уезжает в далекую Прибалтику. Судьба занесла Павла в Ригу, где он работает грузчиком в порту и посещает курсы электротехников. Однако работа в порту была сезонной, и Павел частенько оставался без работы и без денег. «На дне» Риги он научился кулачному бою. Частенько он приходил в рабочий барак с окровавленным лицом и стиснутыми в злобе зубами. Может быть, уже тогда он чувствовал, что придет и его час.

В 1911 году он около полугода уклоняется от призыва в армию. За неявку на призывной участок Дыбенко был арестован и насильственно водворен на Балтийский военный флот. Там он сначала попал на штрафной корабль «Двина», через полгода оказался в минной учебной школе, а вскоре был направлен на

линейный корабль «Император Павел Первый». Там он вступает в подпольную группу большевиков.

Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война задержала демобилизацию Дыбенко. Однако в серьезных морских сражениях ему так и не пришлось участвовать. Зато в своих воспоминаниях «Из недр царского флота к Великому Октябрю» и автобиографии он создает еще одну легенду о себе, на этот раз как о «руководителе восстания матросов». Но так называемое «восстание» было не чем иным, как ночной сходкой части матросов, на которой звучали антиправительственные лозунги. Утром все рассеялось, как туман. За организацию «незаконной сходки» на корабле «Император Павел Первый» были арестованы матросы Ховрин и Марусев. Но вот руководитель Дыбенко оказался вне подозрений.

В 1916 году, когда во время «рижского прорыва» фронта немецкими войсками враг начал угрожать Петрограду Дыбенко в составе добровольческого морского батальона, был брошен на ликвидацию этого прорыва. Тут впервые проявились его организаторские способности. Он не только отказался участвовать в боях, но и склонил к этому несколько сот матросов и солдат 45-го Сибирского полка. Морской батальон расформировали, многих матросов арестовали. А что Дыбенко? Он «под видом болезни», по воспоминаниям [9] самого Дыбенко, оказался на два месяца в госпитале. Только по возвращении на флот, когда немного утихли репрессии, он был осужден на 40 дней гауптвахты.

Февральская революция 1917 года открыла широкие возможности перед предприимчивым матросом, который был известен на флоте своей силой, высоким ростом, цинизмом, склонностью к дракам и пьяным дебошам.

Павел Дыбенко сначала становится депутатом Гельсингфорского Совета рабочих, матросов и солдат. В мае 1917 года на транспорте «Виола» в Гельсингфорсе (Хельсинки) он избирается председателем ЦК Балтийского флота — высшего выборного органа матросских коллективов Балтийского флота. В то время в ЦК Балтфлота было всего шесть большевиков из 33 членов ЦК. Большевик Дыбенко заявил тогда о признании верховенства Временного правительства над флотом и об исполнении всех правительственных решений. Однако уже в июне 1917 года Дыбенко становится одним из «тайных организаторов» мятежа большевиков и анархистов, который в начале июля Временное правительство сумело подавить. Центробалт был разогнан Керенским. Избитый юнкерами Дыбенко сорок пять дней после этого, до начала сентября, просидел в петроградской

тюрьме «Кресты». В это время правительство А. Керенского временно приводит Балтийский флот к повиновению.

События конца августа 1917 года, связанные с мятежом генерала Лавра Корнилова, завершаются освобождением заключенных большевиков. В сентябре Дыбенко возвращается па флот и активно возрождает Центробалт как «армию новой революции».

Самым насыщенным и судьбоносным месяцем в жизни Павла Ефимовича становится октябрь Семнадцатого. В начале октября Дыбенко, очевидно, первый и последний раз в жизни пришлось повоевать на море — принять участие в боях с немецким флотом у острова Даго.

В октябре матросская «армия» становится авангардом мятежа, «преторианской гвардией» большевиков, которая во многом определила исход Октябрьской революции. Значимую [10] роль в победе сыграл и Дыбенко как член Ревкома Петроградского Совета (штаба революции) и командир матросской «армии». Именно по приказу Дыбенко прозвучали выстрелы «Авроры».

Но не только особые заслуги во время штурма Зимнего предопределили молниеносную карьеру Павла Ефимовича. В круг партийной элиты ввела «матросика» Александра Михайловна Домантович-Коллонтай — дочь царского генерала, аристократа и украинского помещика, которая была в числе лидеров большевиков и друзей Ленина по эмиграции в Париже. Уже 26 октября 1917 года Дыбенко назначается членом Коллегии по военно-морским делам, а 21 ноября В.И. Ленин подписывает приказ о его назначении Народным комиссаром по морским делам.

Ленин не мог не знать, что Дыбенко не имел ни способностей, ни образования, ни опыта для министерской, адмиральской должности. Но в тех условиях матросской вакханалии и «всяческих безобразий» к его голосу могли прислушаться озверевшие от вседозволенности и «винных погромов» матросы. Дыбенко был своим у «братишек», он умел с ними ладить и мог кулаками и пулями успокоить матросскую «бузу». А гуляли тогда матросы самозабвенно. Винные пары из разграбленных императорских складов и классовая ненависть порождали ужасные преступления. Матросы с «Императора Павла Первого» кувалдами убивали лейтенантов и мичманов, а старшего офицера после избиений «пустили под лед». Дыбенко же катался на рысаках по плацу в Хельсинки, заваленному офицерскими трупами. Он приказывал «резать контру».

Депутатов Учредительного собрания, бывших министров

Временного правительства А. Шингарева и Ф. Кокошкина «братишки» нашли даже в больнице… и закололи штыками. Жители Питера, выходя на улицу, молили бога избавить их от встречи с пьяной матросней, что терроризировала город. Только в октябре — декабре 1917-го матросы убили и замучили в Петрограде и на базах Балтийского флота около 300 морских офицеров и еще столько же армейских офицеров и «буржуев».

Ленин не ждал от Дыбенко самостоятельных адмиральских решений. Он ждал слепой преданности за вознесение на большевистский Олимп. Для тактического командования флотом к Дыбенко был приставлен заместитель — бывший капитан первого ранга царского флота. [11]

«Революционный» роман с Александрой Коллонтай начался у Дыбенко еще в апреле 1917-го, когда Шурочка как агитатор-большевик поднялась на борт его корабля, что стоял в Хельсинки. Шура Коллонтай так красиво говорила о неподчинении властям и реакционном смысле займа «Свободы», что матросы прекратили кричать и выслушали ее часовую речь. После этого Дыбенко пронес Шурочку по трапу на руках и договорился о свидании. Это было начало эпатажного романа, растянувшегося на шесть бурных лет. В своем дневнике Коллонтай запишет, что во время первой с ней встречи Дыбенко «рассеянно оглядывался вокруг, поигрывая неразлучным огромным револьвером (очевидно, маузером. — *Авт.)* синей стали».

В Семнадцатом Шуре Коллонтай было уже сорок пять, но она сохраняла черты былой красоты и элегантность. В Семнадцатом она была одержима идеями «свободной революционной любви», «любовью пчел трудовых» — доступной и ни к чему не обязывающей. Павел Дыбенко был на семнадцать лет моложе своей возлюбленной. Тогда Шурочка была очень влиятельной партийной дамой, и Дыбенко понимал, что от неё может зависеть его будущее. Александра Коллонтай с лета 1917-го становится членом ЦК большевистской партии, единственной женщиной из 22 вождей партийного Олимпа, что после Октября вершили судьбы одной шестой части суши.

Вторая половина Семнадцатого — кульминация романа. Павел и Шура в июле оказались в одной тюрьме, а в августе были выпущены под залог и тотчас ринулись в революцию. Тогда-то на конспиративной квартире Шура и представила «своего матросика» Ленину, Она тянула его «наверх», требовала, чтобы он делал революционную карьеру. В письме Коллонтай к Дыбенко есть такие слова: «… старайся быть ближе к центру… на глазах». Тогда, объясняла она, возможно назначение на «ответственный пост». Не только любовницу нашел Павел, но и покровительницу,

которая иногда относилась к «своему молодому матросику» как к сыну.

Коллонтай была одной из ключевых фигур революции. Член ЦК партии, член президиума Второго Съезда Советов народный комиссар государственного призрения, особа близкая к Ильичу, и бывшая любовница другого «советского министра» — наркома труда А. Шляпникова. Позиции [12] ее в руководстве были непоколебимы. «Анафема», которую на нее наложила церковь за руководство вооруженным захватом Александро-Невской лавры для нужд наркомата призрения, даже импонировала «безбожному» СНК.

Коллонтай была организатором транспортировки немецких денег, превратившихся в «деньги партии». Она хранила тайну происхождения этих денег и тайну связи большевиков с Германским генеральным штабом. Вызывает улыбку назначение Коллонтай членом следственной комиссии ЦК партии, которая по указанию Ленина разыгрывала всероссийский фарс, изображая в ноябре — декабре 1917 года следствие по делу об обвинении большевиков в использовании «немецких денег». Обвиняемые сами проверяли обвинения в свой адрес и сами себя судили. Мечта всех уголовников! Естественно, комиссии признала большевиков невиновными в получении «немецких денег» и сняла все обвинения.

В первые часы после захвата Зимнего дворца Дыбенко выполнил весьма деликатную операцию по изъятию в Министерстве юстиции судебного дела «о немецких деньгах для партии большевиков», что открыло Временное правительство. Дыбенко были изъяты, а Лениным и Коллонтай' уничтожены документы германских и шведских банков, которые проливали свет на «революционную аферу».

В матросской среде Дыбенко был известен не только буйством и импульсивностью, но и хорошим каллиграфическим почерком. Его писанина изобиловала писарскими завитушками, украшательством, а также корявыми фразами и множеством грамматических и стилистических ошибок. Ленину, получавшему от Дыбенко такую «писанину» в виде отчетов, приходилось мириться с этим. Зато Дыбенко был хорошим исполнителем и голосовал тогда «по-ленински», даже против свободы печати.

Вот каким «орлом» виделся Дыбенко разным людям в начале 1918-го, на вершине своей карьеры.

Зинаида Гиппиус, известная поэтесса и «враг большевизма», так описала Дыбенко: «Рослый, с цепью на груди, похожий на содержателя бань, жгучий брюнет». Оказывается, золотая цепь на груди не только любимое украшение «бригадных братков», но и

их товарищей «из далекого прошлого». [13]

Шура Коллонтай пишет в своем дневнике о Дыбенко «образца 17-го года» с любовью и восхищением: «Это человек, у которого преобладает не интеллект, а душа, сердце, воля, энергия... Я верю в Павлушу и его Звезду. Он — орел... Люблю в нем сочетание крепкой воли и беспощадности, заставляющее видеть в нем «жестокого, страшного Дыбенко...». Немного прозрев, уже в 19-м Коллонтай добавит: «Дыбенко несомненный самородок, но нельзя этих буйных людей сразу делать наркомами, давать им такую власть. Они не могут понять, что можно и что нельзя. У них кружится голова».

Матрос Федор Раскольников, друг Дыбенко и конкурент в любви и карьере, пишет о нем: «В полной пропорции с богатырским сложением он обладал массивными руками, ногами, словно вылитыми из чугуна. Впечатление дополнялось большой головой с крупными, глубоко вырубленными чертами смуглого лица с густой курчавой бородой и вьющимися усами. Темные блестящие глаза горели энергией и энтузиазмом, обличая недюжинную силу воли...»

В первые дни после победы Октябрьской революции «орел» Дыбенко командует подавлением первого выступления против советской власти. Попытку Керенского в союзе с Савинковым и атаманом донских казаков Красновым вернуть упущенную власть большевики назвали «Гатчинским мятежом», потому что действия войск Керенского ограничивались Гатчиной.

Дыбенко и Муравьев без особого труда договорились с деморализованными казаками, после чего последние арестовали своего атамана и передали его «красным». Дыбенко снискал «лавры» усмирителя первого мятежника, а в действительности руководителя законной власти — Керенского. Он хвастал, что «лично арестовал атамана Краснова».

В начале января 1917 года «братишки» во главе с Дыбенко и анархистом Анатолием Железняковым (Железняком) удушили последнюю надежду демократии — Учредительное собрание — и этим подтолкнули страну к началу гражданской войны.

Большевики, совершив революцию, в октябре — декабре 1917 года называли себя Временным Советским правительством, заявляя, что берут власть до созыва Учредительного собрания и в случае поражения на выборах [14] в Собрание «уступят воле народа». Но властвовать понравилось... И когда из 715 депутатов избранными оказались только 183 большевика, Ленин решил во что бы то ни стало удержать власть и ликвидировать Учредительное собрание.

Уже в конце ноября 1917 года Ленин обязал Дыбенко

сосредоточить в столице до 10 тысяч матросов для разгона «учредиловки». С такими силами Дыбенко мог запросто разогнать и ленинскую партию. Но он знал, кому обязан министерским портфелем.

В день открытия всенародно избранного Учредительного собрания (напомним читателям, что ленинскую власть никто не избирал), 5 января 1918 года, на улицы Петрограда вышло до 60 тысяч демонстрантов — интеллигенция, рабочие, солдаты гарнизона, чтобы поддержать демократию и потребовать передачи власти в стране Учредительному собранию.

На углу Невского и Литейного демонстрацию расстреляли под началом Дыбенко. Особенно отличились «братишки» родного Дыбенко корабля «Император Павел Первый». И хотя современникам было известно о жертвах (несколько десятков убитых и сотни раненых), Дыбенко отметит в своих воспоминаниях, что матросы «дали залп в воздух».

Командовал Дыбенко и разгоном Учредительного собрания. Но история оставила этот «подвиг» за матросом Железняком, умолчав о его командире. Павел Дыбенко сам был избран в «учредиловку» от матросских коллективов. На единственном заседании Учредительного собрания он ёрничал, шутил и послал даже в президиум записку с предложением «избрать Керенского и Корнилова секретарями». «Весельчак» Дыбенко тогда «самолично» поставил крест на развитии демократической России.

Заявление матроса Железняка, начальника караула : «Караул устал!» ничего общего с действительностью не имеет. Последние слова Железняка, обращенные к народным депутатам, были таковы: «Комиссар Дыбенко требует, чтобы присутствующие покинули зал». Еще до этих «исторических» слов Дыбенко намеревался разогнать «учредиловку», как только ее покинут советские наркомы. Тут, по воспоминаниям Дыбенко, у матроса даже «вышел конфликт» с Лениным. Дыбенко хотел немедленно разогнать собрание, а Ленин требовал разгона только «по окончании [15] сегодняшнего заседания». В этом споре фактически победил Дыбенко, и собравшимся не дали даже договорить...

Разогнав «учредиловку», Дыбенко стал одним из самых влиятельных военных — руководителем матросской стихии в столице. Ленин и его соратники — кабинетные вожди — стали опасаться этого 28-летнего самовлюбленного «матросского Наполеона», что был чужаком в среде партийной элиты.

Для контроля и доносов к Дыбенко был приставлен еще один чрезвычайно честолюбивый авантюрист — матрос Федя Раскольников. Он стал заместителем Дыбенко и пытался добиться

такого же положения в постели Коллонтай. Раскольникову было только двадцать пять, но он видел, как легко делают карьеру безграмотные матросы. Он тяжело завидовал Дыбенко, и когда наркома арестовали «друг Федя» первым написал донос на «Пашку», обвиняя его в пьянстве и «спаивании» матросов-балтийцев для «обретения дешевой популярности».

В конце февраля 1918 года удача, казалось, отвернулась от Дыбенко. Советские историки и партийные пропагандисты назвали это событие «первыми победами Красной Армии», «боевым рождением Красной Армии». Они умели из поражения сделать победу. 23 февраля стало праздником Красной Армии и отмечалось 73 года. Но на самом деле все эти годы отмечали позорное поражение и бегство с позиций советских частей...

Когда я, будучи еще студентом, в «андроповские времена» натолкнулся на материалы, открывающие глаза на события февраля Восемнадцатого, я был страшно горд своим открытием и намеревался поделиться им буквально со всеми, но один из преподавателей истории КПСС очень своевременно, посоветовал мне тогда «не болтать языком»...

18–20 февраля 1918 года, несмотря на продолжавшиеся мирные переговоры в Бресте, немецкое командование начало наступление против Советской республики по всему фронту — от Карпат до Балтики. Немецкие политики хотели припугнуть несговорчивых большевиков и ускорить подписание сепаратного мира. Они вовсе не хотели свергать [16] Ленина, который не вернул еще затраченные на революцию немецкие деньги.

Против вяло наступавших под Нарвой немецких войск был направлен сводный матросский отряд в тысячу штыков под командованием наркома Дыбенко. Тот сразу отказался от советов начальника оборонного участка бывшего генерал-лейтенанта Д. Парского и заявил, что «будем воевать самостоятельно». В бою под Ямбургом отряд Дыбенко был разгромлен и панически бежал с позиций, забыв о крепости Нарве, что прикрывала столицу с запада.

3 марта Дыбенко и его матросы отказались от совместного с солдатскими частями контрнаступления на Нарву. Они покинули позиции и «добежали» до тыловой Гатчины, что находилась в 120 километрах от линии фронта. В довершение позора «братишки» захватили на железнодорожных путях несколько цистерн со спиртом и отпраздновали свою «победу». Уже 6 марта отряд матросов был разоружен и отозван.

Современники этих событий вовсе не считали бегство отряда Дыбенко «победой» или «праздником». А вот через двадцать лет после этих событий, в феврале 1938 года, была учреждена в честь

юбилея первая советская медаль «XX лет РККА». Наградили многих героев гражданской, но Дыбенко, виновник тех событий, медаль эту не получил.

Ленин в своей передовице в «Правде» 25 февраля 1918 года по поводу сдачи Нарвы отмечал: «Эта неделя является для партии и всего советского народа горьким, обидным, тяжелым, но необходимым, полезным, благодетельным уроком». Ленин писал о «мучительно-позорном сообщении об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию, о неисполнении приказа уничтожить все и вся при отступлении; не говоря уже о бегстве, хаосе, близорукости, беспомощности, разгильдяйстве».

За сдачу Нарвы, бегство с позиций, отказ подчиняться командованию боевого участка, за развал дисциплины и поощрение пьянства в боевой обстановке и за преступления по должности Дыбенко был отстранен от командования флотом и исключен из партии. Традиция «пацифиста» Дыбенко — бежать с поля боя — на этот раз подвела. Его покровительница Коллонтай в марте 1918 года за выступления против Брестского мира лишилась поста наркома, была выведена из ЦК партии, на время лишившись [17] всякого влияния в руководстве и, следовательно, не могла помочь Дыбенко.

12 марта 1918 года правительство, ЦК партии, государственные учреждения переезжают из Петрограда в Москву, которая становится столицей государства. Это объяснялось угрозой нападения немцев, войск Антанты на Питер и неспокойной ситуацией в городе вследствие «матросских безобразий». Вместе с государственными мужами и женами в Москву, в надежде на реабилитацию и восстановление в должностях, переезжают уже отстраненные с постов Дыбенко и Коллонтай.

Сначала они оказались в хоромах правительства и понадеялись, что им «простится»... Но через два дня их изгоняют из партийного рая, и они оказываются в третьеразрядной «Лоскутной» гостинице. В этой же гостинице Дыбенко поселяет своих «братишек» — матросский отряд из 47 человек, лично преданных бывшему наркому. Это были «герои Октября» — собутыльники, друзья по грабежам и «бузе». Для Москвы марта Восемнадцатого они представляли серьезную вооруженную силу — неуправляемую, буйную и хмельную.

Газета «Новая жизнь» 16 марта 1918 года писала, что Дыбенко выступал против Брестского мира, призывая организовывать партизанские отряды для борьбы с немцами.

16 марта на Четвертом съезде Советов (который решал судьбу

мира с немцами) Коллонтай окончательно лишилась всех постов. Тогда же разбирался вопрос о «преступлениях Дыбенко». Он заявил о сдаче поста наркома, однако съезд этим не ограничился. Прозвучали требования революционного суда над «матросом» и даже расстрела. Лев Троцкий требовал проведения показательного процесса, казни за дезертирство и за преступное легкомыслие, граничившие с предательством. Дело Дыбенко тогда пять раз рассматривалось на заседаниях Совета Народных Комиссаров.

После бурного заседания съезда 16 марта Дыбенко встретился со своими «братишками» и призвал их к выступлению против решения съезда и к протестам против назначения Троцкого наркомом военных и морских дел. В Москве запахло матросским бунтом, который могли поддержать и другие матросские и анархистские отряды. Их в столице было предостаточно. [18]

17 марта глава ЧК Ф. Дзержинский приказывает арестовать Дыбенко за его прошлые «грехи» и подстрекательство к бунту матросов. Следствие поручалось Николаю Крыленко, бывшему члену Коллегии по военно-морским делам и будущему сталинскому прокурору, пославшему на смерть тысячи старых большевиков. Крыленко тогда состоял членом следственной комиссии при ВЦИК Советов и был очень влиятельным лицом. Дыбенко определили в подвалы Кремля, где угрожали расстрелом и несколько дней не давали пищи.

В это роковое для Дыбенко время Коллонтай развернула бешеную деятельность по спасению своего любимого. Она молила Троцкого и Крыленко о пощаде, бегала к Ленину и Крупской. Александра натыкалась только на безразличие или жестокость, а иногда на циничный вопрос: «А вы кто такая будете подследственному?»

На какое-то время она впадала в отчаяние, думала «вместе взойти на эшафот», поднять восстание матросов… (мысли из дневника Коллонтай). Александре посоветовали хлопотать о судьбе Дыбенко не как любовнице, а на правах законной жены. Но ранее она доказывала буржуазность и порочность института брака, была адептом свободной пролетарской любви… От этих убеждений пришлось отказаться, чтобы спасти «матросика» или сочетать свою жизнь с приговоренным к смерти.

Это было в духе романов Дюма и Гюго… В газетах Коллонтай поместила заявление о том, что она сочеталась первым гражданским советским браком. Об этом знаменитом браке написано немало, но нигде не говорится, что он был фикцией, так как заключался без согласия «жениха» и без самой регистрации

где-либо. Ведь Дыбенко в этот момент находился под арестом. Однако, на удивление, этого оказалось достаточно, чтобы Шура Коллонтай на правах законной жены взяла Дыбенко до суда на поруки. Старая большевичка дала слово, что подследственный не исчезнет из Москвы до суда и будет являться»на допросы.

Жак Садуль, автор книги «Записки о большевистской революции», утверждает, что Дыбенко освободили после ультиматума матросов. Этот ультиматум выглядел так: если Дыбенко не будет освобожден, отряды матросов откроют огонь из пушек по Кремлю и начнут террор против большевистских лидеров. В то же время матросы Балтийского [19] флота отказались принимать Троцкого как своего начальника и выполнять его приказы, пока приказы не будут заверены подписью Дыбенко. Москва жила в ожидании бунта матросов, а возможно анархистов и левых эсеров, что создавало реальную опасность для ленинского правительства.

В Центральном Государственном архиве Военно-морского флота (ЦГАВМФ), что разместился напротив Зимнего дворца, «колыбели революции», я нашел уникальное письмо ЦК Черноморского флота, авторы которого настаивали на освобождении Дыбенко из-под ареста и требовали направить его на Черноморский флот «для работы». Требовал освобождения Дыбенко и отряд матросов-анархистов Анатолия Железнякова, что в те дни воевал на Украине.

25 марта Дыбенко выпустили на поруки. Матросы встретили его освобождение как свою победу, отметив ее грандиозным кутежом. Погуляв два дня по Москве, Дыбенко со своим отрядом исчезает из столицы, чтобы всплыть в прифронтовом Курске, где работал его брат Федор. Вскоре, поняв, что ему не простят бегство, Дыбенко устремляется на Волгу, в Пензу и Самару, надеясь скрыться в провинциальном хаосе.

Свою спасительницу Шуру Коллонтай «Паша-орел» не только не позвал на праздничный банкет в честь собственного освобождения, но и не предупредил о своем бегстве. Он «подставил» свою жену-заступницу, которая поручилась за него своей судьбой и свободой. Узнав о бегстве своего любимого, Коллонтай в панике, боясь ареста, скрылась в Петрограде под защитой анархиствующих матросов.

Газеты конца марта — начала апреля 1918 года пестрели сенсационными сообщениями о бегстве отстраненных наркомов и переходе их в оппозицию к режиму. Сообщались подробности о похищении «Дыбенкой» 700 тысяч казенных денег и о буйствах его отрядов на железнодорожных станциях.

Призывы правительства к Дыбенко и Коллонтай возвратиться

и добровольно сдаться властям те проигнорировали. Тогда был подписан приказ о розыске и аресте отставных наркомов. Когда Крыленко все же удалось связаться по телеграфу с Дыбенко, беглец пригрозил: «... еще не известно, кто и кого будет арестовывать». В этом заявлении читался вызов режиму. Зинаида Гиппиус с женским [20] ехидством в те дни писала в своем дневнике: «Да тут же еще Крыленко пошел на Дыбенку, а Дыбенко на Крыленку, друг друга хотят арестовать, а жена Дыбенки — Коллонтай — тоже отставная и где-то тут путается».

В апреле 1918 года Дыбенко оказывается в Самаре. Почему именно там? Самарский губернский исполком тогда возглавляли левые эсеры, разругавшиеся с большевиками из-за Брестского мира. Они были рады принять и спасти оппозиционера. В Самаре были особенно сильны позиции левых эсеров, максималистов, анархистов. Туда эвакуировались анархисты и максималисты с захваченной немцами Украины. Там же оказалась часть матросов Черноморского флота после потери Севастополя и Одессы. Это были недовольные властью и потоплением флота анархиствующие «братишки». Силы самарской фронды объединялись вокруг неприятия мира с немцами, диктатуры и террора большевиков.

На общем митинге «левых» партий, к которым присоединились и «левые» коммунисты, было вынесено решение о неподсудности Дыбенко. Было заявлено, что самарская власть не выдаст его карательным органам.

На некоторое время Дыбенко становится лидером «Самарской республики» и самарской оппозиции к власти большевиков. В Самару вскоре перебирается и Коллонтай. Два бывших члена правительства выступают против Ленина и мира с немцами. Об этих событиях в анналах истории сохранилась только небольшая статья Г. Лелевича в журнале «Пролетарская революция» за 1922 год. Статья называется «Анархо-максималистская революция в Самаре».

В ЦГАВМФ хранятся телеграммы, которые рассылал Дыбенко на все военные флоты и эскадры Советской России, в них он сообщал, что его арест был вызван боязнью правительства перед разоблачениями, которые должен был сделать отстраненный от дел нарком на Четвертом Съезде Советов. Эти разоблачения касались истории «немецких денег» и злоупотреблений новой власти в расходовании средств, доставшихся ей от Временного правительства. Дыбенко стал первым разоблачителем коррупции большевиков и первым обладателем «чемодана с компроматом».

Дыбенко призывал потребовать у Ленина денежного и делового отчета СНК. Возможно, у него была информация [21] о

передаче Лениным Германии 90 тонн золота в марте 1918 года.

Газета анархистов «Анархия» (орг. Московской федерации анархистских групп) 22 мая 1918 года публикует письмо Дыбенко «К левым товарищам рабочим», в котором он открыто обвиняет Ленина в соглашательстве, в «сделке» с немцами, в неспособности справиться с хаосом и разрухой в стране. Он выступает против «правительственных большевиков-соглашателей… сдающих день за днем октябрьские завоевания», клеймит «новый курс» ленинского правительства. Призывая рабочих «самим решать свою судьбу», опальный нарком подталкивал их к восстанию.

Вскоре в печати появилось новое совместное письмо Дыбенко и Коллонтай (газ. «Путь к анархии». Сарапул, 3 июля 1918), которое разошлось по всей России. В нем бывшие поклонники революционного террора выступали против «красного террора» и восстановления смертной казни, которые инициировал Ленин. Они называли «мартовских правительственных коммунистов… могильщиками революции».

Советские историки обычно утверждали, что «красный террор» начался в сентябре 1918 года и был навязан советской власти покушением на жизнь Ленина и убийством Урицкого. Но о терроре можно говорить уже с января 1918 года, когда, расправившись с «учредиловкой», власть сбросила все демократические одежды. Да и сам Дыбенко без подсказки большевистских лидеров начал проводить массовый классовый террор, оставляя трупы безвинных на улицах Питера и Хельсинки.

Однако, оказавшись гонимым весной 1918 года, Дыбенко стал возмущаться расстрелом капитана Щасного — любимца балтийских моряков. Уж Павел Ефимович зимой 1917–1918 годов попускал кровь офицерскую! А тут его возмутил расстрел по приговору революционного суда. Дыбенко тогда очень опасался, что судьба Щасного ждет и его.

Немного об Александре Михайловиче Щасиом. В январе 1918 года капитан первого ранга Щасный спас остатки Балтийского флота (около 200 судов) от выдачи судов немцам. Он вывел корабли из осажденных немцами финляндских портов и привел их в Кронштадт. Причем ему не помешали ни противодействие «ленинцев», намеревавшихся [22] отдать флот немцам, ни замерзший Финский залив, ни преследование и обстрел немецкой эскадры.

На Всероссийском съезде моряков Щасный был произведен в «народные адмиралы», а 5 апреля 1918 года назначен начальником морских сил на Балтике. Через 12 дней после этого назначения Щасного арестовывают, судят и вскоре расстреливают. Троцкий на первом революционном суде обвинил

Щасного в том, что он взорвал военную крепость Ино, которую должны были захватить немцы, и не установил демаркационную линию с немцами на море. Но главное преступление Щасного заключалось в том, что он знал о решении Ленина уничтожить Балтийский флот (того требовали немецкие покровители вождя) и «распространял об этом слухи».

Левые эсеры — члены президиума ВЦИК Советов потребовали отменить приговор о расстреле Щасного, но это требование было отклонено. Щасного обвинили еще и в «популярности» (!), которая может быть использована для выступлений против власти. Дыбенко, в ответ на приговор матросскому адмиралу, заявил, что большевики становятся «нашими гильотинщиками и палачами». Он писал: «Неужели нет ни одного честного большевика, который бы публично заявил протест против восстановления смертной казни? Жалкие трусы! Они боятся открыто подать свой голос — голос протеста. Но если есть хоть один честный социалист, он обязан заявить протест перед мировым пролетариатом... Мы не повинны в этом позорном акте и в знак протеста выходим из рядов правительственных партий! Пусть правительственные коммунисты после нашего заявления протеста ведут нас на эшафот...»

Но на плаху Дыбенко не пошел, да и не собирался он гибнуть «за идеи»... Из Москвы сообщили, что его могут оправдать и пообещали неприкосновенность в обмен на молчание и «отдых» от политической жизни. Ленин лично пообещал Коллонтай, что ей и Дыбенко нечего ареста бояться, а Дыбенко, вместо сурового военно-революционного трибунала, будет судить обыкновенный «народный суд».

«Отважный» оппозиционер покидает Самару как раз в тот момент, когда «каша уже была заварена», когда матросы вместе с анархистами, максималистами, левыми эсерами подготовили восстание. Отъезд Дыбенко лишил их авторитетного [23] лидера. Фактически ценой легализации Дыбенко было предательство. 18 мая 1918 года начавшееся восстание «левых» Самары против ленинского диктата и Брестского мира было потоплено большевиками в крови. Несколько недель после этих событий чекисты еще расстреливали оппозиционеров, которые выступали за власть свободных Советов и верили Дыбенко...

За неделю до восстания в Самаре Дыбенко прибыл в Москву и явился в Кремль на суд партийных «богов». Он пообещал хранить молчание относительно «немецких денег» и прочих тайн Кремля, дал слово не заниматься политикой и никогда более не стремиться в народные трибуны. В обмен на это Дыбенко даровалась жизнь: народный суд, проходивший в провинциальной

Гатчине оправдал его, но в партии он так и не был восстановлен.

Речь Дыбенко на суде отличалась революционным пафосом и самолюбованием. Призрак Великой Французской революции витал под сводами гатчинского дворца, где проходил суд. Речь своему «орлу» писало лучшее перо партии — перо литератора Александры Коллонтай: «Я не боюсь приговора надо мной, я боюсь приговора над Октябрьской революцией, над теми завоеваниями, которые добыты дорогой ценой пролетарской крови. Помните, робеспьеровский террор не спас революцию во Франции и не защитил самого Робеспьера, нельзя допустить сведения личных счетов и устранения должностного лица, не согласного с политикой большинства в правительстве… Нарком должен быть избавлен от сведения счетов с ним путем доносов и наветов… Во время революции нет установленных норм. Все мы что-то нарушали… Матросы шли умирать, когда в Смольном царила паника и растерянность…» Эти пассажи из выступления подсудимого проливают свет на склоки в первом советском правительстве и на его неуверенность в завтрашнем дне.

Матросы вынесли Дыбенко из зала суда на руках, и снова начались для Павла дни беспробудных кутежей. Ленин тогда шутил: мол, расстрел для Дыбенко и Коллонтай будет недостаточным наказанием, и предлагал «приговорить их к верности друг другу в течение пяти лет». Как в воду глядел лукавый вождь. Менее пяти лет, с большими перерывами и с изменами продержался их странный «первый советский брак». [24]

Хотя Коллонтай многое сделала для оправдания своего любимого, Дыбенко прятался в то время от формальной жены, которая искала его по всем притонам Москвы. Павел просто убегал, когда ему говорили, что жена где-то близко. Наконец, он и вовсе сбежал из Москвы со своим отрядом «братишек» и уехал в Орел к своему брату Федору, что был в этом городе одним из руководителей местного Совета.

Узнав о бегстве «гражданского мужа», Шура Коллонтай решает порвать с ним. Ленин, встретившись с Коллонтай, упрекнул ее за увлечение «недостойным субъектом». Она согласилась с вождем, пообещав больше не встречаться с Павлом. Четыре месяца Коллонтай не встречалась с Дыбенко, хотя ее постоянно тянуло к нему.

Ленин ломал голову над тем, что делать с пьяным «орлом», засевшим в Орле. Во искупление грехов Дыбенко было решено отправить на подпольную работу в оккупированную немецкими войсками Украину. Под псевдонимом Алексей Воронов Дыбенко оказывается в июле 1918 года в Одессе. Однако, побыв там две

недели и не связавшись с подпольем, Дыбенко уезжает в Крым. Там через десять дней «подполья» он был арестован как «большевистский лидер». Его держат в кандалах, так как он пытался бежать из тюрьмы. За массовые убийства офицеров в 1917 году ему грозил расстрел. Но уже через месяц, в конце августа 1918 года, советское правительство обменяло Дыбенко на нескольких пленных немецких офицеров. А ведь еще за четыре месяца до этого освобождения большевистская власть хотела расправиться с ним.

В сентябре 1918 года Дыбенко возвращается в Москву. Через десять дней ему дают новое назначение. Важно было держать «орла» подальше от столицы и Балтийского флота. Его направили в «нейтральную зону», что существовала на границе между РСФСР и Украинским государством, для организации сил, которые должны были быть использованы для, захвата Украины. Он получил «крошечную» должность командира батальона, был даже временно комиссаром полка, ... хотя, как известно, его исключили из [25] партии. В то же время Дыбенко постоянно конфликтует с комиссарами, которые пытались ограничить его самовластие. В то время Коллонтай запишет в своем дневнике: «Свердлов не скрывает своей антипатии к такому «типу», как Павел, и Ленин, по-моему, тоже».

Однако в начале 1919 года он внезапно получает генеральскую должность командующего группой войск Екатеринославского направления, которые вторглись на территорию независимой Украинской народной республики и завязали бои с «петлюровскими» частями. Внезапный «взлет» Дыбенко, очевидно, связан с его украинским происхождением и фамилией. Ленинской власти важно было прикрыть интервенцию рассуждениями о «восстаний украинского пролетариата против буржуазного правительства Директории», и тут украинская фамилия Дыбенко чрезвычайно пригодилась. Он был свой «красный украинский генерал», что привел войска Российской республики в Украину.

В конце декабря 1918 года одними из первых городов Украины, которые были захвачены советскими войсками, оказались Кутшнск и Волчанск, на самой границе с Советской Россией (Харьковская губерния). Разбирая в Российском государственном военном архиве документы, касающиеся первых боев Красной Армии против украинских войск, я натолкнулся на никому не известный документ о «мятеже левых эсеров в Украине». Собственно, был ли сам мятеж? Или просто большевики всеми силами стремились воссоздать свою диктатуру в Украине? Но вот удача! Оказалось, что и тут в темной

«слободской» истории подвизался вездесущий Дыбенко, только полгода тому крепко наказанный за «политику» и обещавший больше в нее, родимую, не лезть Небольшие городки Купянск и Волчанск были взяты отрядами под командованием левых эсеров Саблина и Сахарова. Эти командиры, в обход договоренности с командованием советских войск, неожиданно для большевиков, организовали на украинской земле уездный ревком (орган диктаторской власти) В него вошли левые эсеры, максималисты, анархисты, повстанцы. Он был создан с целью провозглашения нового украинского государства под руководством левых эсеров. Выбор их пал на Украину, как на край крестьянского повстанчества, близкий сердцу левых эсеров. [26]

Украина была «землей неизвестной», ее только несколько дней назад стали захватывать большевики, и никто не знал, кому она будет через месяц принадлежать — петлюровцам, французам, махновцам, эсерам, польским интервентам, немцам, белогвардейцам, «красным»? А может какому-нибудь мятежному атаману — Болбочану? Волоху? Тютюннику? Завтрашний день был непредсказуем...

Большевиков возмутила попытка создать новую эсеровскую власть. Руководящие решения КП(б)У решительно отвергали какие-либо блоки, коалиционные правительства и властные учреждения с левыми эсерами или анархистами. Планировалось только использование их военных отрядов и военспецов в «боевых целях». Создание первой властной структуры в Украине — ревкома под руководством левых эсеров — было приравнено к мятежу против большевистской власти{1}. Однако о том, что это был за мятеж, можно судить по его бескровному подавлению Ревком разогнали, руководителей его и командиров отрядов арестовали, и два полка «мятежников» разоружили только при помощи одного советского батальона.

Лев Троцкий тогда писал, что Саблин, Сахаров и «подозрительные «максималисты» Валуйского уезда... — злейшие враги», и в случае неподчинения «на голову максималистов, анархистов, левых эсеров и просто искателей приключений сразу же опустится тяжелая рука репрессий». Это было предупреждение и Дыбенко, который принял активное участие в истории с левоэсеровским ревкомом. Он вновь не мог удержаться от того, чтобы не вмешаться в политическую авантюру. Как свидетельствуют архивы, мятежники делали ставку на Дыбенко и его батальон, и даже имели с ним договоренность о совместном выступлении. Но тот вовремя почувствовал обреченность затеянного предприятия и «ушел в кусты», оставив заговорщиков в неведении относительно своей позиции. Возможно, он

«просигнализировал» в Центр относительно самоуправства левых эсеров.

Вскоре Дыбенко становится командиром бригады, а через некоторое время — командиром 1-й Заднепровской дивизии, насчитывавший десять тысяч бойцов. В соединение входили бригады Махно и Григорьева (О деятельности Дыбенко в Украине 1919 года сохранился огромный [27] материал в Российском государственном военном архиве, ф. 336, 937–938, 999.)

Большевики снова поверили в его преданность или благоразумие. В это горячее время (февраль — март 1919 года) дивизии все сходило с рук. Погромы, грабежи, насилия, пьяные дебоши были привычным делом в дивизии. В Государственном архиве Российской федерации (ф. 2, оп.1, д. 126) я обнаружил уникальное письмо николаевских большевиков правительству Советской Украины, в котором они требовали привлечь Дыбенко к ответственности за «купянские события», «февральский дебош в Луганске» (после которого была создана следственная комиссия), за разгон большевистского ревкома, необоснованные расстрелы...

Уже в феврале Дыбенко начинает «исправляться». Он становится жестоким борцом с крамолой, инакомыслием, проводником «красного террора», против которого так смело выступал десять месяцев назад. Дыбенко развязывает террор не только против помещиков и буржуазии, которые еще в Семнадцатом были обречены на уничтожение, но и против своих недавних товарищей, к которым он обращался за защитой.

В Екатеринославе (Днепропетровске) он арестовал более 50 активистов из анархистов и левых эсеров, закрыл левоэсеровскую газету «Борьба», запретил лекции анархистов. По приказу Дыбенко арестовали и участников уездного Александровского (Запорожского) съезда Советов. Это были крестьяне и рабочие, посмевшие выразить недоверие партии большевиков и избрать уездный исполком Советов в основном из левых эсеров, украинских социалистов и им сочувствовавших. Большевики в Девятнадцатом стали уничтожать советскую власть там, где она противилась их диктатуре. А одним из наиболее активных борцов за большевистскую диктатуру стал изгнанный из ленинской партии Дыбенко.

Крестьянские сходы, местные советы, съезды революционных повстанцев выносили резолюции-протесты, осуждающие аресты и расстрелы «левых» революционеров. Но Дыбенко уже ничего не слышал, опьяненный воплями обреченных и собственной безнаказанностью.

Интересна история взаимоотношений Дыбенко и анархистского вождя, легендарного батьки Махно. Они отражены

в неопубликованных воспоминаниях Дыбенко, которые [28] хранятся в Российском государственном военном архиве (ф. 199, оп. 2, д. 156) в Москве.

Когда Дыбенко наступал на Екатеринослав, махновские отряды помогли ему овладеть станцией Синельникове. Но по приказу Дыбенко 20 махновцев было расстреляно за «расхищение поездов», хотя махновцы пытались забрать свои военные трофеи. Эти расстрелы привели к первому конфликту между комдивом и батькой. Однако отряды Махно в феврале 1919 года вошли в дивизию Дыбенко на правах отдельной, особой бригады с выборным командованием, черным флагом и анархистской идеологией. Поначалу между Махно и Дыбенко возникло подобие дружбы. Дыбенко предоставил оружие «бригаде имени батьки Махно», а Махно подарил комдиву своего лучшего трофейного коня и объявил Дыбенко посаженным отцом на своей свадьбе.

Факт посещения Дыбенко «махновского района» сохранили для нас пожелтевшие фотографии и кинопленка. Тогда батьку и комдива запечатлели рядом на станции Пологи. Дыбенко позже напишет: «...у Махна хитрые, но пронизывающие глаза… большие вьющиеся волосы... ходит он в гусарском костюме».

Но как только Махно через две недели после подписания союза с «красными» стал критиковать большевистскую диктатуру, Дыбенко начинает писать доносы на батьку и дискредитирует его всеми доступными способами. Он разработал план убийства Махно. По приказанию комдива тот должен был явиться в штаб дивизии для отчета. Там планировалось арестовать и немедленно расстрелять Махно. Однако батька почувствовал, что ему готовят ловушку, и решил общаться с Дыбенко только по телеграфу. Своего непосредственного командира он стал называть «проклятым матросом».

24 марта Дыбенко «удалось» ликвидировать «махновское восстание» на станции Пологи. Восстание сводилось к нежеланию бойцов принимать командиров-»назначенцев». Однако паника охватила соседние советские учреждения, и они стали немедленно эвакуироваться из Александровского уезда. Но Дыбенко тогда сумел договориться с недовольными, и он заявил, что паника возникла «из-за дурости». [29]

Неудача с покушением на Махно подтолкнула Дыбенко к подготовке нападения на столицу махновцев село Гуляй-Поле с целью уничтожения батьки и всех его командиров, разоружения махновской бригады. Но на такую масштабную операцию Дыбенко не получил разрешения командующего Украинским советским фронтом В. Антонова-Овсеенко, который тогда симпатизировал Махно.

Зато Дыбенко удается запретить деятельность Гуляйпольского Совета крестьян и повстанцев (махновскую власть) и разогнать местные «вольные Советы», которые ориентировались на махновцев. «Всякие съезды, созванные от имени распущенного, согласно моему приказу, гуляйпольского Военно-революционного штаба, считаются явно контрреволюционными, и организаторы таковых будут подвергнуты самым репрессивным мерам, вплоть до объявления вне закона», — пугал крестьян Запорожья Дыбенко. Но Махно все же созвал съезд, который подверг острой критике тиранию большевиков и их «опричников».

Через полтора месяца после предложения Дыбенко «разогнать махновщину» вождь Красной Армии Лев Троцкий «дал добро» на ликвидацию Махно, объявив батьку «вне закона». Части Дыбенко были брошены против махновцев. Но красноармейцы заявили, что не будут исполнять приказы Дыбенко и при встрече с махновцами будут переходить под знамена батьки. Авторитет Махно в частях Красной Армии был чрезвычайно высок, а Дыбенко, напротив, за его «фанфаронство» и рукоприкладство солдаты недолюбливали.

Как сообщали политсводки, Дыбенко не снискал популярности в солдатских массах и не сможет вести за собой солдат. Он был не выборным командиром (как Махно), а «назначенцем» из Центра, скорее даже самозванцем. Захватив Мелитополь, он «столкнулся с ревкомом и компрометировал советскую власть, убив красноармейца». Он часто прибегал к расстрелам для ликвидации недовольства в армии. Приказывал расстреливать солдат даже за критические замечания в свой адрес.

Кстати, его брат — Федор Дыбенко, командир 42-й дивизии 13-й армии Южного фронта, убежденный анархист, — был буквально растерзан своими красноармейцами за необоснованные расстрелы подчиненных еще в [30] марте 1919 года на станции Дебальцево. Но трагический конец брата ничему не научил Павла.

А. Коллонтай писала, что «к Павлу почему-то недружелюбное отношение» солдат. К тому же Дыбенко ориентировался на «промосковскую группу» в украинском руководстве и проводил политику русификации и централизации, что также не вызывало симпатий у солдат-украинцев.

Отношения Дыбенко с командующим фронтом Антоновым-Овсеенко становились все более натянутыми из-за нежелания комдива подчиняться. Дыбенко мечтал о большей самостоятельности и бесконтрольности. Ударом по его самолюбию была передача в состав 3-й украинской советской

армии бригады Григорьева и переход на Южный фронт бригады Махно.

О бесчинствах, творимых воинством Дыбенко на местах, скоро узнали в Москве. Инспекция Льва Каменева докладывала, что «армия Дыбенко кормится сама» — грабит крестьянские хозяйства, а также захватывает эшелоны с углем и мануфактурой, фуражом и хлебом, которые направлялись с Юга Украины в Советскую Россию. На этой почве у Дыбенко возник конфликт с местными большевиками и Проддонбассом. В конце апреля 1919-го было решено создать следственную комиссию для расследования фактов задержки и разграбления эшелонов частями Дыбенко.

Над Дыбенко снова нависла угроза суровой кары. На этот раз за грабеж государственного имущества. Но темная туча прошла мимо. Месяц май выдался очень горячим для большевиков. Более грозные и важные события замелькали с калейдоскопической быстротой, и о «художествах» Дыбенко забыли.

В апреле 1919-го две бригады, оставшиеся под началом Дыбенко, прорвались через Перекоп в Крым и быстро захватили весь полуостров, кроме района Керчи. «Крымская операция» комдива была нарушением приказа командующего Украинским фронтом, согласно которому части Дыбенко должны были направиться в Донбасс для защиты этого района от наступления «белых» и ни в коем случае не «углубляться» в Крым, не растягивать фронт. Даже Ленин вмешался в стратегические вопросы и 18 апреля телеграфировал Х. Раковскому: «Не разумнее ли его силами [31] (Дыбенко. — *Авт.)* заменить Махно и ударить на Таганрог и Ростов».

Но Дыбенко решил не выполнять приказ командования и не прислушался к совету Ленина в надежде на то, что победителей не судят. Он частенько рисковал, особенно чужими жизнями. В итоге все произошло, как предвидел командующий фронтом: через месяц после отказа Дыбенко защищать Донбасс «белые» прорвались в шахтерский регион и, пользуясь малочисленностью противостоявших им войск, вышли в тыл советскому фронту. Этот прорыв привел к оккупации Советской Украины «белыми» в августе — декабре 1919 года.

Но в апреле 1919-го Дыбенко чувствовал себя триумфатором и «крымским удельным, князем». В начале мая он провозглашает создание Крымской советской армии (9 тысяч солдат), которая не подчинялась Украинскому фронту.

В мае Украину всколыхнуло направленное против большевиков восстание атамана Григорьева, бывшего подчиненного Дыбенко. Дыбенко не спешил посылать части

Крымской советской армии против мятежного атамана. Из Центра даже звучали угрозы объявить Дыбенко вне закона в случае неисполнения приказа о направлении войск против Григорьева. Но он не спешил, да и восстание было неожиданно легко подавлено за две недели…

Тогда же, став военным диктатором Крыма, Дыбенко создает «под себя» Крымскую Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР и приглашает на роль «свадебного генерала» главу правительства Крыма (СНК КССР) брата Ленина — Дмитрия Ульянова. Он счел, что это назначение обеспечивает ему защиту самого Ильича и оправдание самоуправства. Себя Дыбенко провозгласил Наркомом военных и морских сил Крыма, председателем Реввоенсовета Крыма, командующим Крымской армией.

Вернувшаяся к «победителю» Александра Коллонтай была назначена начальником политуправления Крымской армии, но фактически стала «крымской царицей» и курировала все идеологические и политические вопросы. Военная диктатура Дыбенко в Крыму получила название «дыбенковщина» и снискала недобрую славу. Функции Советов и даже руководящих партийных органов были сведены на нет. Л.Д. Троцкий, заявив, что в Крыму красноармейские части «заражены дыбенковщиной», прекратил их снабжение. [32]

Клеймо «дыбенковщина» характеризовало режим полутирании — полуанархии — полубандитизма в советской Крыму 1919 года. Жестокий террор дополнялся спекуляцией и грабежами. Права крымских татар ограничивались, а их национальные лидеры преследовались.

Дыбенко знал только один метод убеждения — расстрел. Он приказывал расстреливать служащих за уход с места работы, расстреливал «распространителей слухов» и «паникеров».

Коллонтай комментировала эти события в своем дневнике: «Паша проявился как недисциплинированный, самолюбивый, вспыльчивый тип». Но ее строгие выводы были сделаны не только на основании анализа деловых качеств «орла». Влюбчивый Дыбенко соблазнил молоденькую секретаршу, что состояла при Коллонтай и была ее наперсницей. Коллонтай, вне себя от ревности, вновь решает порвать с Дыбенко «навсегда». Она уезжает в Харьков, к «старым товарищам», которые пристроили ее на пост наркома пропаганды Советской Украины.

«Царство» Дыбенко просуществовало недолго. Уже в середине июня 1919 года стало ясно, что Крым не удержать. Наступавшие белогвардейцы, захватив Мелитополь, в любой момент могли отрезать Крым от советской территории. Высадившийся в

Коктебеле «белый» десант под командованием генерала Слащова смял оборонительные порядки советских войск на Керченском перешейке, открыв путь отрядам Деникина на Севастополь и Симферополь.

20 июня 1919 года началось паническое бегство органов советской власти и армии «красных» из Крыма в направлении Перекоп — Херсон. Отступавшие к Херсону части Дыбенко сократились вдвое вследствие дезертирства. Оставшиеся были настолько деморализованы, что бежали с поля боя перед одним казачьим полком, сдав «белым» Херсон. Дыбенко потерял все — Крым и свою армию, которая приказом от 21 июня переформировывалась в Крымскую стрелковую дивизию.

В июле части Дыбенко пытаются вернуть захваченные «белыми» Екатеринослав. Командующему удается поднять остатки своей «армии» в контрнаступление. Но взять город и удержать его эти части уже были не в состоянии Забыв старые обиды, к Дыбенко тогда обратился Махно, прося прислать патроны и установить общий с «красными» [33] фронт. Поставленный большевиками вне закона, батька Махно со своим трехтысячным отрядом продолжал сдерживать наступление «белых» на правом берегу Днепра, у Екатеринослава.

Агенты советского информационного отдела 14-й армии докладывали, что даже Азовско-Черноморская флотилия, располагавшаяся по Днепру, «находилась в веденье Махно», в частях чувствуется «идейная тяга к батьке Махно». На сторону Махно тогда перешло несколько тысяч солдат из дивизии Дыбенко, экипажи двух бронепоездов.

Дивизия Дыбенко, которая вскоре вместо Крымской стала называться 58-й, бежав из-под Херсона, окопалась в Николаеве. В этом городе Дыбенко решает установить личную диктатуру. По сообщениям местного исполкома Советов, Дыбенко и его штаб «воюют» с властями, с коммунистами и пытаются грабить город.

Но на этот раз коммунисты изловчились и арестовали дебошира-комдива. Четыре дня он просидел в заключении, вновь ожидая расстрела за свои злодеяния. Некоторые части его дивизии переходят в Повстанческую армию батьки Махно и воюют уже не только с «белыми», но и с «красными».

Однако Дыбенко был «человеком Центра» и «историко-революционной личностью», его нелегко было покарать, особенно уездной власти. По приказу из Центра он был освобожден, хотя и отстранен от всех должностей.

В сентябре 1919 года Дыбенко уже в Москве. Он находит сильных покровителей и поступает в Академию Красной Армии, где готовят новую военную элиту. Возможно, кто-то в

правительстве посчитал, что бывшему матросу с большим революционным опытом просто не хватает образования и культуры.

Только месяц проучился в Академии Дыбенко, а затем был направлен на должность командира 37-й дивизии. Белогвардейцы рвались к Москве, и в октябре 1919 года над большевистским руководством нависла реальная угроза краха. В бой бросались последние резервы. Дивизия Дыбенко воюет тогда под Тулой и Царицыном (Волгоградом). [34]

И вновь привлекается он к ответственности следственной комиссией трибунала, на этот раз по делу о неправомочном расстреле семерых красноармейцев. Ему снова удается выпутаться...

В марте 1920 года Дыбенко получает новое назначение — командиром 1-й Кавказской кавалерийской «дикой» дивизии (входила в 1-ю конную армию). Матрос стал командовать кавалерией! Не долго, правда, продержался он на этой должности.

Через два месяца его назначают командиром 2-й кавалерийской дивизии Южного фронта, что воевала против войск Врангеля и Махно. Но и на этой должности «матрос-кавалерист» долго не удержался из-за своего взбалмошного характера и отсутствия всякого опыта и всяческих знаний в управлении конницей. Девятнадцать дней дыбенковского командования дорого обошлись соединению: оно было разгромлено белогвардейской конницей генерала Барбовича, прорвавшей «красный» фронт. После этого командование посчитало нецелесообразным доверять Дыбенко конные дивизии и отозвало его доучиваться в академию.

Год 1921-й. Год всеобщего кризиса и хаоса в стране, крестьянских восстаний против большевиков для Дыбенко оказался ступенью в служебной карьере. В этот год он «зарабатывает» два ордена Красного Знамени за ликвидацию восстаний: матросов-»братишек» в родном Кронштадте и крестьян Тамбовской губернии. «Заслугой» Дыбенко, во время штурма Кронштадта, было применение «заградительных отрядов», которые стреляли «по своим» отступавшим или отказавшимся от штурма частям (подразделения 561-го полка подверглись такому обстрелу с тыла).

Для истории сохранились фотографии «триумфа» Дыбенко в Кронштадте, который он потопил в крови: «Дыбенко во главе следственной комиссии», «Дыбенко на митинге на поверженном мятежном линкоре «Петропавловск». Везде он в центре и с бесовским блеском в глазах. В Обращении «К товарищам старым

морякам Кронштадта» Дыбенко призывал: «Спасайте честь славного революционного имени балтийцев, опозоренное ныне предателями. Спасайте Красный Балтийский флот!»

Во время штурма восставшей крепости 17 марта 1921 года Дыбенко возглавил сводную дивизию карателей и войска, задействованные в общем штурме. Ленину было выгодно, [35] чтобы матросов-бунтарей карал матрос, «бывший бунтарь». Тем более что восставших возглавлял матрос Степан Петреченко с Полтавщины, служивший на флоте с 1914 года, участник Октябрьской революции и приятель Дыбенко.

До сих пор мы не знаем точных цифр убитых, казненных, осужденных на медленное уничтожение в концлагере Соловки матросов-балтийцев. Историки называют от 7 до 15 тысяч жертв Кронштадта. Только смертных приговоров, санкционированных Дыбенко, было вынесено 2103. Даже тех, кому была обещана свобода за капитуляцию, отправили в концлагерь, откуда никто не вышел. М.Тухачевский писал: «Я пять лет на войне, но не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь наблюдал такую кровавую резню».

Дыбенко стал хозяином жизни и смерти своих «братишек» как комендант мятежной крепости. Вскоре он «создаст» воспоминания под названием «Мятеж», в которых опишет свои «подвиги». Эту книгу он посвятит «борцу за справедливость» — Шурочке Коллонтай. Скорее всего Коллонтай и была фактическим автором книги. Ведь матрос-командарм был малограмотен. Хотя он «написал» (или ему написали) множество книг, прославляющих особу Дыбенко: «Октябрь на Балтике», «В недрах царского флота», «Из недр царского флота к Великому Октябрю», «Революционные балтийцы»...

В апреле 1921 года Дыбенко как специалиста по подавлению восстаний направили усмирять крестьян Тамбовщины, выступивших во главе с эсером, атаманом Антоновым. Сколько на совести Дыбенко крестьянских душ, расстрелянных и изрубленных, сожженных живьем в хатах, умерщвленных отравляющими газами?!

«Миндальничать с этими мерзавцами не приходится...» — заявил Дыбенко. Даже женщин и детей не пощадили, ссылая на смерть в Сибирь.

Проявив себя за два месяца «стратегом малой войны» против своего народа и беззаветно преданным партии командиром, Дыбенко становится «героем», обласканным властью. В мае 1921 года его назначают начальником войск [36] Западного черноморского побережья (район Тирасполь — Одесса — Николаев — Херсон), где его хорошо помнили по событиям 1919 года. С июня 1921-го он одновременно стал командовать 51-й

Московской (Перекопской) стрелковой дивизией.

Сведения о «деяниях» этой дивизии, когда ее «отцом» был Дыбенко, можно почерпнуть в одесских архивах. Там хранятся свидетельства чудовищных издевательств над местными жителями бойцов «славной» дивизии. В начале 1922-го, когда голод выкашивал целые деревни Юга Украины, озверевшие банды бойцов 51-й дивизии врывались в степные села, грабили, насиловали женщин, избивали мужчин. Забирали последнее, что еще не выкачали по продовольственному налогу. А сам Павел Ефимович закрывал на все это глаза, заявлял, что солдаты требуют постоянного усиленного питания. Еще он снова стал конфликтовать с местным партийным начальством. Выступая на параде своих войск 1 мая 1922 года, Дыбенко называл местных коммунистических лидеров «бездельниками» и предлагал «разогнать» исполком Одессы. Местные власти и комиссары платили ему той же монетой, требуя от центра отзыва Дыбенко с Юга Украины. Но командующий войсками Советской Украины и Крыма М.Ф. Фрунзе ограничился директивой — «неусыпно наблюдать за Дыбенко» как за ненадежным командиром.

В Одессе, где находился штаб дивизии, Дыбенко и Коллонтай поселились в шикарных номерах лучшей гостиницы «Пассаж», что на улице Дерибасовской. Целый этаж гостиницы, где жили пламенные революционеры, был завален конфискованной антикварной мебелью, картинами, коврами… Сторонники равенства стремились к роскоши и содержали несколько выездов и авто.

В 1922-м Дыбенко экстерном «как особо талантливый» (!) заканчивает Военную академию, проучившись там не более года. Его жена вспоминала, что писала комдиву во время его учебы в академии все контрольные и дипломную работу о роли полководца в военных действиях. В то время как Коллонтай корпела над контрольными, молодой «генерал» Дыбенко пил и гулял, и его кутежи надолго запомнились одесситам. Это не мешало ему приписывать себе идеи по реорганизации армии, высказанные Коллонтай. Он вскоре сам поверил, что именно он их автор. [37]

Коллонтай постоянно отчитывала своего поистрепавшегося «орла», укоряя его: «… твой организм уже поддался разрушительному яду алкоголя. Стоит тебе выпить пустяк и ты теряешь умственное равновесие. Ты стал весь желтый, глаза ненормальные…» Эти строчки были написаны Коллонтай еще в 1922 году, а после этого еще 15 лет наш «герой» усиленно пил и при этом командовал военными округами, продолжая писать со множеством грамматических и смысловых ошибок, в общении с

подчиненными предпочитая мат.

В Одессе у Дыбенко завязался роман с «буржуйкой» Валей Стафилевской. Ей было всего восемнадцать, когда один из подчиненных комдива взял ее «как трофей» при разгроме армии Врангеля в Крыму. Позже он передал ее своему начальнику. В 1923 году Валентина стала женой Дыбенко.

А за год до этой неудачной женитьбы Дыбенко пытался поддерживать любовные отношения сразу с двумя постоянными зазнобами: Шурой и Валей, хотя и от них он частенько «уходит по бабам». В то же время он «по — своему» любит и не хочет расставаться с Коллонтай, которая переживала в 1922 году очередное политическое фиаско. Она приняла участие в «рабочей оппозиции» в коммунистической партии, которая выступала против диктата Ленина. Оппозиция очень быстро была разгромлена, причем «железный Феликс» предлагал расстрелять или пересажать всех участников оппозиции. От греха подальше Коллонтай уехала к мужу в Одессу.

В Одессе потерпел полное фиаско и их революционный роман. Революция отгремела, а будни развеяли романтический ореол вокруг Дыбенко. Кого же скрывал он? Вечно пьяного, грубого мужлана, парвеню, который упивался своей славой и властью. Насмотревшись на похотливого и пьяного «фельдфебеля Дыбенко», Александра настаивала на немедленном разводе. Дыбенко пытался вымолить у нее прощение, ползал перед ней на коленях, обещал «исправиться». Он клялся порвать «с Валькой» и бросить пить. Часто Колонтай приходилось наблюдать бурные рыдания «легендарного героя», нервная система которого постоянно давала сбои. В порыве раскаянья и отчаяния, понимая, что разрыв неизбежен, Дыбенко выхватывает однажды револьвер, [38] и направив дуло себе в грудь, стреляет… Он видел как делал это в фильме актер Полонский.

Все это произошло на глазах у Александры, на роскошной даче командующего, в предместье Одессы «Большой фонтан». Коллонтай так опишет это событие. Целую ночь Дыбенко гулял, а под утро заявился под хмельком, оправдываясь, что задержался у друзей по дивизии. Коллонтай бросила ему в лицо (читаем ее дневник):

«Не лги. Мне все равно, где ты был. Между нами все кончено. В среду я еду в Москву. Совсем. Ты можешь делать что хочешь — мне все равно.

Павел быстро, по-военному, повернулся и поспешил к дому. У меня мелькнуло опасение: зачем он так спешит? Но я медлила. Зачем, зачем я тогда не бросилась за ним? Поднимаясь по лестнице террасы, я услышала выстрел… Павел лежал на

каменном полу, по френчу текла струйка крови. Павел был еще жив. Орден Красного Знамени отклонил пулю, и она прошла мимо сердца... Только позднее я узнала, что в тот вечер «красивая девушка» поставила ему ультиматум: либо я, либо она».

Коллонтай выходила самоубийцу, отчиталась перед парткомом за «непартийный» поступок Павла, взяв всю вину на себя... А когда Павел поправился, уехала в Москву, оставив Дыбенко с юной Валей.

Этот выстрел подорвал богатырское здоровье Павла. После него он стал постоянно жаловаться на боли в сердце и временную потерю сознания.

Несмотря на пятый, «окончательный», разрыв с Коллонтай, Дыбенко продолжает оставаться с Шурой в интимной переписке. Последний эпизод их романа приходится на 1923 год, когда Коллонтай становится советником посольства СССР в Норвегии. Комдив Дыбенко шлет ей письмо за письмом с рефреном «Люблю! Хочу в Норвегию!».

1922–1926 годы — время относительной свободы для коммунистов, время заграничных путешествий партэлиты, «лучших людей СССР». С согласия ЦК партии и двух наркомов Сталин решил удовлетворить просьбу Дыбенко об [39] «отпуске для лечения в Норвегии». И вот «орел» в объятьях «голубя», как любовно называл Шуру Павел. Страсть вспыхивает вновь, чтобы угаснуть через несколько дней, когда Коллонтай обнаруживает, что Дыбенко каждый день тайно пишет письма своей молодой жене Валентине. Коллонтай выгнала «орла Павла» из Норвегии, вырвала его из своей души. На этот раз окончательно. Так закончился пятилетний «революционный роман», за хитросплетениями которого с интересом наблюдала кремлевская элита. Поверженным вернулся Павел в Одессу, проведя за границей только неделю из положенных ему пяти «норвежских недель отпуска».

В 1922 году Дыбенко назначается командиром 5-го корпуса Красной Армии и восстанавливается в коммунистической партии с зачетом партийного стажа с 1912 года. Новый скачок к вершинам власти в 1925 году приводит Дыбенко на ключевые и престижные посты начальника артиллерийского управления РККА и начальника управления снабжения Красной Армии. В 1928 году он становится командующим Среднеазиатским военным округом. Его жестокость в борьбе с басмачеством и «азиатским национализмом» озлобляла коренное население. В военном строительстве он придерживался старых взглядов и ненавидел новшества. Отсутствие военных знаний он подменял «крепкой рукой». «Хозяин Азии», как любил себя величать Дыбенко, был

хозяином еще и 500-километровой границы, где по его приказу создавалась погранохрана и шла борьба с контрабандой.

В декабре 1930 года Дыбенко, вместе с большой группой представителей военной элиты, отправляется в командировку в Германию. «Красные командиры» за пять месяцев пребывания в германской военной академии и частях бундесвера, на военных заводах и полигонах должны были ознакомиться с достижениями европейской военной науки и техники. Для многих, в том числе и для Дыбенко, эта поездка оказалась роковой, так как в конце 30-х она стала одним из главных аргументов в системе доказательств «сотрудничества с германской разведкой» группы высших советских военачальников.

Во второй половине 20-х годов личная жизнь Дыбенко «идет наперекосяк». Он продолжает пить и «гоняться за юбками». Молодая его жена одесситка Валентина «крутит [40] романы» с дипломатами и «красными генералами». Перебравшись в Москву, она отказалась следовать за мужем в Среднюю Азию и жила в столице «автономно». Только изредка Валентина приезжала к мужу, причем Дыбенко называл ее приезды «погромными инспекциями». В письмах к Коллонтай, Дыбенко сообщал своей «бывшей», что Валентина «стала совсем невыносимой». После одиннадцати лет супружества последовал долгожданный для них развод.

В начале 30-х у Павла новый громкий роман, на этот раз с бегуньей-рекордсменкой Зиной Ерутиной. Этот роман закончился подброшенным командующему ребенком. И наконец третья жена — двадцатисемилетняя учительница Зина Карпова... Она ушла от мужа к сорокасемилетнему «герою революции» и пыталась создать Дыбенко тихое семейное счастье. В доме Дыбенко появились пасынок и приемный сын.

В 1933 году Дыбенко принимает Приволжский военный округ, которым командует до 1936 года. Эти годы были для него годами постоянного конфликта с комкором Иваном Кутяковым, вспыльчивым и своенравным «героем гражданской войны», который начинал с Чапаевым. Два «героя», что заслужили по три ордена Красного Знамени, не могли усидеть в одном военном округе. Кутяков, будучи заместителем Дыбенко, пытался «подсидеть» его и постоянно слал доносы в Москву на своего командующего. Он, в сущности, писал правду — о грубости, пьянстве, бездарности Дыбенко. Но эти «качества» Дыбенко и так были хорошо известны верхам. Против него активно выступали заместитель наркома обороны М.Тухачевский и еще один «герой гражданской» — И. Уборевич.

Но критика ничего не меняла в карьере Дыбенко. Он

письменно отчитался перед наркомом обороны, написав обо всех превратностях своей жизни, и получил отпущение грехов. В 30-х он становится членом ЦИК СССР, депутатом Верховного Совета СССР, командармом 2-го ранга, командующим второго по стратегической значимости военного округа — Ленинградского.

В 1937 году, когда грянули аресты военноначальников, доносы Дыбенко на Кутякова привели того на плаху. В мае 1937 года принимать от Дыбенко Приволжский военный округ приезжает Тухачевский. Это был очередной сталинский [41] маневр. Дыбенко затягивает сдачу округа и вскоре участвует в «трагифарсе» ареста Тухачевского. Дыбенко, в духе времени, клевещет на сослуживцев, мстя обидчикам и спасая себя. Он дает лживые показания и выступает обвинителем на процессе, где перед судом предстали военные во главе с Тухачевским. На короткое время Дыбенко становится одним из семи членов Специального судебного присутствия, которое вынесло обвинительный приговор по «делу военных». 11 июня 1937 года восемь высших военноначальников были приговорены к расстрелу.

Но уже через несколько месяцев Павел Ефимович оказывается на заседании Политбюро ЦК партии, где от него требуют «открыться перед партией» и признаться, что он является немецким и американским шпионом. На этом заседании Сталин припомнил ему и тот факт из далекого прошлого, когда в Семнадцатом правительство Керенского объявило Дыбенко немецким шпионом, умолчав, правда, о том, что эти обвинения были направлены и против Ленина, в первую очередь.

Удивительно, но после таких обвинений на заседании Политбюро Дыбенко отпустили к месту службы. В отчаянии он отправляет Сталину письмо, пытается доказать абсурдность обвинения о своем участии в шпионаже в пользу США. В свое оправдание он пишет Сталину: «...я не был ни одной минуты наедине с американцами. Ведь я американским языком не владею... « Дыбенко не только не знал несуществующего американского языка, но и плохо владел русским, украинским, а также «университетскими науками».

25 января 1938 года Сталин и Молотов подписали специальное постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР по факту «предательства Дыбенко». Справедливо было отмечено, что Дыбенко «морально-бытово разложился... давал очень плохой пример подчиненным». Но главным обвинением против него стали «контакты с американскими представителями» — обвинение в шпионаже. Следствию удалось установить, что Дыбенко просил «американцев» материально помочь родной

сестре, которая проживала в США. После этих «тайных» просьб сестра «душителя демократии» стала получать пособие в «самой демократичной стране». Если действительно это пособие существовало, то интересно [42] было бы спросить, за какие все-таки заслуги получала его сестра Дыбенко?

Странным кажется то, что Дыбенко, очевидно, не понимал, куда ведут контакты «американских представителей» (очевидно разведчиков США) с командующим округом. Тайные разговоры и материальные просьбы только усиливали недоверие к Дыбенко. Его явно вербовали или провоцировали, и нам остается лишь гадать — стал ли он «американским шпионом», или такая потенциальная возможность просто не исключалась.

19 февраля его вызвали в Москву, где, уволив из армии, назначили заместителем наркома лесной промышленности. Дыбенко уехал на Урал инспектировать лагеря для политических заключенных, еще не зная, что через пять дней сам окажется за решеткой...

Павел Ефимович Дыбенко был арестован, как участник «военно-фашистского заговора», как троцкист и как завербованный еще в 1915 году шпион Германии и США. На следствии, которое проходило пять месяцев, он «признал» под пытками и заговор, и шпионаж, дал показания на «заговорщика» Буденного... 29 июля 1938 года он был казнен вместе с командующим Военно-морскими силами СССР В. Орловым и пятью командармами.

«Революция пожирает своих детей». Во Франции организатор террора Робеспьер уже через год становится жертвой своего детища. Именно на него равнялись русские революционеры. Протесты Павла Дыбенко против террора в 1918 году не были услышаны, и очень скоро о них забыл и он сам. Террор стал частью обыденной жизни и никого не удивлял. К нему привыкли. Многие ожидали своей очереди на плаху, завороженные несокрушимостью сталинского величия.

Главнокомандующий Муравьев: «... Наш лозунг — быть беспощадными!»

Он, не колеблясь, расстреливал украинских повстанцев и в то же время провозглашал идеи социальной революции и справедливости. Он критиковал «кремлевских диктаторов», хотя сам установил режим кровавого террора в Киеве и Одессе. В 1918 году он мечтает стать «красным Наполеоном», оказавшись одним из вождей молодой Красной Армии. Его превозносят, как «победителя Украины и Бессарабии», его способности считают исключительными, а будущее — славным. Ленин стремился «использовать его превосходные боевые качества», хотя он выигрывал только такие сражения, в которых его силы превосходили силы противника минимум в три раза.

Современники считали его блестящим оратором и организатором. Его взволнованный голос с переходом на срывающийся крик, холерический темперамент, броская революционная фраза — запоминались, а смелость и способность «резать правду-матку» импонировали солдатам, которых он поднимал в смертельную атаку. Солдаты были чувствительны и к его крестьянскому происхождению... В нем сочетались простота и фанфаронство «сделавшего себя» человека.

В 37 лет он становится командующим главным фронтом ленинской России, не состоя при этом в ленинской партии.

Михаил Артемьевич Муравьев родился в 1880 году в бедняцкой крестьянской семье в селе Бурдуково Нижегородской губернии. Благодаря поддержке местного мецената, Миша заканчивает уездную школу и поступает в учительскую семинарию, из которой через год его изгоняют за «хулиганство». [44]

Несмотря на нелестную характеристику, юноша поступает в юнкерское училище, после окончания которого начинает служить в престижном Невском пехотном полку. Офицерская жизнь Муравьева была отмечена успехами во флирте, танцах... и хулиганскими выходками, приведшими однажды к трагедии. На дворянском балу молодой поручик Муравьев убивает офицера, который нетактично повел себя по отношению к его «даме сердца». Из этой сложной ситуации Муравьеву удается легко выкарабкаться. Он был на месяц посажен на гауптвахту и разжалован в солдаты. В довершение наказания его отправляют на Маньчжурский фронт, где к этому времени начались боевые действия против японской армии.

На фронте Русско-японской войны Муравьев, благодаря умению нравиться начальству и храбрости, быстро возвращает себе офицерский чин, прибавив к нему несколько боевых наград. После тяжелого ранения Муравьев отправляется на лечение в Европу (неизвестно, на какие деньги), подолгу останавливаясь в Париже, Вене, Женеве. За границей он находится пять лет. В это время Михаил не только развлекается, но и посещает лекции в парижской военной академии, а главное, начинает интересоваться политикой.

Миф Парижа с его культом Наполеона захватывает Муравьева, и этот честолюбец начинает мнить себя победителем в будущих баталиях, политиком-революционером. Крути русской революционной эмиграции с готовностью принимают молодого военного. Революционному подполью явно недостает опытных, решительных боевых офицеров.

Та легкость, с которой разрушались авторитеты и догмы в парижских кафе, игра в политику на большом расстоянии от Петропавловской тюрьмы-крепости захватывали Муравьева. Вскоре он объявляет себя последователем идей кадетов, однако в 1907 году эсеры-террористы сумели привлечь его в группу Бориса Савинкова. Муравьев становится одной из заметных фигур среди эсеров-партийцев, организатором военно-террористических формирований этой партии.

Первая мировая война поколебала уютный мир Запада. Взрыв патриотических чувств увлек и патриотов России (к которым причислял себя и Муравьев) — от анархистов Кропоткина до монархистов Пуришкевича. Муравьев [45] решает встать под знамя защиты Отечества и возвращается в действующую армию. В одном из первых боев на Юго-Западном фронте в Галичине он был тяжело ранен.

Выйдя из госпиталя, молодой офицер понял, что уже сможет вернуться в окопы. Судьба тогда в первый раз забрасывает его в Одессу; там он преподает в школе прапорщиков. В Одессе, которую наш герой почему-то невзлюбил, Муравьев возобновляет связи с эсеровским подпольем.

Февральскую революцию 1917 года он встретил с энтузиазмом, как свой главный в жизни шанс, как начало карьеры «нового Наполеона». Но история не повторяется в точности дважды. Уже определился главный соискатель лавров революционного вождя — адвокат Александр Керенский. Поначалу Муравьев был очарован фигурой своего однопартийца Керенского, с которым поддерживал дружеские отношения.

В марте 1917 года в Одессе Михаил Муравьев стремился осуществить «свою» революцию. Он пытался арестовать нового

революционного губернатора генерала Д.Эбелова как «недостаточно революционного и кадетского» и занять его место. Переворот не удался, но Муравьев был замечен Керенским и по настоянию последнего переведен в столицу.

Весной 1917 года он становится командиром охраны Временного правительства. Как представитель Российского добровольческого комитета Муравьев начинает с большим энтузиазмом проводить в жизнь свою «выстраданную» идею о создании «ударных батальонов смерти», состоящих из добровольцев, фанатически преданных новой революционной власти. Эти батальоны сначала создавались для летнего наступления в Галичине. По мысли Муравьева, добровольцы «батальонов смерти» должны были направляться на самые опасные участки фронта и, проявляя полное презрение к смерти, поднимать дивизии в атаки или «грудью закрывать» образующиеся в результате вражеских прорывов дыры в линии фронта.

Муравьеву удается создать 100 таких батальонов, которые, однако, не принесли ожидаемой победы. [46] Тогда же было создано и несколько женских батальонов. Судьба их оказалась печальной. На Западном фронте, вокруг расположения такого батальона постоянно выставляли усиленную охрану для защиты женщин от солдатни. Женский батальон оказался в критические часы революции едва ли не единственной частью, которая хотела спасти власть Керенского. Однако на этот раз женщин-»ударниц» никто не охранял, а защитить себя, и тем более Керенского, они так и не смогли.

Находившийся при Керенском Муравьев испытывал муки уязвленного честолюбия. Его не мог удовлетворить чин подполковника, когда он надеялся стать главнокомандующим или хотя бы генералом.

Бездарный корниловский мятеж толкает честолюбца в стан врагов Керенского, в группу «левых эсеров». Последние, признавая только за собой истинную революционность, начали бороться против бывших своих соратников по партии эсеров, как против «прихвостней буржуазии».

В октябре 1917 года Муравьев мгновенно сориентировался «откуда ветер дует» и, явившись в Смольный, предложил свои услуги Ленину. У него не было особых сомнений в выборе политического лагеря. Он четко видел, что вчерашний кумир Керенский уже не сможет сдержать нового наката революции и всеобщего хаоса.

Октябрьский переворот имел быстрый успех, благодаря поддержке военных организаций левых эсеров, которыми

руководил Муравьев. Совместно с лидерами большевиков — В. Антоновым-Овсеенко и Н. Подвойским, он разрабатывает план восстания. Из «всех левоэсеровских лидеров Муравьев оказывается наиболее близким к большевикам и наиболее авторитетным для верхушки ленинской партии.

После Октябрьского переворота в среде правящей большевистской партии отсутствовали военные специалисты (армией и флотом бездарно командовали прапорщик Крыленко и матрос Дыбенко), и Муравьев, восполняя этот пробел, становится главным военным специалистом советской республики.

В конце 1917 года он — Главнокомандующий Петроградским военным округом, руководитель обороны столицы во время наступления на Питер казачьих войск атамана Краснова и Керенского, стремившихся вернуть власть [47] Временному правительству. Войска Краснова состояли всего из тысячи конных казаков при 18 орудиях, в то время как Муравьев располагал 10–12 тысячами штыков при 35 орудиях. Победа Муравьева была предрешена. 30 октября 1917 года под Пупковым (окраина Петрограда) казаки потерпели полное поражение. После этого боя Керенский, переодевшись в матросскую форму, бежит из своего штаба, а атамана Краснова арестовывают и доставляют в Смольный как военный «трофей».

С особой жестокостью подавляет Муравьев попытку восстания юнкеров в Петрограде. Он отдал приказ безжалостно расстреливать восемнадцатилетних юнцов военного училища, которое сам четырнадцать лет назад окончил. Твердость пригодилась Муравьву и в подавлении «винных бунтов», которые возникали то тут, то там в Петрограде ноября 1917 года.

Став «щитом и мечом» Советской власти, Муравьев помогает устоять этой власти в первые недели существования, когда она была шаткой и распространялась только на столицу. Однако «особые заслуги» Муравьева показались небезопасными Ленину. Он-то и разглядел тогда в Муравьеве кандидата в Наполеоны, кандидата в «могильщики революции». Ленина раздражал и авторитет Муравьева среди солдатских масс, с которыми бывший боевой офицер и нынешний революционер умел общаться.

«Военный заговор» всюду мерещился большевикам, и Ленин, опасаясь влияния Муравьева в столичном гарнизоне, быстро находит ему «архиважное задание», исполняя которое Муравьев мог сломать себе шею. Необходимо было также отослать Муравьева подальше от столицы, чтобы оставить левых эсеров без их главного «военного козыря». (В конце 1917 года левые эсеры поделили с большевиками кресла народных комиссаров и места во ВЦИКе Советской России.)

В ноябре 1917 года ленинское правительство признало Украинскую народную республику. Но менее чем через месяц стало ясно, что без украинского потенциала, и особенно хлеба, будущее советской власти станет проблематичным. В декабре 1917 года, на I Съезде Советов Украины с Харькове, было создано марионеточное советское правительство Украинской советской республики. Это правительство провозгласило создание Советской Украины и фактически привело российские большевистские войска на Украину.

Но украинские большевики смогли только «провозглашать», а реальная власть в восточной Украине скоро перешла к группе военных, прибывших для ликвидации «украинского сепаратизма».

В первых числах декабря 1917 года в Москве уже были разработаны планы нападения на Украину и борьбы против мятежных казаков Дона. Антонов-Овсеенко писал: «У нас было продолжительное совещание, в котором участвовали Антонов, Муравьев и Муралов... Были разложены карты на полу, и мы лазили по полу целыми днями. Мы выработали планы действий против калединских войск, а также против Центральной Рады».

Этот план поначалу не предполагал затяжной войны против Украинской республики. Цели были скромнее: овладеть Южной железной дорогой Харьков — Симферополь, а главное — предотвратить возвращение с фронта на Дон вооруженных казачьих частей. Планировалось захватить Екатеринославскую губернию с Донбассом и Таврию при оборонительном заслоне со стороны Полтавы и Днепра... О ликвидации Украинской народной республики тогда еще даже и не мечтали...

В Харьков прибыли отряды балтийских матросов, красногвардейцы Питера и Москвы под командованием бывшего царского полковника Егорова, барона Сиверса и левого эсера Саблина. Это были части и руководители, к которым Ленин не испытывал особого доверия: анархисты-матросы, левые эсеры, деморализованные реквизициями и пьянством солдаты, которые были практически неуправляемы... Этим воинством командовал В. Антонов-Овсеенко, но разрабатывал все военные операции начальник его штаба Михаил Муравьев (Антонов-Овсеенко и Муравьев прибыли в Харьков И декабря 1917 года).

Со временем Антонов-Овсеенко, в своих воспоминаниях «Записки о гражданской войне», оставит такой портрет Муравьева: «Его сухая фигура, с коротко остриженными седеющими волосами и быстрым взглядом — мне вспоминается [49] всегда в движении, сопровождаемом звяканьем шпор. Его горячий взволнованный голос звучал приподнятыми верхними тонами. Выражался он высоким штилем, и это не было в нем

напускным. Муравьев жил всегда в чаду и действовал всегда самозабвенно. В этой его горячности была его главная притягательная сила, а сила притяжения к нему солдатской массы несомненно была. Своим пафосом он напоминал Дон-Кихота, и того же рыцаря печального образа он напоминал своей политической беспомощностью и своим самопреклонением. Честолюбие было его подлинной натурой. Он искренне верил в свою провиденциальность, ни мало не сомневаясь в своем влиянии на окружающих, и в этом отсутствии сомнения в себе была его вторая сила... Вообще этот смелый авантюрист был крайне слабым политиком. Избыток военщины мешал ему быть таковым, а плохой политик мешал ему быть хорошим военным... Фанфаронство не покрывало в Муравьеве смелость, которая в нем бурлила...»

Антонов-Овсеенко рассказывал, что Муравьев постоянно «сорил деньгами» и «сеял разврат», окружив себя «подозрительными личностями», среди которых выделялась группа его телохранителей, не то бандитов, не то наркоманов. Да и сам Муравьев был морфинистом...

М. Бонч-Бруевич добавил несколько выразительных штрихов к портрету Муравьева. Он писал, что Муравьев всегда был «бледный, с неестественно горящими глазами на истасканном, но все еще красивом лице».

В первых числах января 1918 года ленинское правительство решило начать полномасштабную войну против Украинской народной республики. К этому времени Харьковская и Екатеринославская губернии Украины находились уже в руках большевиков. Общее наступление было назначено на 17 января.

Муравьев становится командующим советскими частями, наступавшими в направлении Полтава — Киев (около трех тысяч штыков). Эти «освободители» грабили государственное и частное имущество и, как вспоминает Антонов-Овсеенко, преступно вели себя, «считая всякого белоручку достойным уничтожения», а Украину — территорией враждебной державы. По Харькову разъезжал броневик, на котором красовался лозунг «Смерть украинцам!» Муравьев [50] считал себя усмирителем «новой Вандеи» и «предателей Отчизны» — «мазепенцев»-украинцев.

Деятели Советской Украины умоляли Ленина и советских военачальников прекратить издевательства над населением, которые чинили в Харькове прибывшие из России войска. Но безрезультатно...

Небезопасно было говорить «на людях» на украинском языке, носить вышыванку... Часто убивали просто обладателей хороших сапог.

Ленинский кабинет, ведя сложную игру «в украинский суверенитет», провозгласил РСФСР нейтральной державой, переложив ответственность за действия войск Муравьева — Антонова-Овсеенко на большевистское правительство Украины, хотя эти войска и не думали подчиняться «украинским товарищам».

Войска УНР не ждали наступления большевиков, не были готовы к обороне. Когда на рассвете 19 января 1918 года «красные» части вошли в Полтаву и заняли вокзал, им не было оказано никакого сопротивления. Захватив юнкерское училище, Муравьев приказал уничтожить всех пленных юнкеров вместе с офицерами (было убито 98 юнкеров и офицеров, которые не успели скрыться).

Из Полтавы Муравьев жаловался в Центр, что местный Совет «попросил меня немедленно оставить город». И было за что... Штаб Муравьева установил в городе режим военной диктатуры, арестовал часть советских деятелей и угрожал им расстрелом за неподчинение. Пребывание Муравьева в Полтаве и его «революционные методы» настолько ужаснули местную советскую власть, что она заявила о своем нейтралитете в войне между «красными» и «жовто-блакытнымы». Чтобы не иметь проблем со строптивой советской властью в Полтаве, Муравьев, разогнал Советы и создал ревком Полтавы, который был лоялен к его диктатуре.

Все сходило Муравьеву с рук. Его продолжали считать главным военным спецом. Именно он разработал план «молниеносной эшелонной войны», которая шла без объявления самой войны и использовала замешательство в стане властей УНР. «Эшелонная» война предполагала быстрое продвижение советских войск в эшелонах по железным дорогам, при полном отсутствии фронта. Отряды «красных» продвигались в направлении Клева, Чернигова, Екатеринослава, [51] Донбасса на поездах, нападая неожиданно на украинские гарнизоны в городах и на станциях.

Этот план сработал, и за пять недель войска УНР были разбиты, а все пути сообщения заняты «красными». Поражению украинских частей способствовал полный паралич власти в УНР, что практически самоустранилась от решения вопросов обороны. Украинские части, не желавшие ни с кем драться и не получившие четких команд из Киева, разоружались или объявляли нейтралитет.

«Эшелонный» характер войны был обусловлен малочисленностью сил противника, скоплением на железных дорогах массы демобилизованных российских солдат, которые,

расчищая себе путь следования на Родину, помогали восстаниям большевиков в городах Украины.

После «полтавской победы» отряды Муравьева сражаются под Миргородом и Ромоданом с малочисленными отрядами украинских войск, которыми командует атаман Волох. Тут на помощь «красным» пришли солдаты запасного саперного батальона, ударившие в спину отрядам Волоха.

В январе 1918 года ленинское правительство, почувствовав бессилие Центральной Рады, решает немедленно захватить Киев. Правительство Украины не смогло организовать серьезного сопротивления, надеясь на протесты, уступки, компромиссы и переговоры с Москвой. Ошибкой стала демобилизация украинизированных частей армии, в то время как враг приближался к Киеву.

Муравьев фактически не встретил сильного военного противодействия, продвигаясь к столице республики. Пассивность украинских частей объяснялась тем, что они не получали точных указаний из Центра относительно обороны.

Анархия в системе управления Украины усугубилась 18 января, когда в Киеве на заводе «Арсенал» началось восстание рабочих против Центральной Рады. Войска Муравьева, спешившие на помощь восставшим, уже 27 января вышли к пригородам Киева. Осадив столицу, Муравьев приказал беспрерывно обстреливать город из всех имевшихся у него орудий (было выпущено 15 тысяч снарядов). Огромные разрушения и пожары привели к панике. Система водоснабжения была разрушена, и тушить пожары оказалось нечем. Этот обстрел стоил жизни тысячам киевлян [52] и привел к уничтожению дома Грушевского, где находился уникальный музей украинских древностей. В огне погибли коллекции икон, ковров, первопечатных книг.

Под Киевом армия Муравьева насчитывала уже семь тысяч штыков, 26 пушек, 3 броневика и 2 бронепоезда. Наступление «красных» поддерживали рабочие-повстанцы Киева. В приказе № 9 Муравьев наставлял: «...беспощадно уничтожить в Киеве всех офицеров и юнкеров, гайдамаков, монархистов и всех врагов революции». Если бы этот приказ был выполнен дословно, Киев лишился бы едва ли не половины своего населения!

Начав штурм Киева 4 февраля и не добившись за два дня успеха, даже не сумев форсировать Днепр, Муравьев, отправляет телеграмму «Всем! Всем! Всем!», сообщая о победе и захвате Киева уже 5 февраля. Однако, видя, что операция по овладению Киевом затягивается, Муравьев приказывает подгонять штурмующих сзади шрапнелью: «Не стесняйтесь, пусть

артиллерия негодяев и трусов не щадит». И только 9 февраля в рапорте Антонову-Овсеенко Муравьев докладывает, что окончательно захватил Киев, но упустил из города правительство УНР и большую часть украинской армии..

Надо отметить, что Муравьев не проявил особых военных талантов в боях за Киев. Его армия смогла захватить столицу Украины благодаря тому, что имела перевес в силах и получила поддержку восставших рабочих «Арсенала», которые нанесли удар в спину защитникам Киева.

Тогда же Муравьев обращается к Ленину: «Сообщаю, дорогой Владимир Ильич, что порядок в Киеве восстановлен, революционная власть в лице Народного секретариата, прибывшего из Харькова Совета рабочих и крестьянских депутатов и Военно-революционного комитета работает энергично. Разоруженный город приходит понемногу в нормальное состояние, как до бомбардировки... Я приказал частям 7-й армии перерезать путь отступления — остатки Рады пробираются в Австрию. У меня были представители держав Англии, Франции, Чехии, Сербии, которые все заявили мне, как представителю советской власти, полную лояльность...» (Муравьев явно прихвастнул, говоря о своей международной деятельности, тем более что державы Чехия на февраль 1918 года просто не существовало, [53] а Сербия была полностью оккупирована австрийскими войсками).

Муравьев докладывал: «Я приказал артиллерии бить по высотным и богатым дворцам, по церквям и попам... Я сжег большой дом Грушевского, и он на протяжении трех суток пылал ярким пламенем».

Позднее, в Одессе, Муравьев хвастался своими подвигами: «Мы идем огнем и мечом устанавливать Советскую власть. Я занял город, бил по дворцам и церквям... бил, никому не давая пощады! 28 января Дума (Киева) просила перемирия. В ответ я приказал душить их газами. Сотни генералов, а может и тысячи, были безжалостно убиты... Так мы мстили. Мы могли остановить гнев мести, однако мы не делали этого, потому что наш лозунг — быть беспощадными!»

Муравьев первым в гражданской войне использовал отравляющие газы, запрещенные всеми международными соглашениями как изуверское оружие. Газы помогли его армии захватить мосты через Днепр и преодолеть оборонительные укрепления украинских войск на днепровских кручах.

Антонов-Овсеенко позже так охарактеризует Муравьева: «неуравновешенный, амбициозный, больной жестокостью».

Бахвальство Муравьева проявилось и в том, что, разбив под

Крутами отряд из 300 юношей-гимназистов, добровольно вставших на защиту УНР, он объявил, что разбил армию «самого Петлюры», хотя к этому времени Петлюра ушел в отставку с поста военного министра УНР...

Захватив Киев, Муравьев на неделю стал его полным хозяином и палачом. На три дня столица Украины была отдана на разграбление. Люди боялись выходить на улицы: там грабили и убивали. «Классовый террор» прошелся косой смерти по украинской интеллигенции, офицерам, буржуазии. По разным подсчетам, только за неделю было уничтожено от двух до трех тысяч киевлян (среди них — около тысячи офицеров и генералов; в числе погибших генералы царской армии и армии УНР Б. Бобровский, А. Разгон, Я. Сафонов, Н. Иванов, Я. Гандзюк).

Советское правительство Украины, переехавшее из Харькова в Киев, с ужасом обнаружило полное разложение армии «красных» и тысячи трупов мирных жителей [54] в парках Киева. Власти потребовали от Москвы немедленного удаления Муравьева из Украины. Киевляне видели в нем «вожака бандитов», не имевшего никакого отношения к Украине. Он везде выступал с лозунгом «белых» «о единой, неделимой России», а украинцев считал австрийскими шпионами и предателями «старшего брата».

Диктатор «Малороссии» (так он называл Украину), после страшных дней киевской «кровавой вакханалии», начал наступление на Житомир, где находилась Центральная Рада. Муравьев очень легкомысленно отнесся к украинским частям, которые он называл «дружинами гимназистов». У наступавших было около 15 тысяч штыков, а украинская армия насчитывала всего около двух тысяч. Но и при таком раскладе сил Муравьев не смог окружить и уничтожить части противника, которые обороняли свое правительство. В середине февраля он распылил свои войска. Они одновременно появились под Житомиром, Бердичевым, Винницей, однако в серьезных боях уже не участвовали.

Антонов-Овсеенко писал по этому поводу, что Муравьев допустил огромный просчет в войне против Центральной Рады. Его войска потенциально могли временно уничтожить украинскую государственность, но диктатор и его воинство собирались не воевать, а карать и реквизировать...

После взятия Киева{2} «революционные солдаты» посчитали, что война выиграна и потребовали демобилизации. Они уже были неуправляемы, и никакие суровые приказы Муравьева не могли заставить их не разбегаться по домам. Так, 2-й гвардейский корпус самодемобилизовался, не оставив советским командирам ни одного бойца. Армия Муравьева оказалась непригодной к

ведению дальнейших боевых действий и была расформирована. На 16 февраля в «армии» Муравьева осталось только около трех с половиной тысячи штыков, остальные просто разбежались.

В докладе Ленину Муравьев, считая себя главным красным маршалом, сообщал: «...думаю начать формирование Социалистической армии из рабочих для того, чтобы, при первом зове восставших рабочих Германии, Австрии и других стран, мы могли бы подать руку помощи нашим братьям рабочим. Всеми моими победами на Украине я обязан Красной Гвардии, но не солдатам, которые принесли мне и наркому Антонову массу неприятностей и огорчений». [55]

Муравьев мечтал возглавить поход в Европу, грезил о всемирной революции. Вырвавшись в Европу, он смог бы игнорировать назойливою опеку большевистских вождей. А дальше? Кто знает, может и вовсе сбросить их с помощью «победоносной революционной армии».

14 февраля 1918 года Муравьев был назначен командующим фронтом, действовавшим против наступавших румынских войск в Бессарабии и Приднестровье. Перед ним была поставлена задача не только не допустить румынские войска в Приднестровье и к Одессе, но и захватить всю Молдову, вернуть ее под власть Советской России. Так Москва отреагировала на требования правительства Советской Украины отозвать Муравьева с Украины, предать его революционному суду и больше не назначать командующим на территориях Украины.

Ленин телеграфирует Муравьеву: «Действуйте как можно энергичнее на Румынском фронте». Ленину виделся план разгрома Румынии. Он предлагал объединить силы Муравьева с частями идущей за большевиками 8-й армии, которая должна была наступать на Бессарабию из района Подолья.

За сутки Муравьев привел свою двухтысячную армию из-под Житомира к Днестру, где румынские войска вышли к городу Бендеры. Приехав в Одессу (место дислокации его штаба), Муравьев телеграфирует Ленину: «Положение чрезвычайно серьезное. Войска бывшего фронта дезорганизованы, в действительности фронта нет, остались только штабы, место нахождения которых не выяснено. Надежда только на подкрепления извне. Одесский .пролетариат дезорганизован и политически неграмотный. Не обращая внимания на то, что враг приближается к Одессе, они не думают волноваться. Отношение к делу очень холодное — специфически одесское».

Положение дел Муравьев решает изменить расстрелами и затоплением барж с арестованными офицерами и буржуями. В подобных ситуациях он чувствовал себя полубогом, «хозяином

жизни». [56]

Для успешной борьбы с румынами требовались большие деньги, и Муравьев обращается к Одесской городской Думе и местной буржуазии с речью, в которой требует в трехдневный срок предоставить ему 10 миллионов рублей на оборону: «Черноморский флот мною сосредоточен, и я вам говорю, что от ваших дворцов ничего не останется, если вы не придете мне на помощь! — взывал к буржуям Муравьев. — С камнем на шее я утоплю Вас в воде и отдам семьи ваши на растерзание. Я знаю, что в ваших сундуках есть деньги. Я люблю начинать мирно... Дайте немного денег, будете с нами вместе... Я знаю этот город. Деньги есть. К сожалению, во многих городах находятся самозванцы-большевики, которые грабят, но я имею достаточно сил уничтожить их» Свою речь он завершает предложением «положить в Гос. Банк десять миллионов на мое имя».

20 февраля 1918 года войска Муравьева начали наступление против румынских частей, оккупировавших Молдову. Главный удар наносился в районе Бендер. Там был разгромлен румынский полк и захвачено три орудия. Одновременно Муравьев приказывает 8-й армии ударить по румынам в районе Бельцы — Рыбница. За шесть дней боев он разгромил войска противника у Рыбницы и Слободзеи, сорвав попытки румын закрепиться в Приднестровье. Было захвачено 15 орудий и много стрелкового оружия.

Муравьев предложил Москве начать наступление на Кишинев силами своей армии. Информаторы тогда сообщали, что румынская армия «разбросана по некоторым пунктам маленькими отрядами с незначительной артиллерией и их силы в общем ничтожны. Эти отряды держатся крайне пассивно и с их стороны намечаются лишь некоторые, весьма слабые попытки занять некоторые пункты у Днестра, где они могли бы закрепиться». С таким врагом Муравьев и его «армия» еще могли справиться...

Румынский премьер-министр Авереску, на которого произвели впечатление военные успехи Муравьева на Украине, решил пойти на подписание мира на условиях вывода румынских войск из Бессарабии в течение двух месяцев. 5–9 марта 1918 года, после переговоров в Одессе и Яссах, был подписан мирный договор. Однако через несколько дней, после переговоров с представителями Германии [57] и Австро-Венгрии, румынская сторона аннулировала мирный договор с Советской Россией.

Военное положение быстро менялось. 18–19 февраля немецкие, австро-венгерские войска и отряды УНР начали фронтальное наступление против «красных» и к первому марта

1918 года захватили Киев и большую часть Правобережья Украины. 4 марта Муравьев приказывает частям 3-й революционной армии{3} (Одесская армия Лазарева) остановить продвижение австро-германских войск вдоль линии Юго-Западной железной дороги от станции Слободка. На следующий день, после короткого боя у станции Бирзула, части 3-й армии обращаются в бегство, открыв противнику путь на Одессу.

Муравьевское воинство устремляется в Одессу и начинает грабить горожан и громить винные склады. 24 февраля Муравьев объявляет Одессу на военном положении и приказывает уничтожить все винные склады. Он разгоняет городскую Думу, запрещает митинги и собрания, вводит строжайшую цензуру.

1 марта 1918 года в Одессе начался мятеж, сопровождаемый погромом уцелевших винных складов и магазинов. Перестрелки в городе не прекращались до его захвата австро-германскими войсками. 2 марта по приказу Муравьева было арестовано 50 громил и 70 фабрикантов и купцов. Вместо ожидаемых 10 миллионов рублей, Муравьеву преподнесли только два. Тогда он приказал реквизировать все деньги из банков и касс предприятий Одессы. Были изъяты, даже те деньги, которые предназначались для выплат зарплат рабочим.

А в городе в те дни продолжался хаос. Стихийную демонстрацию одесситов Муравьев приказал «умиротворить» пулеметным огнем, а членов городской Думы, которые заявили о том, что берут на себя всю полноту власти, арестовать. Революционные матросы и солдаты за 22 дня диктатуры Муравьева на Юге Украины расстреляли и замучили около 500 одесситов, во время разгона демонстрации погибло еще 12 человек.

9 марта 1918 года Муравьев учредил на подвластной ему территории Украины военно-революционные трибуналы. Через несколько дней после оставления Одессы воинством Муравьева была создана Комиссия УНР по расследованию злодеяний большевиков. Эта комиссия вскрыла массовые [58] захоронения жертв террора, подняла со дна моря десятки трупов замученных и утопленных жертв.

До 12 марта 1918 года Муравьев командует войсками Одесской советской республики{4}, которая не признавала верховной власти Советской Украины. Однако удержать Одессу Муравьев не смог.

11 марта советские войска в панике покинули оборонительные позиции в 10 километрах от города и бежали в Одессу. Муравьев отдает приказ своим частям «отступать в направлении Одесса — Вознесенск, при приближении к Одессе

врага открыть огонь всеми пушками по буржуазной и национальной части города и разрушить ее...». Приказ об уничтожении Одессы Муравьев отдает и кораблям Черноморского флота: «...вступить в бой и открыть огонь по городу и его буржуазным кварталам». К счастью, этот приказ моряки не выполнили. В противном же случае тяжелая морская артиллерия могла разрушить жемчужину Юга Украины с ее дворцами и курортами, театрами и памятниками.

12 марта в восемь часов вечера Муравьев начал отводить свое в панике бегущее войско на Николаев. Утром следующего дня в Одессу вошли австро-немецкие войска.

Муравьев заявляет, что не признает Брестского мира с немцами и будет делать все, чтобы его сорвать. Однако через десять дней он оставляет свою «армию» на погибель в степях Украины и едет в Москву, чтобы начать политические баталии в коридорах власти (вспомним: его кумир тоже «забывает» свою армию — в Египте).

Прибывшего 1 апреля в Москву Муравьева встречали как триумфатора, особенно постарались ораторы левых эсеров. Левоэсеровская партия видела в нем главного «военного вождя революции». Ленинское правительство предложило ему пост командующего Кавказской советской армией, однако Шаумян (лидер большевиков Закавказья) прислал протест против назначения авантюриста и насильника Муравьева в Закавказье. «Бросок на Юг» не состоялся.

Муравьев заявляет, что в сдаче Одессы виноваты рабочие, «резко выступавшие против советской власти под лозунгом Учредительного собрания. Защитить Одессу стало невозможно. Город дал всего 500 красногвардейцев, в то время как в городе — 120 тысяч мужчин-пролетариев. [59] Ухожу в отставку. Невозможно работать при всеобщем недоверии.

В конце марта 18-го одесские газеты сообщили, что был арестован «сподвижник и адъютант Муравьева» некий Юров. Он стал известен одесситам тем, что реквизировал особняки «на нужды революции», а потом продавал их бывшим владельцам.

Когда Лениным был подписан «позорный» Брестский мир и войска Германии и Австро-Венгрии с согласия Москвы уже продвигались по Украине, чистокровный русский Муравьев чуть было не стал «хохлом Муравенко». Ленину необходимо было скрыть свою двойную игру, скрыть от «германца», что части, сформированные в России, воюют с австро-германскими войсками в Украине. Посылая тысячи людей на фронт под немецкие пули, большевики обманули и предали их. Все уже было решено в Бресте... Ленин также считал, что обман сработает

для привлечения украинцев в состав советских войск. В апреле 1918 года Ленин писал в тайном послании «комиссару Украины» Серго Орджоникидзе, что возникла нужда в «безоговорочной перелицовке имеющихся на Украине наших частей на украинский лад». Ленин приказывал: «Нужно запретить Антонову называть себя Антоновым-Овсеенко — он должен называться просто Овсеенко. То же самое нужно сказать о Муравьеве (если он останется на своем посту, и о других)».

В начале апреля 1918 года заканчивалось время союза большевиков с левыми эсерами и анархистами. Недавние «подельники» большевиков выступили против Брестского мира, продразверстки и диктатуры ленинской партии. Они требовали отставки Ленина. Анархистские газеты шокировали лозунгами свержения диктатуры Ленина, призывали к «третьей антибольшевистской анархической революции».

В середине апреля 1918 года анархистские военные отряды Москвы и Петрограда были внезапно разгромлены, Сотни анархистов оказались за решеткой. Тогда же был арестован и Муравьев по обвинению в превышении власти на Украине, в вакханалии расстрелов и реквизиций, [60] а главное, в связях с анархистами-заговорщиками. Возможно, Муравьев готовился в анархистские диктаторы, собирался использовать хаос анархистского правления для установления своей власти. Только тогда правительство и ЧК вспомнили о расстрелах и грабежах на Украине, о самовольном оставлении фронта, об огромных деньгах «Юга», растворившихся в хаосе «муравьевского управления».

Муравьев был предан суду Ревтрибунала и две недели находился в тюрьме, ожидая своей участи. Тогда Феликс Дзержинский (который в 1920 году станет новым кровавым палачом Украины) писал: «...Комиссия наша неоднократно принимала свидетельства и обвинения, которые доказывали, что самый заклятый враг не смог бы принести нам столько вреда, сколько он (Муравьев) принес своими страшными расстрелами, предоставлением солдатам права грабежа городов и сел. Все это от имени нашей Советской власти он вытворял, настраивал против нас все население...» Дзержинский, очевидно, считал, что звезда Муравьева закатилась и авантюрист сгинет в подвалах ЧК.

Но в мае 1918 года Муравьев был освобожден из тюрьмы благодаря просьбам левых эсеров, членов ВЦИК и Антонова-Овсеенко. А еще через месяц, 13 июня, недавний арестант был назначен, по указанию Ленина, командующим «главнейшего фронта республики» — Восточного, созданного после восстания чехословацкого корпуса (этот фронт состоял из трех армий).

Борьбой против чехословацкого корпуса заинтересовался

немецкий посол Мирбах, который тайно передал Муравьеву большую денежную сумму. Однако 1 июля 1918 года посредник между Муравьевым и Мирбахом был арестован ЧК, и тайное постепенно становилось явным.

6 июля 1918 года левые эсеры убивают Мирбаха, возможно, не только чтобы сорвать Брестский мир, но и чтобы скрыть контакты Муравьева с немецким послом.

После разгрома левоэсеровского мятежа начались аресты и расстрелы проигравших. Левые эсеры были изгнаны из исполкомов местных Советов, лишены руководящих должностей. Это был государственный переворот, в результате которого в стране воцарилась однопартийная система власти. Все другие партии, кроме большевистской, с этого времени рассматривались как контрреволюционные. [61]

Ленин постоянно сомневался в преданности Муравьева, а левоэсеровское восстание обострило это чувство. Вождь большевиков передал Реввоенсовету «Восточного фронта приказ постоянно следить за действиями Муравьева, «не оставляя его ни на секунду», установить за ним «тайный контроль».

Ленин обратился к Муравьеву с требованием определить свое отношение к восстанию левых эсеров. Муравьев заверил его в своей полной поддержке большевиков, осудил восстание и пообещал выйти из партии левых эсеров. Ленин телеграфировал Реввоенсовету Восточного фронта: «Запротоколируйте заявление Муравьева о выходе из партии левых эсеров. Продолжайте внимательный контроль».

Узнав в подробностях о восстании, о предательском аресте ЦК левых эсеров, Муравьев понял, что репрессии его не обойдут. Что смещение его с поста командующего фронтом — вопрос только времени. Эти размышления и толкнули Муравьева сделать решительный шаг, который оказался для него роковым.

Ночью 9 июля 1918 года Муравьев, оставив штаб фронта в Казани, на пароходах с двумя своими верными полками прибывает в Симбирск — центр левых эсеров на Волге. С помощью верных отрядов и левоесеровских дружин Муравьев захватывает Симбирск и арестовывает большевистских лидеров (Шеленкевича и Лаврова), а также командующего 1-й армией фронта Тухачевского.

Вечером 10 июля Муравьев собрал актив левых эсеров Симбирска и объявил о свершившемся факте — восстании против большевистской диктатуры.

Обращаясь ко всему миру «Всем! Всем! Всем!», Муравьев в своей телеграмме объявил войну Германии. Он отдает приказ войскам Восточного фронта повернуть оружие против немецкой

армии и начать поход на Запад, с целью изгнания немцев с Украины. Муравьев призвал к «всеобщему восстанию» и к войне против Германии не только анархистов и левых эсеров, но и всех своих «друзей и боевых [62] сподвижников наших славных походов и битв на Украине и на Юге России».

Он рассчитывал устанавливать власть левых эсеров по пути продвижения своих «армий» на Запад, а в Поволжье создать центр новой Поволжской советской республики во главе с Марией Спиридоновой, Камковым и Карелиным — вождями левых эсеров. Он надеялся заключить союз со своим недавним врагом — чехословацким корпусом, и призвать офицеров к защите Отечества. Совместными усилиями «чехов» и солдат «муравьевцев» планировался поход на Москву для ареста ленинского правительства.

«Сохранение Советской власти в современных обстоятельствах требует немедленной передачи власти только левым эсерам», — заявил Муравьев на заседании ЦК левых эсеров. «Я спасу республику от нашествия немцев и внутренней контрреволюции», — вещал Муравьев, рассчитывая на помощь не только «чехов», но и стран Антанты, на переход частей Красной Армии на свою сторону. ° Ленин мгновенно отреагировал на события, издав декрет, в котором он заклеймил изменника, открывшего путь на Москву чехам и белогвардейцам. Он потребовал расстрела Муравьева как «врага народа»: «всякий честный гражданин обязан его застрелить на месте».

Ленинский приказ удалось осуществить большевикам Симбирска. Глава губкома партии большевиков Иосиф Верейкис разработал план ареста Муравьева на заседании губернского исполкома Советов. Для этого из Москвы прибыл особый отряд ЧК, бронеотряд и латышские стрелки, которые были размещены в здании исполкома Советов и вокруг него, в засаде.

Появившись на заседании исполкома, Муравьев повел себя как хозяин положения, требуя отдать всю власть в губернии левым эсерам. На заседании исполкома Советов фракция большевиков высказалась о Муравьеве как об «авантюристе и шулере». Фракция левых эсеров поддержала мятежника.

Во время перерыва заседания из засады вышли чекисты и красногвардейцы, объявив об аресте Муравьева. О том, что произошло дальше, очевидцы утверждали разное. Одни говорили, что Муравьев застрелился, видя безвыходность своего положения, другие уверяли, что он погиб в перестрелке, которую сам начал, выхватив из кармана браунинг. [63]

На следующий день «Известия» сообщили, что предатель Муравьев покончил с собой после неудачи своей авантюры.

Муравьев готов был на многое — свергнуть большевиков или пойти революционной войной на Европу, помириться с вчерашними врагами «белочехами» или предать бывших соратников из окружения Керенского или Ленина. Он не был только готов реально оценивать обстановку и играть «долгую партию». Его кредо — «все и сейчас» — подвело его к той двери в Симбирске, распахнув которую он увидел перед собою блеснувшие штыки, направленные в его грудь.

Бандитка Маруся

Как звали демона, который вложил в ее руки браунинг, а в ее головку идеи мессианства, уравнительства и беспощадной, кровавой борьбы за свободу? Мария, 1885 года рождения, дочь штабс-капитана Григория Никифорова, который прославился в последней Русско-турецкой войне, стала самой известной «бандиткой» гражданской войны... Ей было шестнадцать, когда она без памяти влюбилась в проходимца и, бросив гимназию и мать-вдову, ушла из дома. Этот любитель приключений, имя которого осталось неизвестным, очень скоро покинул ее.

Мария растворилась в новой для нее взрослой жизни, с удивлением и негодованием познавая ее трудности, лишения, нищету, унижения. Из «золотой клетки» родительского дома она оказалась выброшенной на самое дно городских трущоб Александровска (Запорожья) и Екатеринослава (Днепропетровска). Приходилось работать нянькой, торговкой, мойщицей посуды на водочном заводе.

В восемнадцать лет Мария сошлась с боевиками из партии социалистов-революционеров, которые обещали «светлое завтра» путем выборочного кровопускания. Но даже эсеры были недостаточно революционными для Маруси.

В 1904 году она встретилась с молодым человеком, который поразил ее уверенностью в своей «разрушительной силе». Окружающие звали его «Дядя Ваня», а на самом деле он был Николай Музель, чех по происхождению и анархист по убеждениям. У «Дяди Вани» были бомба, пистолет и множество политических книг, которые он охотно раздавал знакомым. Из этих книг и узнала Маруся, что [65] единственный путь честного человека — смертельный бой против собственников, ибо собственность — это всегда кража.

Анархизм привлек Марусю ощущением безграничной свободы мечты и возможностью творить новый мир с помощью героических поступков. Она любила рисковать, ощущать близость смерти и чувствовать власть над своими жертвами. В 1905 году она стала анархистской-террористской. Первое ее дело — нападение на кассу завода сельскохозяйственных машин в Александровске. В тот раз не удалось обойтись без жертв — были убиты сторож и главный кассир, захвачено 17 тысяч рублей.

Таинственный мир анархистов, мир, полный опасностей и революционной фразы, притягивал ее. В этом полуфантастическом мире «падших ангелов», «богочеловеков»,

«творцов истории» легче было избавиться от тоски обыденной жизни, самоутвердиться и заставить себя уважать, фанатически уверовать в собственное великое предназначение.

Некоторым женщинам, которые искали в революционной деятельности выход сублимации, была свойственна ставка на насилие, как на самодовлеющую ценность. Вспомним «великих террористок» — Софью Перовскую, Веру Фигнер, Марию Спиридонову... А садистка одесского ЧК — Елена Гребенюкова, она же «Дора» — дочь генерала, ставшая палачом для многих «белых» офицеров... По заключениям белогвардейского следствия, на ее счету четыреста замученных и убитых.

В добровольческой армии также существовали дамы воительницы и палачи. О них писал Амфитеатров-сын: «Очевидцы говорили мне, что нестерпимо жутко было видеть, как к толпе испуганных пленников подскакивала молодая девушка и, не слезая с седла, на выбор убивала одного за другим. И самым страшным в эти минуты было ее лицо: совершенно каменное, спокойное, с холодными грозными глазами». Возможно, такое впечатление производила и Маруся...

Современная история добавляет в этот паноптикум уникальные типы молодых женщин, которые составляли более половины членов зловещих террористических организаций в ФРГ и Италии — «Фракции Красной Армии», [66] «Красных бригад». В начала семидесятых годов в США возникла чисто женская террористическая группа, носящая название «Симбионистская армия». Она, кстати, увлекла дочь американского миллиардера Патрицию Херст.

Известный западный психолог В. Денкине утверждал, что в двадцатом веке произошла феминизация террора, вместе с его интеллектуализацией. Большинство террористов, утверждает он, это одинокие двадцатилетние девушки с высшим образованием из средних и даже высших слоев общества, испытывающие отвращение к любому труду.

Если о западных террористах существуют сотни исследований, романов, кинофильмов, то наш отечественный — еще более кровавый и изощренный террорист — не попал в поле зрения исторической науки и литературы. А сколько сюжетов !

К сожалению, бурная жизнь Маруси Никифоровой. (1885–1919) до сих пор никем не описана. Только в журнале «Жизнь и творчество русской молодежи» Всероссийской молодежной анархистской федерации (сохранился один экземпляр в бывшей Ленинской библиотеке) можно найти краткую биографию Маруси, и то до января 1919 года. Работа над этим очерком растянулась на десять лет. Приходилось по крупицам собирать

сведения об этой загадочной женщине. О ней немного пишет Н.Махно, его начальник штаба В. Белаш… Но они не были ее биографами.

Московский военный архив хранит только данные о Службе Маруси в Красной Армии, а документы 1918 года в Запорожском архиве практически отсутствуют… Маруся, присутствуя в истории, одновременно оставалась фигурой мифической.

Во времена «восшествия» Марии Никифоровой в круг террористов оправдание террора стало знамением революции. Все партии, называвшие себя революционными, призывали к террору: то ли индивидуальному, то ли к поголовному, когда на плаху тащили целый класс.

Человеконенавистнические речи, попрание морали, проповедь вражды, как сильнодействующий наркотик, притупляли разум и совесть. Миллионы проходили школу тотальной психологической обработки, а ответственность за их действия брали на себя вожди и теоретики. [67]

Маруся оказалась втянутой в группу «безмотивников» — анархистов, которые довели идею террора до маниакального ослепления. Идеологи этой группы предлагали истреблять всех, у кого есть сбережения в банках, всех, кто носит дорогую одежду и обедает в ресторанах. Врагами свободы они объявляли не только капиталиста, но и рабочего, создающего его богатство и силу, интеллигенцию, «как класс паразитов», а союзниками — уголовников, «как разрушителей общества».

В Одессе группа «безмотивников» отличилась особо, Были брошены бомбы в кафе Либмана, в манифестантов членов «Союза русского народа», в галантерейный магазин. Не имели права на жизнь и люди, ехавшие в вагоне первого класса, который был взорван анархистами у Никополя.

М. Никифорова участвовала в метании бомб в пассажирский поезд, и хотя никто тогда не пострадал, цель была достигнута — часть «богатеев» была запугана.

Позже Маруся принимала участие в актах так называемого «экономического террора»: от взрыва бомбы погиб заводской администратор, следующая бомба остановила работу завода на несколько недель. Когда в Херсоне полиция напала на ее след, она пыталась покончить с собой с помощью бомбы, но бомба не взорвалась, и Маруся оказалась в тюрьме Екатеринослава.

На суде в 1908 году она обвинялась в безмотивных политических убийствах (в частности, в убийстве исправника) и в участии в зкспроприациях по четырем пунктам. Только юный возраст и принадлежность к «слабому» полу спасли ее от виселицы. Приговор по ее делу гласил: двадцать лет каторги,

сначала в Петропавловской крепости, а затем в Московской губернской женской каторжной тюрьме.

Уже через год после объявления приговора, в 1909 году, она совершает побег из тюрьмы в числе тринадцати политкаторжанок. По иной версии ее отправили в Сибирь. В Нарымской каторге она поднимает бунт заключенных и бежит через тайгу к спасительной Великой Сибирской магистрали.

Добравшись до Владивостока, Маруся тайком пробирается на японский корабль и оказывается в Японии. Тут, на деньги китайских студентов-анархистов, она покупает билет на пароход, что увозит ее в США. В этой стране с начала XX века накапливается большое число эмигрантов анархистов. Несколько тысяч анархистов из Российской империи, преимущественно еврейского происхождения, оседают в Нью-Йорке и Чикаго. Маруся попадает в среду анархистских идеологов, среди которых были: Арон и Фаня Барон, Всеволод Волин, Гетман-Эмигрант, Макс Черняк, Михаил Раевский — будущие лидеры анархистов времен Октябрьской революции. Последний издает в Нью-Йорке анархистскую газету на русском языке «Голос труда», в которой, под разными псевдонимами, публикует свои пропагандистские статьи Никифорова. Печатается она и в газете «Вперед», которую выпускают анархисты Чикаго, а также участвует в организации крайне левого «Союза русских рабочих США и Канады».

Через три года Марусе надоедает синдикалистская и журналистская возня. Ее влечет Европа... В 1913 году она отправляется в Испанию, где делится с испанскими анархистами секретами взрывного и террористического «дела». Анархисты частенько «добывали» деньги «на организацию и пропаганду», грабя магазины, банки, квартиры богатых горожан. В одной из перестрелок в Барселоне, во время ограбления анархистами банка, Маруся была ранена и тайно переправлена во Францию на лечение.

Осенью 1913 она появляется в богемных кафе парижского Монпарнаса («Куполь», «Ротонда», «Дом»...). Она в восторге от общения с поэтами и художниками, мироощущение которых, как ей казалось, так походило на бытовой анархизм. Это был мир Модильяни и Кокошки, Сутина и Элюара. В Париже Мария открывает в себе талант скульптора и живописца, посещает школу живописи и скульптуры, открытую стариком Роденом у самого подножья Эйфелевой башни.

Казалось, навсегда остались в прошлом перестрелки и погони. Ведь ей уже было двадцать семь. Она подумывала о замужестве и французском гражданстве. Вспоминала ли она убогие рабочие городки Приднепровья? Но летом 1914 года

насилие разорвало в клочья европейскую идиллию... [69]

Первая мировая война привела Марусю в офицерскую школу под Парижем. Она была единственной женщиной-эмигранткой, которая, закончив ее, получила офицерские погоны. В конце 1916 года Никифорова, засыпавшая командование требованиями отправить ее на фронт, наконец-то получила направление в Грецию. Там, у города Солоники, ей предстояло воевать против турецкой армии. Чье государство и чью свободу собиралась защищать Мария, остается загадкой. Может быть, еще тогда предчувствовала она хмель махновских атак.

В апреле 1917 года Никифорова пробирается в революционную Российскую республику. Революция не только амнистировала всех политкаторжан, но и возвела их в ранг «героев-мучеников». Организаторские и ораторские способности, огромная энергия и фанатизм поставили ее вровень с признанными лидерами анархизма.

Вначале Маруся оказывается в столице рухнувшей империи, где кипели политические страсти. Войдя в группу анархистов-коммунистов, Маруся пытается организовать вооруженные выступления против Временного правительства. В начале июля 1917 года она отправляется в Кронштадт, где стремится прельстить матросов идеями анархизма и направить их на штурм Петрограда и «буржуазной власти». Попытка большевиков и анархистов осуществить 2–3 июля 1917 года социалистическую революцию закончилась грандиозным провалом. Ленин и Зиновьев бежали в Разлив, Дыбенко и подруга Маруси — Саша Коллонтай, оказались в тюрьме. Многим тогда казалось, что дело большевиков в столице проиграно окончательно.

Мария Никифорова скрывается из Петербурга, где ее могли в любой момент арестовать, и пробирается в родную Украину. Ее известность на Юге Украины в Семнадцатом поражает. Анархисты и левые эсеры этого региона принимают ее как своего лидера. В Александровском уезде, в поселке Пологи, в то время жила ее мать, и Маруся после двенадцати лет разлуки решает почаще видеться с ней, поэтому поселяется в небольшом тогда уездном городе Александровске (ныне Запорожье), который представлял [70] тогда собой большой рабочий поселок с десятком крупных заводов.

В Александровске и соседнем Екатеринославе она начинает создавать анархистские рабочие боевые отряды Черной гвардии. Вскоре подобные отряды ей удается организовать в Одессе, Николаеве, Херсоне, Каменске, Мелитополе, Юзовке, Никополе, Горловке...

Эти отряды стали дезорганизовывать и терроризировать

государственные структуры Временного правительства республиканской России, а с ноября 1917 года и молодые структуры власти Украинской народной республики. Для вооружения и обеспечения черногвардейской Вольной боевой дружины Маруся экспроприировала у александровского заводчика Бадовского один миллион рублей. Часть денег Маруся передала Александровскому Совету в виде подарка. Большие деньги реквизировал ее отряд и у помещиков Екатеринославской губернии.

В начале сентября 1917 года Маруся пытается совершить революционный переворот в уездном Александровске. План был таков — поднять против властей не только заводы города, но и вооруженных крестьян окрестных сел. Тогда-то и познакомилась впервые Маруся с будущим «батькой вольных степей», анархистом Нестером Ивановичем Махно.

Махно был всего на год старше нее, и за его плечами были девять лет тюрьмы и каторги, несколько лет участия в действиях группы анархистов-террористов. Вернувшись с каторги в родное село Гуляй-Поле, Махно стал там «и царем и богом», только анархистским. Он возглавил Совет, профсоюз, ревком, вооруженный отряд. Махно вызвался поддержать Марусю.

На следующий день после выступлений на заводских митингах с призывом к восстанию Маруся была арестована по приказу уездного комиссара Временного правительства и посажена в тюрьму. В ответ на арест анархистки забастовали почти все предприятия города. Тысячи рабочих пришли к зданию Совета и к воротам тюрьмы с требованием освободить арестованную.

И власти вынуждены были уступить... Рабочие вынесли Марусю на руках из тюрьмы и по центральной улице [71] пронесли ее до здания Совета. В тот же день Совет Александровска был переизбран, и кадетов, эсеров и меньшевиков сменили анархисты, левые эсеры и большевики. Практически в уезде произошел «левый переворот» под руководством Никифоровой. Двоевластие Совет — комиссар Временного правительства, сменилось в ноябре двоевластием Совет — комиссар Украинской Центральной Рады.

В октябре 1917 года Маруся совершила поездку в балтийский Кронштадт, чтобы выступить перед революционными матросами. В своих выступлениях на митингах она призывала к «безмотивному» террору и к уничтожению государственных учреждений.

В конце 1917 года большевистские «красные» войска, которыми командовали М. Муравьев и В. Антонов-Овсеенко,

развернули наступление на Украину, стремясь свергнуть Центральную Раду. «Левые» Александровска решили помочь русским большевикам. 4–5 января 1918 года они подняли в Александровске восстание. Маруся Никифорова стала товарищем председателя ревкома. Махно поддержал восставших. Большевики, анархисты, левые эсеры захватили город, выгнав из него несколько сот гайдамаков-республиканцев.

Однако через два дня Александровск уже штурмовали казаки, рвавшиеся с фронта на Дон. Большевики, опасаясь, что казаки присоединятся к антисоветскому восстанию на Дону, решили не пропускать их вооруженные части на родину. Никифорова, Махно и матрос Боборыкин со своими отрядами стали на пути казаков. На днепровских переправах завязался настоящий бой. «Левым» силам удалось разоружить под Александровском восемнадцать казачьих эшелонов.

Со своим «черногвардейским» отрядом Маруся участвует в установлении советской власти в Крыму, в боях с отрядами крымских татар. Матросы — черноморцы вынесли резолюцию о поголовном истреблении буржуазии и перешли от слов к делу. Только в Севастополе и Феодосии было зверски убито более 500 человек.

Вместе с анархистским отрядом Джапаридзе, отряд Никифоровой ворвался в Ялту. Был разграблен Ливадийский дворец и расстреляно несколько десятков офицеров. [72]

Далее путь Маруси лежал на Севастополь, где по ее данным, в местной тюрьме томились восемь анархистов, которых арестовали за то, что они с балкона гостиницы бросали бомбы в толпу. Севастопольские большевики, опасаясь столкновения с отрядом Маруси, выпустили арестованных, не дожидаясь прихода атаманши. Интересно, что появившаяся на несколько дней в Феодосии Маруся была тут же избрана в Исполком уездного крестьянского Совета и успела организовать местный анархистский отряд Черной гвардии.

28 января 1918 года отряд Никифоровой прибыл в Елизаветград (Кировоград) устанавливать власть Советов. В то время в городе находился украинский запасной полк и конная сотня Вольного казачества Украины (всего 900 бойцов). Анархисты, вместе с отрядом большевиков, разогнали местный гарнизон Центральной Рады, арестовали представителей украинской власти. Местного военного начальника, полковника Владимирова, Маруся сама застрелила за отказ выдать анархистам ключи от военных складов. Жители уездного Елизаветграда надолго запомнили «дружинников» Маруси, которые несколько дней терроризировали город, грабя и убивая

«буржуев».

С первых дней пребывания в «руководстве» Александровска Маруся вошла в конфликт с большевистским ревкомом, который установил свою власть в уезде. Попытки Маруси создать в городе «анархическое общество» привели к тому, что по требованию советских властей ее отряд был вынужден покинуть Елизаветград. Покидая город, Никифорова пообещала разогнать местный большевистский ревком.

Занимая руководящие посты в уездных ревкоме и Совете, Маруся убедилась, что большевиков интересует только власть, что они всеми силами стремятся избавиться от своих союзников — анархистов и левых эсеров. Политические интриги, карьеризм, шкурничество процветали в учреждениях новой власти.

Грандиозный скандал, устроенный Никифоровой большевистскому руководству, закончился тем, что по ее приказу [73] «черногвардейцы» окружили Александровский совет и под дулами пулеметов арестовали большевика — председателя Совета Александровска и членов исполкома. В феврале 1918 года Никифорова покидает все посты, чтобы заняться подготовкой «третьей анархической революции».

Однако к «мирному строительству» она так и не смогла перейти. Во второй половине февраля 1918 года на Украину двинулись войска Германии и Австро-Венгрии. Посадив свои отряды на коней, Маруся решает дать отпор интервентам. Для обеспечения всем необходимым Черной гвардии она налагает на буржуазию и помещиков Александровского уезда большие денежные контрибуции.

Часть денег Никифорова передавала анархистам из других городов Украины «на анархичную агитацию и газеты», часть оставляла в своем отряде. Выколачивание контрибуций ничем не отличалось от обыкновенного разбоя. Вооруженные анархисты, угрожая оружием, изымали ценности не только у богатых, но и у рабочих профсоюзов.

Даже по тем «революционным временам» выделялся отряд Маруси «Дружина». Костяк его составляли опытные анархисты-террористы, что вернулись из эмиграции или с каторги. Немало там было и матросов Черноморского флота, гимназистов, уголовников, деклассированных интеллигентов и просто босяков.

Отряд насчитывал 580 человек, имел две пушки, семь пулеметов, броневик. Кроме «Дружины» Маруси Никифоровой, в Украине в феврале 1918 года действовало множество анархистских «черногвардейских» отрядов общей численностью до 4 тысяч бойцов, под руководством командиров-атаманов

Черняка, Желябова, Зайделя, Касисимова, Девицкого, Махно, Гиси, Романова, Петренко, Порубаева, Мокроусова, Чередняка, Воронова, Аккермана, Валентинова, Железнякова-старшего, Гарина и других. Тогда в Украине это была серьезная сила, с которой большевикам приходилось считаться, хотя они «метали громы и молнии» по поводу марусиных «самочинных реквизиций»: ведь деньги, «собранные» Марусей, могли заполнить и их карманы.

В последних числах февраля 1918 года, когда австро-германцы уже подошли к Киеву и Умани, отряд Маруси [74] появился в Елизаветграде (Кировограде). Прибытие его в этот город было связано с тем, что из Елизаветграда за разбой был изгнан «красный» отряд Беленкевича. Маруся поспешила на выручку революции...

Когда «дружина» вошла в город, начались расправы с «контрреволюционерами» и грабеж «буржуинов». Поползли слухи, что анархисты ограбили даже заводскую кассу, где находилась зарплата рабочим за два месяца. Против анархистского террора выступили жители города, в том числе и рабочие под руководством местных меньшевиков, эсеров и лидеров профсоюзов. Они создали для борьбы против анархистов «Временный комитет революции», который призвал демобилизованных солдат из окрестных сел прибыть в город, чтобы защитить демократию от анархии.

На улицах города три дня гремел бой. Почувствовав, что близится ее поражение, Маруся приказала открыть огонь по городу из пушек бронепоезда, на котором прибыл ее отряд. Только вмешательство «красного» отряда матроса Полупанова прекратило бойню. Жертвами ее стали около 90 человек убитыми и 140 — ранеными.

Подобный конфликт произошел и в местечке Березовка, которое Маруся решила «оборонять», причем сначала обложила жителей большой контрибуцией. В этом случае на выручку жителям Березовки пришел Гриша Котовский со своим анархистским отрядом. По неизвестным нам соображениям, он призвал березовцев не давать Марусе денег и вынудил отряд своей единомышленницы покинуть местечко.

В феврале на станции Акимовка произошел бой между отрядом Маруси и отрядом крымских красногвардейцев, а в марте воинство нашей героини сражалось с «красным» отрядом Федько в Александровске.

В марте анархисты восстали против власти большевиков в Екатеринославе. Они захватили тюрьму и выпустили из нее всех заключенных, разоружили отряд еврейских социалистов из ЕСП и

милицию, как контрреволюционные части. Маруся приехала в город, когда мятежные анархисты уже были успокоены своим лидером Ароном Бароном, а в городе введено военное положение.

Отряд Маруси отходит на восток, где она создает оборону против немецких войск у Александровска и Бердянска. [75] Вместе с отрядом Махно и отрядом анархиста Петренко отряд Маруси пытается даже переходить в контрнаступление у Гуляй-Поля... По воспоминаниям Нестора Махно, Маруся болезненно переживала необходимость отступления из Украины и призывала советские отряды «биться до последнего». В то же время дружина Маруси отличилась ещё и тем, что ограбила государственный поезд с продовольствием, которое предназначалось «красным» защитникам Перекопа.

Интересно, что в эти дни отряд Маруси столкнулся в бою с включенным в состав австрийской армии отрядом украинских сечевых стрельцов, которым командовал не менее «громкий» авантюрист Васыль — полковник Вышываный. В действительности это был австрийский князь Вильгельм фон Габсбург, который почему-то решил претендовать... на украинский престол! Сыну австрийского адмирала, родственнику австрийского императора и итальянской княжны едва исполнилось тогда 22 года. Но уже в 13 лет, когда его семья поселилась в замке в Галиции, Вильгельм стал изучать польский и украинский. Учась в военной академии в Вене, он не забывая об Украине и уже тогда грезил стать ее королем.

Часть Вышываного в составе 11-й австрийской дивизии приняла участие в наступлении на Херсон, Никополь, Александровск, легко отогнав анархистскую дружину. В дальнейшем Вышываный оказался в центре европейских интриг. Австрия и украинские галицкие политики надеялись на воцарение монарха Васыля-Вильгельма в Украине, союзная Германия была категорически против, а гетман Украины Скоропадский отправил три ноты австрийским властям с требованием отзыва своего конкурента из Украины. У гетмана появились сведения, что Васыль-Вильгельм заводит тайные контакты с политическими и церковными лидерами Украины, и — «о ужас!» — с лидерами крестьянских повстанцев против гетмана на Херсонщине. В октябре 1918 года Вышываный был отозван в Австрию{5}. [76]

* * *

Командующий В. Антонов-Овсеенко вспоминал, что его штабу

удалось установить связь только с отрядом Никифоровой, большевистские же отряды разбежались. Кстати, Маруся тогда настойчиво предлагала будущему «батьке» Нестору Махно вывезти его эшелоном из Украины и принять в свой отряд на командную должность. Но Махно избрал свой путь борьбы...

В апреле 1918 года под давлением сил оккупантов отряд Маруси отходит на Юзовку — Таганрог. В Таганроге командир большевистского отряда Каскин арестовал Марусю прямо в здании ЦИК Советов Украины. Когда ее брали под стражу на глазах у членов правительства, Маруся спросила Владимира Затонского, за что ее арестовывают. Получив в ответ: «Не знаю, за что», Маруся обозвала большевистского «божка» «подлым лицемером» и плюнула ему вслед.

«Таганрогское» правительство Советской Украины находилось в замешательстве не только от практически полной потери своей территории и армии, но и от попытки выступления «союзных» левых эсеров. В Таганрог в конце марта 1918 года прибыли и организовали там «главный военный штаб» лидеры российских левых эсеров — Камков, Карелин, Штейнберг — ярые противники Брестского мира с немцами. Эти лидеры прибыли на «украинское пепелище» не просто так, они намеревались возглавить захват денежных средств у своих «друзей»-большевиков Советской Украины.

Левоэсеровский отряд таганрогского военкома арестовал «народных секретарей» — министров Советской Украины. В номерах гостиницы, где жили лидеры большевиков В. Затонский, С. Коссиор и другие были проведены обыски и изъятие денег «на продолжение революционной войны в Украине». Эсеры считали, что «народные секретари» просто прикарманили украинские «народные деньги». Через несколько дней этот скандал удалось замять, очевидно после дележа денег.

Марусе грозит смертная казнь за превышение власти, самочинные расстрелы и изъятия ценностей, за разграбление Елизаветграда. К тому же, как раз в середине апреля 1918 года в Москве проходило полное разоружение анархистских [77] отрядов, сопровождаемое арестами и расстрелами анархистов Московские анархисты были объявлены мятежниками, и в связи с событиями в столице «дело Маруси» приобретало широкий резонанс.

После ареста Никифоровой ее отряд не разбежался и не пошел служить в большевистские соединения. Оставшиеся в нем триста бойцов, а также эвакуировавшиеся из Украины анархисты и левые эсеры потребовали освобождения Маруси. Анархисты обратились за помощью к командующему фронтом Антонову-

Овсеенко. Последний ответил телеграммой: «Отряд анархистки Марии Никифоровой, как и товарищ Никифорова, мне хорошо известны. Вместо того, чтоб заниматься разоружением таких революционных боевых единиц, я советовал бы заняться созданием их». В то же время с фронта прибыл анархистский бронепоезд Гарина, который, угрожая орудиями, наведенными на город, потребовал освобождения Маруси.

В конце апреля в Таганроге состоялся революционный суд над Никифоровой. Среди судей были лидеры большевиков и левых эсеров, возглавлял суд В. Затонский. Он проходил при открытых дверях и назывался «судом революционной чести». На суде анархисты заявили, что поднимут восстание, если Марусю не освободят, и суд признал ее невиновной, принял решение вернуть ее отряду оружие и дать эшелон для продвижения.

После освобождения Никифоровой Нестор Махно тут же написал, а таганрогские анархисты напечатали листовку (за подписью «Совета анархистов»), в которой власти Советской Украины обвинялись в фальсификации «дела». Митинги, на которых перед солдатами и таганрогскими рабочими выступали Маруся и Махно, также были собраны с целью оправдания Никифоровой и обличения властей. Однако солдаты 1-го революционного батальона коммуниста Каскина остались недовольны освобождением Маруси и продолжали требовать ее покарания за убийства, издевательства над населением и грабежи.

В мае 1918 года отряд Маруси уже наводит ужас на буржуазию Ростова-на-Дону и Новочеркасска, тревожа местных большевиков своей бесконтрольностью и ночной стрельбой. Анархисты обстреливали Донской областной исполком, [78] здания, где размещались другие «властные» структуры, призывая к «немедленной анархии». В районе Ростова в то время собирается множество отступивших из Украины анархистских отрядов, которыми командовали Арон Барон, Махно, Желябов, Васильев и другие. Это была мощная сила, которую, несмотря на постановление Президиума Донского исполкома, так и не удалось разоружить.

В Ростове Маруся приступила к «уничтожению капитала». Анархисты захватили все банки, и на одной из площадей города вскоре возникла большая бумажная гора, состоявшая из ценных бумаг и облигаций. Потом анархисты подожгли ее и, освещенные заревом костра, праздновали рождение «нового мира». Но вот «вечные ценности» — золото и бриллианты, изъятые из банка и из «буржуазных квартир», в этот костер не попали, как не попали туда и реальные денежные знаки, бывшие в обороте.

Летом 18-го марусин отряд появляется у Брянска и Саратова, воюя против белоказаков, сталкивается с советскими войсками у Царицына и Воронежа. В районе железнодорожной станции Царицына анархистские отряды Никифоровой и Петренко дали настоящий трехдневный бой большевикам. Причем город подвергся сильному обстрелу артиллерией бронепоезда, на котором прибыли отряды анархистов. Руководил борьбой с этим «безобразием» сам недавний комиссар Советской Украины Серго Орджоникидзе.

Как выглядела тогда наша «героиня» и ее ближайшее окружение?

О воронежской встрече с Марусей Р. Рошаль писал: «По улице с бешеной скоростью мчится экипаж. Небрежно развалясь, сидит в нем молодая брюнетка в залихватски надетой набекрень кубанке, рядом, повиснув на подножке, плечистый парень в красных гусарских рейтузах. Брюнетка и ее телохранитель увешаны оружием».

Очевидцы вспоминают «маруськиных» матросов — «дружинников» с дамскими золотыми браслетами на руках и экзотических «испанцев» — анархистов в черных пелеринах, с длинными волосами, что пугали своим видом обитателей русских уездных городков.

Анархист М. Чуднов так описывал Марусю лета Восемнадцатого: «Это была женщина лет тридцати двух или тридцати пяти, с преждевременно состарившимся лицом, в котором [79] было что-то от скопца или гермафродита, волосы острижены в кружок. На ней ловко сидел казачий бешмет с газырями. Набекрень надета белая папаха».

Комиссар М. Киселев вспоминает Марусю уже весны Девятнадцатого: «...ей около тридцати — худенькая, с изможденным, испитым лицом, производит впечатление старой, засидевшейся курсистки».

Первый съезд Коммунистической партии Украины постановил, что соглашения с анархистами «недопустимы», хотя лидер украинских большевиков В. Затонский заявлял, что «с анархистами нам приходиться считаться, там на Украине, гораздо больше, чем здесь (в России)». На съезде он говорил: «Мы достаточно видели различных Марусь Никифоровых, которые стояли на платформе советской власти и которые принесли нам столько вреда... Нам нужно быть подальше от таких друзей».

Отряд Маруси разгоняют и частично разоружают за неподчинение законам. Сама Маруся, чудом избежав ареста, прячется в Саратове, куда эвакуировались из Украины «причерноморские» анархисты. Там Маруся пытается поднять

восстание против большевиков, но затея проваливается и заканчивается арестами анархистов.

В сентябре 1918 года Маруся была арестована по решению Саратовского Совета и под конвоем вывезена в Москву. Местные чекисты не решились расстрелять на месте «героиню революции», лично знавшую Ленина еще по «парижскому сидению» в уютных кафе.

Осень 1918 года Маруся проводит в советской тюрьме — в московских Бутырках, ожидая суда за все свои «художества»: ограбления, бессудные расстрелы, восстания против советской власти. В октябре 1918 года ее освобождают на поруки члена ВЦИК Советов РСФСР старого анархиста А. Карелина и командующего советскими войсками Юга России В. Антонова-Овсеенко. Удивляет очень мягкий приговор по судебному делу Марии Никифоровой, вынесенный в дни покушения на В. И. Ленина и начала кровавого «красного террора».

Суд Ревтрибунала Республики состоялся только в январе 1919 года. За «дезорганизацию и дискредитацию» советской власти она была приговорена к «лишению на шесть месяцев права занимать ответственные командные посты в РСФСР». [80]

Член ЦК компартии Украины Юрий Пятаков возглавил комиссию по рассмотрению дела М. Никифоровой по поручению правительства Советской Украины. Эта комиссия, признав Марусю виновной по всем статьям, требовала более сурового наказания. Именно Пятаков впервые назвал Марусю «бандиткой».

Можно предположить, что взаимное притяжение, возникшее между Марусей и длинноволосым эстетом и немножечко авантюристом Владимиром Антоновым-Овсеенко (партийная кличка «Штык»), привело к ее освобождению. Другое предположение состоит в том, что в обмен на жизнь Марусе было предложено сотрудничество с ЧК, и она выбрала жизнь, став секретным агентом во вражеских тылах.

За «особые заслуги» Маруся избирается в Секретариат Всероссийской федерации анархистов-коммунистов. А с декабря-1918 года она уже «гуляет» со своей партизанской сотней в Украине, где одна власть сменяет другую с калейдоскопической быстротой. Есть обрывочные сведения, что некоторое время она повоевала и в повстанческой армии украинских республиканцев, у Симона Петлюры. В составе войск Директории УНР, которые вел на Одессу Иван Луценко, был отряд Маруси.

В середине декабря Никофорова сражается против «белых» и французских войск, которые стремились захватить Одессу. Она, как бывший офицер французской армии, консультирует украинское командование о состоянии французской армии и

особенностях ее тактики. Но войскам УНР пришлось оставить Одессу. И хотя Луценко заявлял, что «скинет французов в море», Петлюра, надеясь на союз с Францией, приказал не вступать с французскими войсками в открытые сражения и ради заключения будущего союза сдать город.

В конце, декабря 1918 года Маруся внезапно появляется в ставке В. Антонова-Овсеенко, которому вновь предстоит командовать «походом красных войск на Украину». Очевидно, зная, каким будет приговор Ревтрибунала по делу Никифоровой, и, пренебрегая этим приговором, Антонов-Овсеенко [81] назначает Марусю командиром Вольной боевой дружины (200 бойцов), которая вошла в состав войск Украинского фронта.

С января 1919-го она воюет уже против петлюровцев в Харьковской и Екатеринославской губерниях. Отряд Маруси первым врывается в Екатеринослав, занятый войсками УНР. Но и под командованием Антонова-Овсеенко она находилась только полтора месяца. Рассорившись с «властниками-властолюбцами» большевиками, импульсивная Маруся покидает группу войск Харьковского направления.

В марте 1919 года Никифорова со своим отрядом вступает в повстанческую анархистскую бригаду батьки Махно. В то время махновцы формально входили в состав Заднепровской советской дивизии Украинского фронта, хотя и сохраняли права полной автономии (выборность командиров, анархистская идеология и борьба под черным знаменем анархии). А самое главное — на территории махновцев приказы большевиков не исполнялись, и создания административно — карательных структур (ЧК, ревкомы, продотряды) Махно на своей территории не допускал. «Махновия» стала государством в государстве. Тут проводился эксперимент построения анархистского общества.

Маруся в махновской бригаде тайно командовала конным партизанско-террористическим отрядом, состоявшим в основном из «черногвардейцев». Официально же она занималась всего лишь пропагандой и просвещением бойцов, контролировала медицинскую помощь в бригаде. Никифоровой-пропагандисту была дорога идея истребления офицеров, буржуев, чекистов и продотрядовцев. Эту идею она постоянно осуществляла на практике.

Казалось бы, в бригаде «имени батьки Махно» Маруся сможет обрести желанную для нее анархическую среду. Однако и с батькой Махно она с трудом ладила, постоянно обвиняя его в диктаторстве и лояльности к большевикам. Уже в мае 1919 года Маруся предложила Махно возглавить анархистское восстание в Украине — «Третью анархистскую революцию», которая,

начавшись в Украине, должна была охватить весь мир. Когда Махно отказался от предложенной авантюры, она попросила у его штаба крупную сумму на организацию антибольшевистского подполья и террора. [82]

Интересно, что в то время, когда Маруся вынашивала свои «коварные планы», командующий фронтом Антонов-Овсеенко сообщал в Центр Х. Раковскому (телеграмма от 2 мая 1919 года): «Махно и Маруся Никифорова ведут агитацию за создание «единого революционного фронта» против контрреволюции... к левым эсерам относятся отрицательно... Маруся Никифорова к военным делам не допускается, находя, что ее место — дела «милосердия».

Лев Каменев, побывав 7 мая 1919 года в Гуляй-Поле у Махно, остался доволен «доблестными повстанцами-героями». Он долго беседовал с Марусей и после этого разговора отослал телеграмму во ВЦИК Советской России: «Предлагаю, за боевые заслуги, сократить наполовину приговор Марусе Никифоровой, осужденной на полгода лишения права занимать ответственные должности».

В начале июня 1919 года Махно и его войско были объявлены большевиками «вне закона». В ответ на арест нескольких махновских командиров Маруся решила провести террористические акты против В. Ленина и Л. Троцкого. На эти «деяния» она потребовала у Махно 700 тысяч рублей. Получив отказ, Никифорова пригрозила забрать деньги силой. Ссора с Махно едва не дошла до перестрелки. Махно все же выгнал Марусю из своего вагона, кинув ей в виде подачки пачку денег (около 100 тысяч рублей) со словами: «Вы мне надоели! Чтобы я вас тут больше не видел!» По другим данным, Махно одобрил план террора и дал Марусе на убийство Ленина и большевистских диктаторов в Украине — Раковского и Пятакова — 500 тысяч рублей. Но заказчики убийств никогда не рекламируют себя.

Маруся и ее воинство навсегда покидают Махно и «махновский» Мелитополь. Часть отряда под руководством Казимира Ковалевича отправляется в Харьков с целью освободить махновцев из тюрьмы и взорвать здание ЧК. Однако анархисты прибывают в Харьков слишком поздно: махновские командиры расстреляны, а Троцкий и органы ЧК отбыли из Харькова, вследствие эвакуации города. Группа Ковалевича и Маруся направляются в Москву, чтобы [83] убить Ленина в ответ на расстрел «красными» главы штаба махновских войск Озерова, махновских командиров Павленко, Коробко, Будыги, Костина, Полунина, Добролюбова. Тогда же анархистский отряд Макса

Черняка отправился в Сибирь, с целью убийства «верховного правителя России» адмирала Колчака.

Летом 1919 года Маруся в Москве вместе со своим мужем — польским анархистом-террористом Витольдом Бжестоком, за плечами которого был опыт тринадцати лет террористической деятельности, он грезил организацией «Всеевропейской анархической революции». Анархистская чета рассчитывала раздобыть в Украине и России несколько миллионов на всемирную революцию.

Прибыв в Москву, Маруся начала разрабатывать план взрыва власти изнутри. Для этой цели при ее участии в столице была создана организация «Анархисты подполья — Всероссийский повстанческий комитет революционных партизан». В комитет входили 16 махновцев из отряда Маруси, до 40 человек из латышской анархистской группы, 8 — из анархистского союза молодежи, 10 — из московских анархистских, левоэсеровских и максималистских групп (в комитете верховодили известные террористы — анархист Соболев и левый эсер Черепанов).

Сначала Маруся отправила «подпольщиков-партизан» на экспроприации. Волна ограблений прокатилась по Москве, Туле, Иваново-Вознесенску. «Эксы» дали анархистам более 4 миллионов рублей. «Анархисты подполья» собирались в квартире Никифоровой, обсуждая будущие разговоры с большевиками «на языке динамита». Они планировали не только убийство Ленина и Троцкого, но и всей «верхушки» большевиков, а также взрыв Кремля.

25 сентября 1919 года анархистам подполья удалось взорвать здания Московского комитета РКП/б/ в Леонтьевском переулке, где ожидалось присутствие Ленина. Однако Ленин случайно задержался на совещании и не прибыл к открытию пленума МК РКП/б/. При взрыве было убито 12 человек, в том числе В. Загорский — председатель московского комитета партии. Ранения получили Н. Бухарин, Е. Ярославский и другие — всего 55 видных партийцев. В своей листовке анархисты подполья провозгласили: «Смерть за смерть! Начало динамитной борьбы с Совнаркомом и ЧК!». [84]

На октябрьские праздники Девятнадцатого анархисты подполья спланировали взрыв Кремля. В систему канализации Кремля были заложены динамитные шашки… Однако за несколько дней до взрыва ЧК раскрыла организацию, и почти все анархисты были схвачены или погибли Семерых арестованных подпольщиков расстреляли, а Донат Черепанов — руководитель московских левых эсеров, поэт и активный деятель Октябрьской революции, был убит в ссылке.

В конце августа 1919 года Маруся и ее муж Бжесток покинули Москву и уехали в Крым, занятый белогвардейцами. Они планировали из Крыма пробраться на Дон, чтобы взорвать ставку Деникина. Далее супружеская чета рассчитывала переехать в Польшу, чтобы там поднять анархистскую революцию. Маруся успела встретиться с крымскими анархистами и попросить у них денег на поездку в Польшу. Однако в Севастополе Мария была опознана белогвардейским офицером. В тот день, когда Москву потряс взрыв в здании МК РКП/б/, а под Уманью махновцы наголову разбили белогвардейцев, Маруся и ее муж были повешены во дворе севастопольской тюрьмы.

Существует иная версия гибели «бандитки»: она была опознана и арестована белогвардейцами в Киеве, в сентябре Девятнадцатого и перевезена в Севастополь, где по приговору Военно-полевого суда повешена. Но ходили упорные слухи, что Маруся осталась жива. Говорили, что ее, как советскую разведчицу, уже в 1921 году отправили в Париж — продолжать дело всемирной революции. Уверяли, что видели ее там среди людей, связанных с убийством Симона Петлюры.

Уже в 1920 году в армии Махно появляется новая атаманша Маруся — «тетка Маруся», которая командовала конным махновским полком около года. Этот полк совершал рейды по тылам «красных», действовал на Полтавщине, в районе Запорожья, на Черниговщине. Однако эта Маруся никакого отношения к Марусе Никифоровой не имела, хотя многие исследователи их путают. Какую фамилию носила «вторая» Маруся, неизвестно... Но недавно [85] краевед В. Гузий написал, что у «тетки Маруси» была то ли кличка, то ли фамилия «Черная» и родилась она в селе Басань. Известно, что в октябре 1920-го Маруся Черная пустила под откос советский эшелон с войсками у Нежина. Вторая Маруся погибла в бою с «красными» летом 1921 года на юге Украины.

Еще одна атаманша Маруся водила украинских повстанцев в бой против «коммунии» в районе Чернобыля — Радомышля — Овруча в 1919 году. Это была сторонница Симона Петлюры, бывшая учительница, двадцатипятилетняя Маруся Соколовская. Брат ее Дмитрий Соколовский, повстанческий атаман, был убит «красными» летом 1919 года. Маруся возглавила отряд брата, который назвала Повстанческой бригадой имени Дмитрия Соколовского. В конце 1919 года ее повстанческий отряд из 800 человек был разбит частями 58-й советской дивизии. Марусю и ее жениха — атамана Куровского взяли в плен и расстреляли. Была и четвертая бандитка Маруся — в армии атамана Антонова, что поднял восстание на Тамбовщине в 1921–1922 годах. Но это тоже

была «не та» Маруся. Тамбовскую Марусю звали атаманшей Марией Косовой. Она «прославилась» своим взрывным характером и жестокостью.

Севастопольские офицеры хорошо помнили «кровавую Марию» — одну из организаторов «Варфоломеевской ночи» — расправы над морскими офицерами в Крыму. В эту ночь анархистами и озверевшими матросами были расстреляны, утоплены, заколоты штыками сотни безоружных людей.

Но вернемся к нашей героине. В Бога она не верила, черту, возможно, служила. Маруся спокойно встретила смерть, жалея только о том, что не «пустила под лед» своих палачей еще в январе Восемнадцатого.

Таков итог жизни личности неординарной, которая возомнила, что в праве судить и карать. Дочь офицера, сама офицер, убийца офицеров и жертва офицеров — невероятная цепочка, созданная логикой классовой борьбы.

«Погромный» атаман Григорьев

Атаман Григорьев мечтал о славе «победителя империалистов Антанты», о роли вождя украинского народа. Он был готов на любое преступление ради славы. На две майские недели 1919 года Григорьеву удалось превратиться в одну из главных фигур украинской политики, с потенциальными возможностями стать «головным атаманом» — кровавым диктатором всей Украины. Но у атамана не оказалось ни политического чутья, ни образованности, ни умения искать союзников, зато самолюбия и коварства было в достатке.

Григорьев всегда переоценивал свои возможности политика и стратега. Командовать полком или, даже в революционное время, бригадой он умел, но это был его потолок.

Десятки таких вот Григорьевых в Семнадцатом ощутили себя «фигурами» и ринулись в политику, подминая под себя своих и чужих. Используя иногда верные лозунги, они доводили их претворение в жизнь до абсурда; заявляя о верности украинскому народу, они всеми способами стремились разрушить украинское государство и внушить «звериные инстинкты» народу.

Исследовать трагическую историю «григорьевского мятежа» я начал еще в университете. Моим учителем оказался едва ли не единственный автор, касавшийся этой темы, профессор Михаил Раковский. Интересно, что советские историки, начиная с 30-х годов, предпочитали не притрагиваться к сюжетам «григорьевщины». И не случайно...

Кавалер одного из первых орденов Красного Знамени, освободивший Юг Украины от интервентов, командир [87] «красной дивизии», оказался мятежником — врагом большевиков, организатором множества еврейских погромов, в ходе которых погибло около 5 тысяч человек. В СССР тщательно скрывались факты еврейских погромов, которые устраивали не только бойцы Красной Армии (буденновцы, солдаты Дыбенко...), но и бывшие красноармейцы-григорьевцы.

Работая над диссертацией по истории махновщины и анархизма, я не мог не обнаружить множество еще неопубликованного материала по истории «григорьевщины». В архивах Киева и Москвы я нашел действительно уникальные материалы, с помощью которых можно по-новому взглянуть на такое сложное явление, как «григорьевщина».

История почему-то не сохранила его подлинного имени — то ли Николай Александрович, то ли Матвей Александрович. Многие исследователи даже сейчас путаются в его именах. Но

теперь, после архивных «раскопок», можно сказать точно, что Григорьева звали Никифор (Ничишр) Александрович.

О жизни и деятельности атамана Григорьева до 1919 года известно очень немного. Советские историки утверждали разное: что родился Григорьев то ли в небольшом городке Александрия, в самом центре Украины, то ли неподалеку, в селе Верблюжки, на Севере Херсонщины, а произошло это то ли в 1894 (БСЭ), то ли в 1878 году.

Однако архивные данные вещь непререкаемая... И они говорят о том, что атаман родился в Подольской губернии, в местечке Дунаевце, за несколько сот километров от Александрии и Верблюжек. Будущий атаман появился на свет в 1885 году.

Эмигрантский публицист, который был лично знаком с Григорьевым, Михаил Дорошенко, автор воспоминаний «Тропами Холодноярскими», считал, что настоящая фамилия Григорьева, которую он никогда не употреблял, — Серветнык. Семья будущего атамана в начале века перебралась из Подолья в соседнюю Херсонскую губернию, в село Григорьевка. Молодой Ничишр Серветник тогда и поменял свою фамилию на более благозвучную, более комплементарную, русскую фамилию Григорьев, по названию села — новой родины. Это и объясняет «загадку» атамана, который постоянно подчеркивал свое украинское происхождение, призывал громить русских, но при этом обладал почему-то русской фамилией.

Никифор Серветник был старшим сыном в семье, где помимо него было еще трое детей. В детстве он смог закончить только двухклассную начальную школу, и недостаток образования впоследствии постоянно давал о себе знать.

1905-й застает Григорьева в казачьих войсках на «сопках Маньчжурии», где идет война России против Японии. Там он обретает тягу к сражениям и крови, опыт кавалериста, отличается в боях. После окончания войны Григорьев демобилизуется и возвращается на Херсонщину. Восемь долгих лет его кипучая энергия не находила выхода. Он служил простым акцизным чиновником, а по иным данным — работником полиции в уездном местечке Александрия, где у него с женой имелся собственный небольшой домишко.

С началом мировой войны двадцатидевятилетнего Григорьева мобилизовали в армию. Он становится прапорщиком 56-го пехотного полка на Юго-Западном фронте. В боях против германцев Григорьев показал себя смелым и опытным бойцом, был награжден за храбрость Георгиевским крестом (в некоторых публикациях ошибочно — «тремя Георгиями»), дослужился до штабс-капитанского чина.

После Февральской революции Григорьев некоторое время возглавляет учебную команду 35-го полка, расквартированного в Феодосии, с осени 1917 года служит в гарнизоне Бердичева.

Он нравился солдатам своей бесшабашностью, вечной нетрезвостью и простотой во взаимоотношениях с низшими чинами. Он умел убедить рядовых идти в бой, часто показывая личный пример.

По словам Дорошенко, Григорьев был «невысокого роста, сутулый, имел лицо немного побитое оспой... Был энергичный и быстрый: из револьвера стрелял быстро и метко». «Красный» командующий Антонов-Овсеенко замечал, что «Григорьев держит в страхе своих подчиненных, тяжел на руку и скор на расправу... Григорьев честолюбив, обладает военным талантом». Лидер одесских большевиков Ольга Соколовская отзывалась об атамане как о «самодуре и авантюристе». [89]

Нестор Махно так описывал атамана: «... крепкий, приземистый человек, который говорил в нос, грубый, самонадеянный, с некрасивым тупым лицом, что вечно ругал «жида» Троцкого». Адъютант Махно Троян добавлял, что атаман был «излишне разговорчив и хвастлив, хотя чувствовалось, что сам себе на уме и властен». К этим описаниям необходимо добавить, что Григорьев имел малопривлекательное лицо монгольского типа, узенькие карие глаза и сизый нос любителя крепких напитков.

Страшен был атаман Григорьев в своем дремучем невежестве, в зоологическом антисемитизме, в расчетах на силу и подлость. Страшен был он своим презрительным отношением к человеческой жизни. Это был неудавшийся диктатор, из которого мог бы « вырасти» отечественный тиран.

Расположение солдат обеспечило офицеру Григорьеву членство в революционном комитете на Юго-Западном фронте русской армии. Побывав на съезде фронтовиков в 1917 году, Григорьев начал «заниматься политикой» и активно участвовать в создании новой украинизированной армии, подчиненной Центральной Раде. Тогда же он знакомится с Симоном Петлюрой и принимает его политические лозунги.

Из добровольцев Григорьев создает ударный украинский полк, за что генеральный секретарь по военным делам УНР Симон Петлюра присваивает Григорьеву звание подполковника и поручает ему создавать вооруженные формирования в Елизаветградском уезде.

Но вскоре Центральную Раду УНР сменил гетман Павло Скоропадский. За лояльность к новому режиму, а возможно, и участие в перевороте Григорьев получает звание полковника,

командование одной из частей Запорожской дивизии армии гетмана. Перед крестьянским сыном, что умел быстро менять политический «окрас», открылись перспективы блестящей карьеры.

Но уже через несколько месяцев после гетманского переворота, когда горькие плоды германской оккупации стали заметны в украинской степи, Григорьев становится во главе восставших крестьян, которым надоели грабежи и издевательства немецко-австрийских оккупантов. Григорьев стал выразителем стремлений среднего крестьянства, которое страдало от возвращения помещиков и карательно-реквизиционных [90] отрядов. Мощное Таращанско-Звенигородское восстание украинских крестьян заставило Григорьева пересмотреть свое отношение к существующей власти и искать новые ориентиры.

Тайно молодой полковник устанавливает контакты с оппозиционным гетману «Украинским Национальным Союзом», что готовит государственный переворот в Украине. По поручению Петлюры, Григорьев, бросив свою службу, уезжает в родные степи и организует на Елизаветградщине отряды из восставших крестьян для борьбы с австро-немецкими карательными отрядами и «вартой».

Первый повстанческий отряд, около 200 крестьян, Григорьев собрал в селах Верблюжки и Цибулево. Первая операция — нападение на гетманскую полицию (варту). Через некоторое время григорьевцы разгромили большой карательный отряд, захватив четыре пулемета и пушку. Следующая победа принесла большие трофеи. Повстанцы напали на австрийский военный эшелон на станции Куцивка, захватив большое количество патронов, гранат, винтовок и пулеметов. Захваченным оружием Григорьев вооружил полторы тысячи повстанцев.

Эти успехи подняли авторитет Григорьева, как удачливого атамана, в глазах крестьянских повстанцев Херсонщины. И хотя Григорьев как повстанческий атаман появился гораздо позже иных командиров «селянской вольницы» (в 1918 году на Херсонщине партизанили крестьянские отряды командиров Масенко, Горбенко, Павловского, Ткаченко, Тарана), восставшие стали воспринимать его как «силу организующую», как «главного атамана севера Херсонщины», ставленника Петлюры и человека с «большим военным опытом». Вскоре Григорьеву удалось объединить под своим руководством до 120 мелких повстанческих отрядов.

Однако в конце октября 1918-го григорьевцы потерпели ряд поражений от войск карателей и были вынуждены отойти на север, на границу Киевской и Херсонской губерний, в леса

Черный, Мотрин, Чутинский и Нерубайский. В районе Черкасс у Григорьева возник конфликт с местными повстанческими атаманами Чучупакой и Коцюром, которые были недовольны появлением конкурента, и он был вынужден перебраться со своим войском на родную Херсонщину. [91]

В середине ноября 1918 года в центре Украины вспыхнуло мощное восстание против гетманского режима во главе с членами Директории В. Винниченко и С. Петлю-рой. Через несколько недель восставшие уже контролировали большую часть Украины и осадили Киев.

Григорьевцы выбили немцев и гетманцев из села Верблюжки и Александрии, после чего Григорьев провозгласил себя «Атаманом повстанческих войск Херсонщины, Запорожья и Таврии», хотя он контролировал тогда только один уезд Херсонщины, а на Запорожье и в Таврии никогда не появлялся. (Махно, истинного предводителя повстанцев Запорожья, возмущало такое самозванство Григорьева.)

В конце ноября 1918-го представители Антанты сообщили гетманскому правительству, что окажут гетману военную помощь в борьбе с «мужицкой Директорией». Возникла опасность втягивания Директории в войну со всем миром. На рейде Николаева появилось пять английских кораблей с пятитысячным десантом. Представители Антанты объявили Николаев, Одессу, Херсон и Крым зоной своих интересов.

В начале декабря 1918 года отряды Григорьева, действовавшие против войск гетмана, вторглись в земли Причерноморья со стороны Вознесенска и Жмеринки. Против пяти тысяч наступавших повстанцев гетманцы смогли выставить только 545 человек. Этот заслон был опрокинут, и Григорьев вплотную подошел к Николаеву. 9 декабря он прислал местной власти ультиматум, требуя сдачи оружия, освобождения арестованных повстанцев, вывода из города военных формирований. Наступление григорьевцев на Юге имело не только стратегическое, но и политическое значение.

Уже 13 декабря были разгромлены сводные отряды гетманцев, «белых» и немецких солдат у станции Водопой, на окраинах Николаева. По договоренности с немецким командованием, представлявшим немецкий гарнизон города, войска Григорьева вошли в Николаев.

В воззвании к немецким солдатам атаман предлагал им быструю эвакуацию с Херсонщины в Германию. «Иду на вас, — сообщал атаман. — Оставьте оружие и город, и я без всяких перепонов пропущу вас в Германию. В противном случае атаман обещал: «... я вас разоружу, и наши бабы [92] через всю Украину

дубинами будут гнать вас до самой Германии». Интересно, что подобные угрозы тогда подействовали, и англо-французские войска не решились вступить в открытый бой против крестьянской стихии.

Захватив Николаев, Григорьев стал хозяйничать в городе от имени Директории УНР. В городе воцарился хаос многовластия — атамана Григорьева, правительственного комиссара УНР, городского Совета. Вскоре сборная херсонская дивизия атамана Григорьева (6 тысяч человек, сведенных в 4 пехотных и один конный полки), входившая в Южную группу войск УНР атамана Грекова, овладела большим районом Юга Украины.

Однако Григорьеву так и не пришлось стать «царем Лукоморья» (Лукоморье — раннесредневековое название Северного Причерноморья, побережья от устья Дуная до устья Днепра). Во второй половине декабря 1918 года, франко-английские интервенты, при содействии белогвардейцев, развернули интервенцию на Юге Украины.

Интервенты, в основном французские, греческие, сербские, английские, итальянские войска, повели борьбу против Украинской республики, изгнав украинскую власть и ее войска из Одессы. Директорию УНР интервенты рассматривали как «большевиков», отвергающих частную собственность, и как нестабильную власть, неспособную к управлению краем, которая потакает анархии, что приводит к хаосу. В союзе с армией Деникина интервенты планировали захватить Украину и создать на ее территории базу для похода на Москву для воссоздания «единой и неделимой России».

Интервенты продвинулись внутрь Украины на 100–150 километров, с боями вытеснив отряды атамана Григорьева из Николаева, Бирзулы, Колосовки, а затем и Херсона. В боях за Николаев против Григорьева воевали немецкие солдаты, подстрекаемые Антантой, белогвардейцы и английский крейсер «Консербери».

Во время празднования Нового, 1919 года, григорьевцы снова «наведались» в Николаев, принудив находившиеся там отряды сдаться. Командование украинской армией [93] поручило дивизии Григорьева защищать участок фронта в 120 километров и провести наступление на Херсон, где оборонялись белогвардейцы. Десять дней шли ожесточенные бои за Херсон, в результате которых город оказался в руках дивизии Григорьева.

Став фактическим диктатором большого района с городами Херсон, Николаев, Очаков, Апостолово, Олешки, «пан атаман» почувствовал себя «крупной политической фигурой» и решил

говорить с киевским правительством на языке ультиматумов. Он требует от правительства УНР ни много ни мало — должность военного министра. Это требование осталось без ответа: хотя атаману и дали для «успокоения» еще и гражданскую должность комиссара (управляющего) Александрийским уездом.

Атаман постоянно пререкается с киевским правительством, подчеркивая свою независимость, отправляет свои отряды против соседней петлюровской дивизии полковника Самокиша и независимой армии «левого» батьки Махно. Демонстрируя свои «правые» взгляды, Григорьев, входит в сговор с «левыми» — партией украинских эсеров-боротьбистов, которые открыто критиковали Петлюру и заигрывали с большевиками. В то же время высказывания Григорьева типа: «Коммунистов надо резать», угрозы кровавой расправы с бастующими рабочими Харькова выдают в нем сторонника «правой военной диктатуры». Но от Петлюры он требует прекратить всякие переговоры со странами Антанты и возобновить с ними войну за Причерноморье.

Чтобы разобраться в целях и характере движения, возглавляемого Григорьевым, в январе 1919-го на встречу с ним, на станцию Раздельная, прибывает Симон Петлюра. И хотя Григорьев уже искал возможности заключить союз с большевиками, хитрый атаман продемонстрировал полную лояльность за две недели до измены.

Надо отметить, что войска Директории с января 1919 года против интервентов не воевали. Только григорьевцы, которые, не согласившись с оккупацией Причерноморья французами и не учитывая политических реалий, продолжали против них партизанскую войну. [94]

Григорьев тогда хвастливо заявлял, что возглавляет 117 партизанских отрядов, объединённых в Херсонскую дивизию. В то время отряды Григорьева были главной военной силой Центроревкома левых украинских эсеров-боротьбистов. Григорьев был военным комиссаром Центроревкома и заявлял частенько, что «у нас движение исключительно левоэсеровское».

Он был не доволен переговорами своего командира — атамана Грекова с французами, а также отстранением от власти «левого премьера» Винниченко и утверждением Петлюры лидером Директории, созданием «правого» правительства УНР. Его оппозиционные настроения подогревали украинские левые эсеры, активисты, боротьбисты, борьбисты и левые эсдеки, отрешенные Петлюрой от власти.

В январе 1919 года Григорьев понял, что Директория УНР не в силах удержать власть на всей территории Украины. В течение

января Красная Армия захватила почти все Левобережье, за исключением Донбасса.

25 января Симон Петлюра приказывает Григорьеву войти в состав Юго-восточной группы армии УНР, куда, помимо его дивизии, включалась дивизия Гулого-Гуленко. Эти соединения должны были быть готовы к выступлению на фронт против белогвардейцев восточнее Александровска и Павлограда, где с середины декабря 1918-го петлюровцы вели бои с «белыми». Именно здесь, в гуляйпольских степях, царила полная неразбериха. Александровск прикрывал от «белых» Махно, который тогда враждебно относился к Директории. Григорьев не хотел выступать против «белых» — очень сильного противника, и в то же время он опасался входить в район, контролируемый Махно, боясь конфликта с «батькой» и крестьянством всего района. Атаман предпочел игнорировать приказ...

Григорьев решил действовать самостоятельно, посчитав, что «сам себе атаман». Он не выполнял приказы штаба армии Украинской народной республики, сам распоряжался всеми трофеями, а иногда просто грабил государственное имущество. «Сердитые» телеграммы из штаба Петлюры только вызывали протест атамана. Он отвечал своим критикам, что крестьяне «ждут меня всегда, как Бога», а для немецких колонистов он «звезда спасения», «такой дисциплиной, как у меня, нет ни в одной части». Серьезно [95] озлобила Григорьева и телеграмма петлюровского командира корпуса Осмолова, в которой последний упрекал атамана в «регулярных» грабежах, незаконных реквизициях и требовал немедленно прекратить их.

Григорьев же постоянно заявлял, что в его частях за мародерство, бегство с позиций следовал расстрел, а за невыполнение приказов — «25 шомполов и изгнание из отряда». Но все это были очередные выдумки пьяного атамана. Он пригрозил Директории УНР: если обвинения, упреки и угрозы в его адрес не прекратятся, то «я вернусь домой и распущу весь отряд. Тогда приказуйте себе, сколько хотите...» Слабость Директории УНР давала шансы Григорьеву стать ее политическим, а впоследствии и военным оппонентом.

29 января 1918 года атаман, прослужив менее трех месяцев Директории, решается на измену и отсылает в штаб украинских войск такое заявление: «В Киеве собралась атамания, австрийские прапорщики резерва, сельские учителя и всякие карьеристы и авантюристы, которые хотят играть роль государственных мужей и великих дипломатов. Эти люди не специалисты и не на месте, я им не верю и перехожу к большевикам». Он призвал Запорожский корпус войск УНР присоединиться к перебежчикам от

Директории. Но командиры корпуса не последовали примеру Григорьева и уже через три дня повернули штыки против предателей. Вплоть до апреля 1919 года Запорожский корпус сдерживал распространение григорьевщины на запад от Елизаветграда.

30 января 1919 года Григорьев начал искать пути к переходу на сторону «красных». Он присылает своего представителя в ревком Елизаветграда и заявляет «красным», что является «атаманом всех войск независимой Советской Украины» и представителем Совета революционных эмиссаров. В ревком Александровска Григорьев шлет телеграмму, подтверждая свою солидарность с действиями советского большевистско-левоэсеровского правительства УССР. «Наш девиз, — заключал Григорьев, — вся власть Советам и диктатура пролетариата!».

Первые операции григорьевцев в новом качестве были ударом в спину вчерашним товарищам по оружию. Неожиданному нападению подверглись отступавшие под напором большевиков украинские части Екатеринославского коша [96] и полковника Котика. Совершив предательство, Григорьев немедленно послал телеграмму в красный Харьков, и которой хвалился, что «поймал кота», имея в виду полковника Котика. Командование украинской армией в ответ на предательство атамана объявило его «вне закона», причем каждый гражданин УНР имел право убить мятежника

Тем временем войска Антанты развернули наступление против григорьевцев и в январе 1919-го заняли все Причерноморье. Григорьеву снова пришлось готовиться к взятию Херсона. Строя планы штурма города, Григорьев связался с Советом рабочих депутатов города в надежда договориться о совместных действиях. Однако Совет заявил, что допустит его в город только в том случае, если он станет «красным». 29 января Григорьев сообщил ревкому Херсона, что он является представителем Красной Армии хотя он в тот момент еще был «вольным атаманом». Ревкомовцы, поверив на слово атаману, открыли ему «городские ворота». Однако уже через два дня григорьевцы без боя сдали Херсон и Николаев войскам Антанты.

1 февраля 1919 года Григорьев связывается с командованием Красной Армией и предлагает создать объединенное большевистско-левоэсеровское командование — Реввоенсовет Украинской Красной Армии, где бы сам атаман занял достойное место. Григорьев заявляет, что «его войск» на всех фронтах «до 100 тысяч бойцов», что было преувеличением примерно в 15^20 раз.

В телефонном разговоре с командующим Украинским

фронтом Антоновым-Овсеенко Григорьев выставляет свои условия «объединения» (цитирую, сохраняя стилистику этого послания); «Первое — оставить в неприкасаемости наши организации. Второе — все оружие, обеспечение и снаряжение также оставить в нашем распоряжении. Третье: оставить за нами пост и титулы. Четвертое — ...обеспечить от какого-либо вмешательства во внутренние дела нашей территории, войск и трофеев, которые мы захватили в боях». Эти условия полностью противоречили порядку формирования частей Красной Армии. Большевистское руководство все же частично удовлетворило их, рассматривая григорьевцев только как необходимое «пушечное мясо» для завоевания Украины. Но большевики отклонили предложение [97] говорить на равных с Григорьевым и предложили ему подчиниться СНК Украины и Реввоенсовету. По вопросу о власти большевики обманули и Григорьева, и левых украинских эсеров, пообещав, что власть будет коалиционная и полностью свободно выбранная народом на Всеукраинском съезде Советов. Григорьев согласился на все условия «красных», которые те так и не выполнили.

2 февраля украинское советское правительство телеграфировало Ленину о присоединении григорьевских отрядов к Красной Армии. К Григорьеву прибыл боротьбист В. Блакитный-Елланский, чтобы подчинить атамана влиянию своей партии и содействовать его вовлечению в Красную Армию. Боротьбисты создали свое «украинское правительство» в Знаменке — местечке, которое контролировал атаман Григорьев, и ожидали там приглашения от большевиков занять теплые министерские кресла.

Но уже с февраля в Центр шли телеграммы, подобные этой: «Отношение к Григорьеву и Махно должно быть самое осторожное потому, что под маской их могут действовать злонамеренные элементы».

В начале февраля Григорьев выбил украинские республиканские части из Кривого Рога, Знаменки, Бобринской, Елизаветграда (Кировограда). Стараниями атамана-перебежчика был не только за несколько дней разрушен фронт войск УНРЗ но и были разбиты многие украинские части, оставшиеся верными С. Петлюре. Измена Григорьева привела к тому, что петлюровцы вынуждены были отойти из Центральной Украины на Подолье и Волынь.

18 февраля в Харькове собрались лидеры «красного» повстанческого движения Украины на совещание с правительством УССР. Григорьев тогда впервые встретился с командующим Украинским фронтом В. Антоновым-Овсеенко.

Атаман начал разговор с похвальбы: мол, под его началом 25 отрядов в 22 тысячи повстанцев. Но почувствовав, что эти цифры не произвели ошеломляющего впечатления на командующего, Григорьев «пошел на уступки» и согласился полностью подчиниться командованию Красной Армии, войти в состав 1-й Заднепровской дивизии, при условии автономии его войск (бригады). Примерно в это же время в состав советских войск вошли части Нестора Махно. [98]

Когда 28 февраля 1919 года в штаб Григорьева, который располагался в уездной Александрии, приехал командующий Харьковской группой советских войск А. Скачко, он «не нашел никаких признаков организации. Цистерна спирта, из которой пьет каждый, кто захочет, сотни две-три полупьяных бойцов, 500 вагонов, нагруженных всяким добром...»

Сам Григорьев решил избежать встречи со своим начальством и исчез вместе с начальником штаба за несколько часов до приезда Скачко. Стало ясно, что бригада разложилась, дисциплина отсутствует, никакой «коммунистической работы» в частях Григорьева не проводится, идеологией занимаются украинские эсеры, а советский аппарат бездействует.

Увидев полную анархию в частях Григорьева, Скачко вернулся в Центр с твердым убеждением, что «григорьевский штаб нужно немедленно ликвидировать», а атамана сместить. Однако командование Украинским фронтом решило «использовать» Григорьева, который, хотя и «враг коммунистической тактики, однако, видя неминуемость подчинения коммунистической власти, идет на уступки. Он хотя и бурчит, но поддается давлению политкома, который уже подписывает все бумаги. Если наладить связь политкома с центром, то Григорьева можно взять в руки...». Когда вскоре проверять бригаду приехал командующий фронтом, Григорьев снова уклонился от встречи, опасаясь своего смещения или даже физического устранения.

В те дни «григорьевские молодцы» вновь отличились: напав на заповедник Аскания-Нова, стали «резать» последних украинских бизонов. Возмущенную телеграмму по этому поводу отослал атаману глава правительства Советской Украины Х. Раковский.

1-я бригада атамана Григорьева в составе 1-й Заднепровской дивизии получила задание держать фронт по линии Олешки — Никополь — Апостолово — Кривой Рог и не допустить объединения интервентов с наступавшими на Северную Таврию белогвардейцами.

20 февраля французы вытеснили григорьевцев из

Вознесенска. Однако уже через неделю началось общее наступление на Херсон в составе Красной Армии.

В середине февраля 1919 года была сформирована Заднепровская советская дивизия Украинского фронта. В нее [99] вошли: 1-я бригада — командир Н. Григорьев, 2-я — командир П. Дыбенко, 3-я — командир Н. Махно. Общее командование осуществлял Дыбенко.

Александра Коллонтай так описывает Григорьева того времени:

«... Не то торговец, не то чиновник, «из мелких», старого режима, может быть, мастер. Ничего воинственного, героического, «повстанческого» в облике. Приземистый, скорее широкоплечий, лицо тупое, с низким лбом и острыми, «себе на уме» глазами, которые упорно избегают пытливого взгляда собеседника, шаря по присутствующим бегло — пытливым взглядом. Так глядят люди, которые знают за собой что-то нечистое и вечно опасаются, не раскусил ли их собеседник... Со стороны Григорьева посыпались хвастливые фразы о непобедимой силе его повстанческих отрядов. Выспренные речи и деланный пафос, выражающий «верноподданные чувства» недавнего петлюровца к советской власти и тут же преувеличено вульгарное выражение ненависти к буржуазии, намерение «утопить всю эту сволочь в собственной крови». Слова сильные, а веры в искренность говорящего нет».

Командующий фронтом Антонов-Овсеенко уточнял, что Григорьеву «мы естественно не доверяли», и уже в марте 1919 года стремились «под каким-нибудь предлогом» сместить Григорьева. Однако бригада была в постоянных боях, и нельзя было в это время лишить ее командования.

В конце февраля 1919 года украинские «левые» социалисты, преимущественно левые эсеры-»активисты», сумели войти в число доверенных лиц атамана. В его частях они создали «Информационное бюро», нечто вроде своего политуправления, которое стремилось воспрепятствовать работе комиссаров в бригаде.

В феврале 1919 года начальником штаба у Григорьева стал Юрко Тютюнкик, личность противоречивая и «громкая». Организатор «вольного казачества», организатор восстания против гетмана Скоропадского, он был одним из тех людей, которые подтолкнули Григорьева к измене С. Петлюре. Но уже в марте 1919 года Тютюнник, осознав, что «новая власть» Советов не сулит ему первых ролей на Украине, стал вести в бригаде «антибольшевистскую агитацию». Тютюнник был, очевидно, автором знаменитого [100] Универсала, который всколыхнул в

мае 1919 года всю Украину. Сам Григорьев уже с марта 1919-го возмущался «засилием комиссаров», которых в его бригаду прислали, по словам атамана, «тридцать штук».

После недели упорных боев, григорьевцы 10 марта 1919 года овладевают Херсоном, который обороняло 5 тысяч греков, французов, белогвардейцев. Завладев городом, григорьевцы расстреливают несколько сотен оборонявших город греков, которые капитулировали «на милость победителя». Это были части греческой пехоты, которая передвигалась на мулах. Именно эту «мобильную», но небоеспособную пехоту легкомысленные французы думали использовать для наступления вглубь Украины. Кровавая расправа над пленными греками была для Григорьева «компенсацией» за разгром греческой «ослиной кавалерией» одного из его конных отрядов.

Интересно, что свои потери во время шестидневного штурма Херсона Григорьев определил в количестве 19 убитых (!), в то время как потери врага убитыми и пленными составили 600 человек. Григорьев явно приуменьшил свои потери раз в 30–40! Глава Советской Украины Х.Раковский был несказанно обрадован взятием губернского Херсона и прислал Григорьеву поздравительную телеграмму. Еще бы! «Антанту» разбили отряды Григорьева, за которые можно было не отвечать «перед Европой»!

Вскоре под напором григорьевцев французское командование убрало свои войска из Николаева. Григорьеву достались огромные трофеи: 20 орудий, бронепоезд, много пулеметов. В боях под Одессой, у Березовки, к этим трофеям прибавилось 8 орудий, 100 пулеметов, 7 паровозов и 5 танков (!). Это были первые танки, захваченные «красными».

Заняв два крупных города Юга, Григорьев отправил телеграмму военному губернатору Причерноморья и градоначальнику Одессы (с согласия французов) генералу Гришину-Алмазову, требуя безоговорочно сдать Одессу, угрожая в противном случае снять с генерала кожу и натянуть ее на барабан. [101]

«Обкладываю Одессу и скоро возьму ее. Приглашаю всех товарищей партизан приезжать на торжество в Одессу!» — хвастливо заявлял атаман.

Тогда атаману удивительно везло. Ведь против его 10–12-тысячной бригады в районе Одессы находились 18 тысяч французских, 12 тысяч греческих, 4 тысячи белогвардейских и 1,5 тысячи польских солдат и офицеров. Силы оборонявшихся в три раза превосходили силы григорьевцев. Но случилось то, чего никто еще месяц назад не мог предвидеть...

В начале апреля 1918 года во Франции пало министерство

Клемансо, и первыми шагами его преемников — «левых радикалов» было возвращение во Францию своего десанта из Украины и прекращение интервенции. Франко -греческие войска получили приказ: в течение трех дней очистить Одессу. Но они поспешили и очистили ее за два дня, передав власть местному Совету. Это было внезапное, неожиданное бегство. Ведь еще несколько дней назад союзнические войска, удерживая фронт, бились с григорьевцами на подступах к Одессе за станции Березовка и Раздельная.

Небольшие отряды, которыми командовал генерал Гришин-Алмазов, пытались организовать оборону, но, поняв бесперспективность сопротивления, попросились на французские корабли, чтобы морским путем покинуть Одессу. Войска Григорьева, не встретив отпора, победоносно вошли в Одессу. О «грандиозной» своей «победе над Антантой» атаман телеграфировал всему миру.

Очевидцы вспоминают, что незадолго до этого Григорьев «в продолжение суток слушал полковой оркестр... пил вино из ведра и большей частью был пьян». Так проводил время перед «судьбоносным» штурмом Одессы «красный генерал».

Его бригаду, состоявшую из 6 полков, конного и артиллерийского дивизионов, развертывают в 6-ю дивизию 3-й украинской советской армии.

8 апреля Григорьев въехал в Одессу на белом коне. Части его были одеты в трофейное английское обмундирование, хорошо вооружены.

«Вся Пушкинская улица была заполнена народом. Григорьев ехал, стоя в автомобиле. Автомобиль еле двигался сквозь толпу, которая выкрикивала «Ура!» Каждому хотелось [102] протиснуться к автомобилю. Кто-то ухватил атаманскую руку и поцеловал ее. После этого Григорьев уже сам протягивал руку для поцелуя. Толкотня, выкрики, крики. Атаман довольно усмехался, он никак не ожидал такой встречи» — вспоминал очевидец «триумфа» Григорьева. Другой очевидец писал, что григорьевцы, «одетые не по сезону (уже было по-весеннему тепло), в папахах и свитках, на низкорослых конях, удивляли своей незначительной численностью и несоответствием тому внешнему блеску, которым ослепляла франко-греческая кампания».

Красный командарм Скачко докладывал в центр: «Одессу взяли исключительно войска Григорьева (кстати, после 1919 года об этом всегда умалчивали — *Авт.)*. В двухнедельных беспрерывных боях бойцы показали выносливость и выдающуюся революционную стойкость, а их командиры — храбреет и военный талант... Прошу товарища Григорьева, который лично

показал пример мужества в боях на передовых линиях, под ним было убито два коня и одежда прострелена в нескольких местах, и который добился победы над сильным врагом с незначительными потерями, наградить орденом Красного Знамени...»

Зазнавшийся Григорьев «трубил» на весь свет: « Я победил французов, победителей Германии, и один мой снаряд выбил председательское место из-под Клемансо!» Григорьев после взятия Одессы заболел «звездной болезнью». Он говорил о себе как о мировом стратеге, полководце, любил почести и лесть, появлялся «перед народом» в составе большой свиты. После «одесской победы» атамана редко можно было увидеть трезвым, причем, не желая пить один, Григорьев постоянно склонял к пьянству весь свой штаб. Кстати, григорьевцы обожали своего атамана не только за «волю и свободу», царившие в частях, а главное, за то, что атаман раздавал большую часть захваченных трофеев бойцам, и с его молчаливого согласия григорьевцы реквизировали, или попросту грабили, не только трофейное, но и личное имущество мирных граждан. Атаман раздавал также часть трофеев крестьянам северных районов Херсонщины, часто выступал в роли третейского судьи в крестьянских спорах. Тогда он стремился казаться справедливым и великодушным...

Не все было так безмятежно в отношениях большевиков с Григорьевым. Противоречия усилились после «одесской [103] победы». Атаману достался не только самый населенный и самый богатый на Украине город, крупнейший порт и промышленный центр, Одесса была еще и центром интервенции армий девяти стран, Огромное количество амуниции, мануфактуры, продовольствия, оружия, боеприпасов были доставлены из-за границы в Одессу для армий интервентов. В большинстве своем все это богатство не было своевременно эвакуировано. Склады и вагоны с этим «добром» остались в одесском порту.

Григорьевцы принялись вывозить эти трофеи эшелонами в родные села, а также вооружились трофейным и оделись в трофейное. Но на эти богатства были и другие претенденты — местная большевистская власть, которая утвердилась сразу же после захвата Григорьевым Одессы, а также всевозможные дельцы-махинаторы, уголовные банды. Григорьев угрозами и уступками пытался умерить аппетиты одесситов, которые стремились захватить часть «трофеев».

Поставленные Григорьевым начальники гарнизона явно не устраивали ни большевиков, ни теневой бизнес. Особое недовольство у большевиков вызывал комендант Одессы от войск Григорьева Юрий Тютюнник, вчерашний петлюровский офицер.

Тютюнник был человеком очень амбициозным, резким и к тому же украинским эсером, что раздражало большевиков.

Большевики были недовольны и приказом атамана о проведении широких реквизиций у одесских спекулянтов и ростовщиков. Немедленно к атаману прибыла делегация одесского ревкома, которая потребовала прекращения реквизиций и заявила, что хозяин в городе один — большевистский ревком.

Конфликт с большевиками Одессы обострился после вывоза огромных «трофеев» из одесского порта в села северной Херсонщины. Это были огромные запасы мануфактуры, сахара, спирта, вооружения. С молчаливого согласия Антонова-Овсеенко, Григорьев вывез из Одессы 38 эшелонов всякого добра. В херсонские села были отправлены: 20 тысяч комплектов антантовского обмундирования, 30 тысяч винтовок, 30 цистерн нефти и бензина...

На совещании Одесского губкома большевиков и Одесского округа коммунисты, военные командиры Кривошеев, [104] Щаденко, командующий 3-й армией Худяков решили потребовать переформирования григорьевской дивизии и ареста атамана. Однако запрос в Народный комиссариат по военным делам Советской Украины не принес никаких изменений... Григорьева оставляли на посту комдива и даже обещали в дальнейшем армию для похода в Европу!

После десятидневного пребывания в Одессе по требованию руководства большевиков и командования григорьевцы все же покинули город. Да они и сами стремились «отдохнуть» в родных селах и не оставаться больше в городе, где конфликт с местными властями в любой момент мог перерасти в кровавую бойню.

Большевистские лидеры засыпали центральные органы сообщениями о контрреволюционности Григорьева, сообщая что коммунистам не дают работать в районах, контролируемых атаманом, и «подпольно убивают», а сам комдив ведет переговоры с Махно для «совместного выступления против Советов».

Позже в разговоре с Махно Григорьев так рассказывал о пребывании своей армии в Одессе и о военной диктатуре, которую он установил на десять дней:

«... я как занял Одессу, откуда и ревком жидовский появился. Пришли в мой штаб... Стали требовать, чтобы подчинялись ему, чтобы хлопцы перестали жидов колошматить. А сами знаете, люди в походе изорвались, обносились, а в городе жидов-спекулянтов много... Я взял город, стало быть, мой он, а тут ревком из подполья вылез и стал мне на пути, говорит о

подчинении. Когда наступал, то со мною ни одного ревкомовца не было, а теперь, ишь, задумали хозяйничать... Арестовал: все жиды, а один дурак русский... ну и того к ногтю своею рукою. Председатель ревкома, коммунист Богун и комиссар порта Малицкий скрылись, а то бы и им то было!»

Это были очередные пьяные бредни атамана. Тогда он только угрожал одесскому ревкому, но еще боялся, не смел расстреливать коммунистов...

В марте 1919 года к власти в Венгрии пришло коммунистическо-социалистическое правительство, создавшее Венгерскую Советскую Республику. Это был долгожданный [105] для ленинцев «прорыв в Европу». Но пламя «мировой пролетарской революции» стремились загасить Антанта и соседние страны. Венгрия оказалась в полной блокаде, румынские и чехословацкие войска вторглись в ее пределы. Венгерская армия отбивалась от захватчиков, а Ленин размышлял о том, как помочь Советской Венгрии и «двинуться дальше на Берлин», где скопился «основной сознательный пролетариат».

В середине апреля 1919-го Красная Армия подошла к границам Румынии. Тогда и появился план: разгромив слабую Румынию, прийти на помощь венгерской армии, по пути освободив Бессарабию, Буковину и еще часть румынской территории в виде «коридора», который бы связал Украину с Венгрией.

Потеряв представление о реальности после «победы» Григорьева над Антантой, руководство большевиков решило направить отряды атамана на Запад, «на помощь братской Венгрии», «спасать революцию».

Командующий украинским фронтом уже 18 апреля 1919 года предложил Григорьеву начать поход в Европу. Он всячески льстил самолюбию атамана, называя его «красным маршалом», «освободителем Европы». Григорьева представляют к награждению орденом Красного Знамени.

Ход был беспроигрышный, войска атамана считались как бы «полубольшевистскими», и всегда можно было списать ошибки на украинских эсеров. Разгром «григорьевцев» в Европе также устраивал командование, так как они были небезопасны для Украины. Но украинские крестьяне и не думали проливать свою кровь на Дунае, и революция в Европе их не интересовала. Мужиков беспокоили реквизиции продовольствия и насилия, чинимые большевиками в их родных селах.

В то же время секретарь ЦК КП(б)У Ю. Пятаков в письме к Антонову-Овсеенко изложил идею ЦК: «Григорьева нужно немедленно ликвидировать» как «элемент очень ненадежный».

Однако командующий фронтом хотел сначала оторвать григорьевцев от их мятежных «родных пенатов» и ослабить позиции атамана его неминуемым поражением на «венгерском» или белогвардейском фронтах. В то же время командующий приказал чекистам особого отдела в случае мятежа в дивизии «ликвидировать» «красного маршала». [106]

Григорьев попросил у командования три недели на отдых для своей дивизии в родных краях, для переформирования частей перед дальним походом. В конце апреля 1919 года «григорьевцы» ушли в район Елизаветград — Ачексан-дрия, большая их часть была распущена по селам.

Появление «победоносных повстанцев» в селах, где хозяйничали продотрядовцы и чекисты, круто изменило обстановку на Херсонщине. Бойцы Григорьева открыто призывали к еврейским погромам, к резне коммунистов и изгнанию русских с Украины. В первых конфликтах, уже через пять — шесть дней после появления «григорьевцев» на Елизаветградщине, были убиты несколько коммунистов, чекистов и красноармейцев.

7 мая 1919 года Наркомвоенмор Украины обратился к 3-й украинской армии с приказом, призывающим ее перенести войну в пределы Румынии, «для освобождения угнетенной Бессарабии» и помощи Венгерской революции. Антонов-Овсеенко приказал перед наступлением, к 10 мая, сосредоточить силы Григорьева вдоль реки Днестр, на румынской границе.

8 те «горячечные» дни командующий фронтом посетил атамана в Александрии. Уже тогда крестьяне села Верблюжки выразили командующему фронтом протест против продотрядов, которые грабили крестьянские хозяйства. После этой встречи Антонов-Овсеенко, понимая губительность ограбления крестьянства, телеграфировал правительству Советской Украины о том, что продотряды провоцируют крестьян на восстания. Он предлагал «московские» продотряды немедленно отозвать с Украины. Однако у марионеточного правительства Советской Украины не было такой власти, чтобы без согласия Москвы свернуть «деятельность» продотрядов.

Уговаривая Григорьева выйти в «европейский поход», Антонов-Овсеенко предрекал ему «славу Суворова». «Вы можете великими делами остаться в истории... Не поддавайтесь предателям-нашептывателям», — телеграфировал командующий фронтом атаману. Командование предлагало Григорьеву выступить и на Донской фронт, против «белоказаков». Однако атаман настаивал на необходимости отдыха после семи месяцев боев. В конце концов Григорьев ответил Антонову-Овсеенко: «Решено! Я с вами — до конца! Иду на румынов». [107]

Вернувшись домой, в центр Украины, григорьевцы оказались по соседству с мощным восстанием, на этот раз против большевиков. В апреле 1919-го в Киевской губернии было зафиксировано 38 выступлений крестьян, в Черниговской — 19, в Полтавской — 17.

Крупное восстание под руководством атамана Зеленого началось в марте 1919 года на юге Киевской губернии. «Зеленый» — прозвище атамана, настоящая фамилия его — Терпило Дмитрий. Происходил он из крестьян Киевщины, был учителем начальной школы. Вступив в подпольную организацию украинской социал-демократической партии, Д. Терпило участвует в революционной агитации в деревнях, за что позднее ссылается на север России. В 1917–1918 годах биография Зеленого во многом сходна с биографией атамана Григорьева.

В период Центральной Рады Зеленый — активный пропагандист и организатор независимой украинской армии. Во время гетманского правления, летом 1918 года, он становится вождем восстания против интервентов и гетманцев в Трипольском и Каневском уездах Киевщины. В ноябре 1918 года, признав верховенство Директории УНР, он создает трехтысячную Днепровскую повстанческую дивизию, которая совместно с отрядами Петлюры и сечевых стрельцов в декабре 1918 года захватывает Киев.

Хороший оратор и организатор, атаман Зеленый фактически стал главой независимой «Приднепровской республики», включавшей несколько уездов Киевщины, председателем ревкома этих уездов.

В декабре 1918 года он распустил дивизию по домам, отказавшись подчиняться своему командующему Симону Петлюре, который требовал переброски соединения на польский фронт, на Волынь. Конфликт с Петлюрой привел к тому, что Зеленый прогнал администрацию Директории УНР из своего района. В ответ на это Петлюра издал приказ об аресте Зеленого. В январе 1919 года, понимая опасность своего положения, Зеленый собирает тысячу бывших повстанцев как свою личную гвардию для сопротивления Директории. В это время советские войска начали борьбу против Директории УНР и петлюровской армии. [108]

Зеленый предлагает свои услуги большевикам и договаривается с их командованием о вхождении его отрядов в Красную Армию на правах самостоятельной единицы и при сохранении должности атамана. Довольно быстро советское командование забыло о своих обещаниях и решило переформировать и «почистить» отряды Зеленого. К этому

времени политика «военного коммунизма» на селе озлобила крестьянство против новой власти.

Собрав три тысячи повстанцев, атаман Зеленый захватил местечки Триполье и Васильков, уничтожив там заезжих большевиков-агитаторов, продовольственные отряды. Объявив себя «незалежным большевиком», он требовал обуздать всевластие ЧК, партийных «назначенцев», отменить продразверстку, прекратить насильственное создание колхозов, организовать самостоятельную украинскую армию на основе его отрядов и добиться реальной независимости Советской Украины. Интересно, что Зеленый впервые выдвинул лозунг «Советы без коммунистов», то есть без диктата партии. Этот лозунг аукнулся громом Кронштадтского восстания матросов в марте Двадцать первого. Социальная направленность идеологии «зеленых» выражалась и во враждебном отношении к местному кулачеству, глытаям, она была близка сердцам григорьевцев.

В апреле 1919 года Зеленый, собрав около 6 тысяч повстанцев, планировал взять в осаду Киев. В мае его силы увеличиваются до 8 тысяч человек, при 6 орудиях и 35 пулеметах. Зеленый объявил свои отряды армией независимой Советской Украины и начал сотрудничать с отрядами атаманов Струка, Сатаны, Ангела. В начале мая 1919 года Зеленый уже контролировал район Триполье — Обухов — Ржищев — Переяслав.

В мае 1919 года против Зеленого были посланы крупные «красные» соединения (до 10 тысяч) человек и Днепровская военная флотилия. К 8 мая атаман был выбит из своего района, и его армия, сократившись до двух тысяч, распалась на мелкие отряды. Надеясь на поддержку и союз с «армией» Зеленого, Григорьев рассчитывал молниеносно захватить юг Киевщины. Но вовремя не полученная информация о разгроме основных сил Зеленого сыграла с Григорьевым злую шутку.

Несмотря на разгром Зеленого, возмущение крестьян внутренней политикой большевиков в мае 1919 года достигло. [109] апогея. В это время в Украину прибыло множество грабительских отрядов по сбору продразверстки. Продразверстка эта проводилась бесконтрольно и вылилась в реквизицию продовольствия «подчистую»: крестьянские семьи обрекались на голодную смерть.

Большевистский лидер Шлихтер писал в 1919-м: «...каждый пуд заготовленного зерна был облит кровью».

Уездные съезды Советов требовали отмены продразверстки и выдворения с Украины «ретивых назначенцев», но к их решениям власть не прислушивалась. Больше того, местные

коммунистические лидеры Украины объявили о проведении массовой коллективизации в сжатые сроки. Напомним, что в начале 1919 года правительство УССР заявило об уравнительном распределении земли, если удастся свалить Директорию УНР. Однако после победы над Директорией УНР практически вся помещичья земля передавалась не крестьянам, а создаваемым колхозам, совхозам, госхозам, государственным сахарным заводам. Крестьянин, который проливал кровь в борьбе за землю и волю, для которого собственная земля была главной мечтой, оказался обманут. 10 миллионов десятин земли поглотил молох «колхозного эксперимента».

У крестьян забирали не только землю, но и право на протест и слово, право избирать и быть избранным в Советы Вместо Советов в селах Украины насаждались классовые организации — ревкомы и комитеты бедноты во главе с коммунистами, которых народ не избирал. Они стали ширмой для диктатуры партии на селе. Тысячи крестьян были убиты в ходе «продовольственных компаний», когда они не желали отдавать свой хлеб. Тысячи крестьян погибли от рук бесконтрольно действовавших уездных и прифронтовых ЧКЭ «летучих» карательных отрядов Ч К и Ревтрибуналов. Даже Бюро украинской советской печати сообщало о «ненужной жестокости ЧК в селах» — о порках, расстрелах, грабежах.

Командующие Украинским фронтом и 2-й украинской советской армией, большевистская газета «Звезда», да и «сам» Лев Каменев, возмущались чекистскими «безобразиями» на Украине, однако центральное руководство прощало чекистам все. Следствием этого стал лозунг «Долой ЧК!», который был популярен у всех крестьян-повстанцев в 1919–1921 годах. [110]

Уже в начале апреля 1919-го в Переяславе против большевиков восстают: комбриг советской армии украинский эсер Богунский и командир полка Лопаткин. В Триполье был созван «областной ревком повстанцев». Этот ревком установил связь с атаманами Зеленым и Ангелом, обратился к Григорьеву, с призывом последовать их примеру. Вскоре от Григорьева пришел ответ: «Работайте. Я возьму Одессу, а потом пойду с Вами!»

Однако амбициозность Григорьева толкала атамана на самостоятельные действия, игнорировавшие интересы союзников. На предложение ревкома повстанцев-»незалэжныкив» присоединиться к этому ревкому, Григорьев ответил: « У меня 23 тысячи штыков, 52 пушки, 12 бронепоездов, миллион патронов. За мной Херсон, Николаев, Одесса. Скажите, что вы имеете, что стоит за вами? Ничего. А раз ничего, то я разрешаю вам прийти ко мне и получить от меня ту работу, которую я вам дам...»

В Центр постоянно приходили сообщения о том, что григорьевские части ненадежны и дезорганизованы, устраивают погромы и грабежи, о том, что сам атаман «подозрителен» и готовит заговор. 4 мая закончила свою работу в дивизии Григорьева Высшая военная инспекция. В отчете инспекции говорилось о необходимости быстрого увольнения Григорьева и его штабистов с командных должностей и предания их суду.

Но командующий фронтом еще надеялся… Реввоенсовет 3-й украинской советской армии решил направить Григория Котовского комиссаром к атаману. Однако тот понял, в какую круговерть его посылают, и отказался, сославшись на плохое здоровье.

Первого мая, в день «солидарности трудящихся», григорьевцы преподнесли подарок жителям советского Ели-заветграда, обстреляв город из пушек своего бронепоезда. Через день начался первый из «черного списка» еврейских погромов, устроенных григорьевцами в мае 1919-го, — погром на станции Знаменка. Было убито около 50 евреев, 120 домов разграблено. [111]

4–6 мая григорьевцы совершили погромы в Елизаветграде, Александрии, на станциях Долинская, причем во время погромов григорьевцы избивали, а иногда и убивали коммунистов, чекистов, комиссаров, милиционеров… Но власти еще надеялись, что это стихийные выступления, не имеющие никакого отношения к «красному» командиру дивизии Н. Григорьеву. Власти и командующий фронтом предпочитали закрывать глаза на все, происходящее в далекой провинции.

Только 7 мая первым «ударил в набат» командующий 3-й украинской советской армией М. Худяков: он приказал Григорьеву в 24 часа прекратить безобразия, чинимые солдатами его дивизии. В случае, если атаман не сможет утихомирить своих повстанцев, он обязывался прибыть в штаб армии в Одессу и сложить с себя полномочия комдива. Если приказ не будет выполнен, то уже через сутки Худяков пообещал начать борьбу с атаманом и объявить его мятежником.

Возможно, погромы начала мая действительно были стихийными, и атаман не готовил выступление заранее. Но 7 мая он понял, что не сможет совладать со стихией. Ему оставалось либо возглавить ее, либо лишиться за развал дивизии поста, а может быть, и жизни. Приказ Худякова не оставлял других шансов… Получив приказ-ультиматум, Григорьев прекращает маскироваться и вилять, он решает возглавить восстание.

В тот же день, когда Григорьев получил приказ-ультиматум, его пытались арестовать. Несколько чекистов Особого отдела фронта, ворвавшись в штабной вагон, объявили атамана

арестованным. Но через несколько минут сами чекисты были задержаны григорьевцами. В тот же день чекистов расстреляли, а всех коммунистов-политработников дивизии арестовали.

8 мая 1919 года Григорьев издает Универсал (манифест) «К народу Украины и бойцам Красной Украинской Армии», который становится призывом к всеобщему восстанию. В нем, в частности, говорилось:

«Народ украинский! Бери власть в свои руки. Пусть не будет диктатуры ни отдельного человека, ни партии. Пусть живет диктатура трудового народа, пусть живут мозолистые [112] руки крестьянина и рабочего. Долой политических спекулянтов! Долой насилие справа, долой насилие слева! Пусть живет власть народа Украины!

Перед вами новая борьба. Боритесь — поборете!

Я, атаман Григорьев, и мой штаб головы свои положил за права трудящегося люда. Последняя ставка. Для себя мы не ищем ничего. Дайте нам поддержку и этим спасете свое право. Вот мой приказ: в три дня мобилизуйте всех тех, кто способен владеть оружием и немедленно захватывайте все станции железных дорог, на каждой ставьте своих комиссаров.

Каждая волость, каждое село, формируйте отряды и идите в свой уездный город, от каждого уездного города из ваших отрядов по 400 человек лучших бойцов пошлите на Киев и по 200 — на Харьков, если есть оружие — с оружием, нет оружия — пошлите с вилами, но мой приказ прошу выполнить, и победа за нами! Все остальное я сделаю сам. Главный штаб при моем штабе. Только с вашей поддержкой мы добьемся прав для народа. Немедленно организуйте народную власть.

В каждом селе выберите крестьянский совет, в каждой волости — волостной совет, в каждой губернии — губернский совет. В совет имеют право быть избранными представители всех партий, которые стоят на советской платформе, и те, кто признают себя беспартийными, но поддерживают советскую власть. В состав Советов могут входить представители всех национальностей пропорционально их количеству на Украине, т.е. для украинцев в Совете — 80%, для евреев — 5% и для всех других национальностей — 15%! При таком распределении мест не будет засилья ни партий, ни наций. Глубоко верю, что то будет действительно народная власть.

Пусть живет свобода печати, совести, собраний, союзов, забастовок, труда и профессий, неприкасаемость личности, мысли, жилища, убеждений и религии!

Народ божий, любите друг друга, не проливайте братской крови! Забудьте партийную вражду, склонитесь перед властью

честного труда. Пусть погибнет всякое насилие и власть капитала!

Железнодорожники! Почта и телеграф! Вы устали. Поймите нас, победа наша — победа ваша. Народ украинский не ищет завоеваний за своими границами, но своим братьям [113] по труду, где бы они ни были, всегда поможет и ржавым ружьем, и последним куском хлеба.

Правительство авантюриста Раковского и его ставленников просим уйти и не насиловать волю народную. Всеукраинский съезд Советов даст нам правительство, которому мы подчинимся и свято исполним его волю.

Я иду вперед, потому что этого требует народная совесть. Резерв мой ты, народ украинский, от тебя зависит судьба твоя. Всякие убийства без суда народного, мародерство, бесчинства, вторжения в чужое хозяйство, незаконные реквизиции, агитация против отдельных национальностей будут прекращаться на месте силой оружия.

Порядок необходим. Долой самоуправство!»

Этот Универсал, подписанный «атаманом партизан Херсонщины и Таврии» Н. Григорьевым распространялся в частях 6-й стрелковой дивизии и среди населения Елизаветградщины.

Только в день провозглашения Универсала СНК Советской Украины решил, что Григорьев поднял восстание. Но Антонов-Овсеенко еще хотел верить, что все можно уладить миром. Он шлет главе СНК Советской Украины Х. Раковскому телеграмму: «Сделаю попытку закончить дело миром, заставив Григорьева идти на Бессарабию».

Словно подтверждая возможности уладить конфликт, Григорьев телеграфирует, что не имеет никакого отношения к Универсалу, и обещает 10 мая выступить на румынский фронт. Мятежный атаман назначает на 9 мая встречу партийному лидеру Льву Каменеву, чтобы прояснить ситуацию. Григорьев еще хитрит, взвешивает силы... Он чувствует, что время его уходит... В конце апреля 1919-го был издан декрет об отмене принципа выборности командного состава. Этот декрет был направлен и против Григорьева как выборного атамана

На следующий день после появления Универсала Григорьев повел восставших (16 тысяч солдат, имевших 52 пушки, 7 бронепоездов и около 500 пулеметов) в наступление. [114] В то время весь Украинский советский фронт насчитывал около 70 тысяч бойцов при 186 орудиях, 1050 пулеметах, 14 бронепоездах, 15 самолетах...

Из района Знаменка — Александрия двигались три колонны восставших. На Екатеринослав (Днепропетровск) устремилась

колонна начальника штаба восставших Тютюнника. На Киев двигалась колонна во главе с командиром бригады Павловым. В первые три дня наступления эта колонна захватила: Кременчуг, Чигирин, Золотоношу, причем местные советские гарнизоны присоединились к восставшим и не допустили эвакуации ценностей, оружия и амуниции.

Отдельные отряды устремились к Одессе и Полтаве.

На Черкассы восставших повел казачий атаман Уваров. После захвата города 2-й советский полк присоединился к григорьевцам.

Третья колонна восставших, главной силой которой был «лучший», Верблюжский полк под командованием Горбенко, овладела Елизаветградом еще 8 мая. В городе были разогнаны Совет и ЧК, обезоружены воинские части, расстреляно около тридцати коммунистов, арестован военный комиссар. Власть в уездном городе оказалась в руках «григорьевского» ревкома.

15 мая по Елизаветграду прокатился страшный еврейский погром. Более трех тысяч евреев (а по некоторым данным, более четырех тысяч) было уничтожено, озверевшие вчерашние красноармейцы убивали женщин, детей, стариков за поддержку «коммунии». Спрятавшихся в подвалах бандиты забрасывали гранатами. Погром коснулся и так называемых «пришельцев с Севера» — русских, несколько сот которых было зверски убито. Бандиты рыскали по городу в поисках жертв и ценностей. Из тюрьмы мятежники выпустили уголовников, которые особенно зверствовали во время погрома.

Весь этот ужас походил на резню в Умани в XVIII веке, во времена гайдаматчины. И на этот раз Умань не избежала страшной участи. 13–15 мая 1919-го года в погромах там погибло около 400 человек.

Волна погромов прокатилась и по другим городам. В Кременчуге погибло 150 евреев, в Новом Буте — 120 человек и в Черкассах — более 600 человек. Командиры григорьевцев в Черкассах призывали каждого повстанца убить [115] не менее 15 евреев. Очевидец пишет: «Нет улицы в Черкассах, где бы не было убито семьи. Погибали русские и евреи... без всякого разбора». В маленьких местечках Черкасского уезда григорьевцы уничтожили еще около тысячи евреев. В Александрии погром унес более 1000 жизней. Удивительно, но с течением времени советской пропаганде удалось адресовать майские 1919 года погромы петлюровцам, а организацию их самому Петлюре.

Особые надежды питал Григорьев на объединение с атаманами Зеленым, Волынцом, Ангелом, с батькой Махно.

Только 10 мая Григорьев заявил Антонову-Овсеенко, что

начинает восстание и будет уничтожать всех, кто пришел в Украину с целью эксплуатации. «Правительство авантюриста Раковского я считаю свергнутым, — чванливо вещал атаман. — Через два дня возьму Харьков, Екатеринослав, Херсон, Киев и Николаев». Тогда же Григорьев и его сообщники были объявлены вне закона.

10–14 мая григорьевцами были захвачены Умань, Помошная, Новомиргород, Тараща, Корсунь, Александрия, Балта, Ананьев, Кривой Рог, Кобеляки, Яготин, Пятихатки, Хрестиновка, Литин, Липовец, Гребинка. В Павлограде восстали солдаты 14-го полка Красной Армии, прогнав из города ЧК и местную власть. В Казятине перешел на сторону Григорьева Нежинский полк. В Лубнах восстал 1-й полк Червонного казачества, он разгромил ЧК, тюрьму и банк. Даже большевистская партийная организация городка Лубны поддержала Григорьева, за что была распущена по приказу Ворошилова.

В советских источниках того времени сообщалось, что наступление Григорьева на Екатеринослав (Днепропетровск) «застало местные власти врасплох». 11 мая, когда войска атамана подошли к городу, к ним присоединился советский гарнизон Верхнеднепровска. В штабе 2-й советской армии началась паника, и он покинул Екатеринослав, скрывшись на станции Синельникове. Попытки организовать оборону Екатеринослава успеха не имели. Началось общее бегство. 12 мая в городе восстал Черноморский полк матроса Орлова и конный отряд анархиста Максюты; оставшиеся верными большевикам части и советские учреждения быстро покинули город. [116]

Восставшие отдали Екатеринослав во власть Григорьева, разгромили тюрьму и ЧК, назначили своего коменданта города. В штаб восставших вошли Максюта и матрос Орлов. Они стали фактическими правителями Екатеринослава. В городе и его предместьях бандиты убили около 150 русских и 100 евреев.

Только 15 мая «красная» группа А. Пархоменко сумела отбить Екатеринослав. Каждый десятый пленный григорьевец или участник восстания был расстрелян, погиб и Максюта. Несколько тысяч восставших оказались в тюрьме. 16 мая, в преддверии новых расправ, пленные «григорьевцы» подняли бунт в тюрьме и, объединившись с уголовниками, разгромили тюрьму, захватили часть города, снова впустив отряды Григорьева в Екатеринослав, который на несколько дней оказался в руках мятежников.

Паника охватила большевиков, они стали готовиться к эвакуации Киева, Полтавы, Одессы. Велика была опасность перехода всех украинских советских армий на сторону Григорьева. Перепуганные партийные функционеры просили

центр разрешить «поделиться» властью с украинскими левыми социалистами. Большевистский лидер В. Затонский писал: «По существу любой наш полк (в мае 1919 г.) мог поднять против нас восстание, и подчас не всегда было понятно, почему та или иная часть борется на нашей стороне, а не против нас».

Среди тех, кто поддержал Григорьева, были команда бронепоезда «Черноморец», воинские части в Кременчуге и Черкассах, моряки и крестьянский полк Одессы, второй полк Таращанской дивизии. А вот известный анархист матрос Железняк (А. Железняков) вывел на фронт против Григорьева бронепоезд «имени тов. Худякова», которым командовал и в котором подобралась команда из анархистов, враждебно настроенных к большевикам.

15 мая началось восстание в Белой Церкви, 16 мая восстали матросы Очакова, и тогда же в Херсоне власть захватил переизбранный исполком Советов во главе с левыми эсерами (украинскими и русскими), которые присоединились к восстанию. На протяжении двух недель Херсон был «независимой советской республикой», которая боролась против большевиков. На сторону мятежников перешел тогда городской гарнизон — 2-й полк и полк им. Дорошенко. [117]

20 мая григорьевцы на один день занимают Винницу и Брацлав. Восстание распространяется на Подолье, где Григорьева поддержали атаманы Волынец, Орлик, Шепель.

В соседнем Николаеве восстали матросы и солдаты гарнизона (5 тысяч человек) во главе с левыми эсерами. Они разогнали ЧК, органы власти, большевистские комитеты и впустили в город григорьевцев. Возглавили восстание матросы Евграфов и Проскуренко (это восстание в 20-х годах называли Южным Кронштадтом).

В Александровске солдаты Красной Армии, посланные на борьбу с Григорьевым, заявили, что воевать с ним не будут, и разогнали ЧК, освободили повстанцев из тюрем. Так же поступил полк 1-й украинской советской армии, посланный против Григорьева. Его солдаты разгромили большевиков в Бердичеве и Казятине и угрожали «пойти на Киев».

В середине мая казалось, что успех сопутствует восставшим, что их поддерживает большинство крестьян центра Украины и часть красноармейцев, преимущественно украинского происхождения. Перед крестьянами Григорьев выступал как защитник православной веры и украинского народа. В своем очередном воззвании он, обманывая крестьян, утверждал, что коммунисты уже разбиты на всех фронтах, а ленинское правительство бежит за границу через Полтавщину!

Для разгрома «григорьевцев» были собраны все силы в Советской Украине, прошла мобилизация коммунистов, рабочих, советских служащих, комсомольцев и членов еврейских социалистических партий. Около 10 тысяч солдат было срочно направлено из России. 14 мая три группы войск (30 тысяч солдат), под командованием К. Ворошилова и А. Пархоменко, начали общее наступление из Киева, Полтавы и Одессы. Стремясь сохранить инициативу в своих руках, Григорьев прибегнул к опыту «молниеносной эшелонной войны». Посадив большую часть своих войск в эшелоны, он двинул их на Полтаву (не дошли 20 км), Киев (не дошли 80 км), на Екатеринослав.

Однако у «эшелонной войны» были и серьезные недостатки: вооруженная сила растворялась в огромном пространстве Украины, атаман эту силу распылил, не выбрав направление главного удара, а только наводнив повстанцами [118] огромный регион от Днестра и Подолья до Днепра, от Черного моря до окрестностей Киева.

И хотя к 15 тысячам григорьевцев присоединилось еще около 8 тысяч красноармейцев и крестьян, им не удалось надолго удержать инициативу в своих руках. Возможно, при умелой агитации украинские советские армии полностью перешли бы на сторону восставших. Но этого не случилось. Григорьев оказался бездарным фельдфебелем, не умевшим ни спланировать военную операцию, ни предвидеть последствия своих действий и к тому же постоянно находившимся в состоянии антисемитского ража. Через пять дней его наступление выдохлось.

18 мая Совет Обороны Советской Украины провозгласил террор против партий украинских левых эсеров и украинских социал-демократов «незалежныкив», которые вдохновляли восставших.

Повстанцы, подогретые антисемитской пропагандой, срывали свою ненависть к диктатуре коммунистов на евреях, которых считали большевиками и виновниками всех своих несчастий.

Григорьев стремился заручиться поддержкой батьки Махно, который пользовался весной 1919 года огромной популярностью в украинских советских армиях. Бригада Махно вошла в феврале 1919 года в ту же дивизию Дыбенко, что и отряды Григорьева. В мае 1919 года батька все еще воевал на стороне «красных» в составе 3-й украинской советской армии, но отношения между ним и большевиками находились на грани разрыва. Дошло до того, что «красные» покушались на его жизнь, и эта неудачная попытка была раскрыта махновской контрразведкой.

У Махно было множество причин выступить против «красных». Он был сельский вождь и защищал крестьян от

насилия «военного коммунизма». Но Запорожью, в котором «царствовал» Махно, угрожали белогвардейцы, и Махно все свои силы (около 25 тысяч бойцов) бросил против наступавших на Гуляй-Поле «белых».

Приблизительно 5–6 мая 1919 года Григорьев впервые попытался связаться с «батькой» и договориться о совместном наступлении. 11 мая в телеграмме Махно Григорьев сообщал и предлагал: «От комиссаров, «чрезвычаек» не было житья, коммунисты диктаторствовали, мои войска не выдержали и сами начали бить «чрезвычайки» и гнать комиссаров. [119] Все мои заявления Раковскому и Антонову кончались обыкновенно присылкой комиссаров. Когда их набралось 42 души, когда они меня измучили, я их просто выгнал вон. Они тогда меня объявили вне закона. Вот я, незаконный атаман, гоню их вон из пределов Украины. Пока на всех фронтах мой верх, ко мне присоединилось несколько полков и эскадронов неприятельской кавалерии. Не пора ли вам, батька Махно, сказать веское слово тем, которые вместо власти народа проводят диктатуру отдельной партии?»

Большевики потребовали от комбрига Махно немедленно объявить о своем неприятии григорьевского восстания и выпустить против Григорьева воззвание, угрожая, что «неполучение ответа считается объявлением войны» Красной Армии.

В своей телеграмме Махно, обозвав большевиков «политическими шарлатанами», заявил, что «распри Григорьева с большевиками из-за власти не могут нас заставить открыть фронт для кадетов и белогвардейцев». Махно не поддержал восстание и занял сначала выжидательную позицию.

В заявлении советскому правительству он сообщил, что у него нет точных данных о целях восставших, поэтому он воздерживается от выпуска воззвания против Григорьева «до получения ясных данных», заметив, что и он «энергичный противник партийной диктатуры и ЧК».

18 мая 1919 года махновская комиссия, которая посетила район восстания, сообщила комбригу, что григорьевцы громят и убивают евреев. После этого сообщения Махно издает воззвание «Кто такой Григорьев?», где называет атамана «разбойником», «контрреволюционером», «авантюристом», «провокатором-погромщиком». Нестор Махно был ярым противником антисемитизма и в своих частях расстреливал погромщиков.

Отказался объединяться с Григорьевым и атаман повстанцев Чигиринского уезда Коцюр.

Во второй половине мая григорьевских повстанцев неожиданно быстро удалось разгромить и локализовать в степных

районах Херсонщины. Многие части, поддержавшие Григорьева еще неделю назад, опомнились и возвратились под «красное» командование. Григорьев обещал своим бойцам, что серьезного сопротивления они не встретят, заявляя, [120] что вся страна уже захвачена повстанцами. Но, когда григорьевцы оказались под огнем пулеметов и пушек, боевой пыл их угас. Тысячи мятежников стали сдаваться при первом же приближении регулярных частей Красной Армии.

Силами трех «красных» войсковых групп удалось окружить район восстания.

19 мая 1919 года группа кременчугского направления под командованием П. Егорова выбила «григорьевцев» из Кременчуга, а Днепровская военная флотилия — из района Черкасс. С юга наступали части Дыбенко и Пархоменко. Соединившись с группой Егорова, они заняли Кривой Рог, станцию Долгонцово.

21 мая войска атамана были разбиты под Киевом.

22 мая стала «красной» Александрия — центр восставших.

23 мая была взята Знаменка, 26–31 мая части одесского направления (командир В. Голубенко) вытеснили Григорьева из Николаева, Очакова, Херсона. Херсонский полк восставших сдался, и его командир был расстрелян. Тогда же были расстреляны ближайшие единомышленники атамана Григорьева — Горбенко и Масенко. В боях второй половины мая григорьевцы несут огромные потери: около 3 тысяч убитыми и более 5 тысяч пленными. Это была почти половина «армии» атамана... Множество григорьевцев просто разбежалось по домам...

В конце мая основные силы атамана, разбитые под Камянкой, скрываются в далеких степных селах и переходят к тактике партизанской войны. Юрко Тютюнник с двумя тысячами восставших («Повстанческий кош») оторвался от главных сил Григорьева и, выйдя к местечку Шпола, увел свой отряд на соединение с силами Петлюры. 14 июля «кош» Тютюнника влился в армию УНР.

В июне 1919 года командование Красной Армии решило, что с григорьевщиной полностью покончено и непосредственная опасность потерять власть миновала. Войска «красных» были переброшены против Деникина и объявленного вне закона Махно. [121]

Большая часть войск Григорьева была разбита и разбежалась. Из 15–23 тысяч повстанцев у атамана осталось чуть более трех тысяч, еще около двух тысяч ушли к различным мелким местным атаманам, которые номинально считали Григорьева своим вождем. Но григорьевское повстанческое движение продолжало

жить, оно набирало силы, активно искало союзников.

Тогда-то Григорьев временно признает над собой идейное руководство повстанческого ревкома левых украинских социалистов (Ю. Мазуренко, Ю. Тютюнник). Сам атаман был признан этим ревкомом, воюющим против «диктатуры большевиков», командиром одной из дивизий повстанцев. В трех других дивизиях насчитывалось до 15 тысяч повстанцев. Эти дивизии совершали налеты на Фастов, Сквиру, Белую Церковь.

В Приднепровье собрались бывшие григорьевские атаманы Чайковский, Орлик, Сагайдачный, которые, пользуясь отступлением «красных» и полным хаосом в их тылу, захватывали и некоторое время удерживали города Борис-лав, Каховку, Никополь, станцию Долинская.

Главный отряд Григорьева совершал постоянные налеты на Александрию, перерезав основные железнодорожные пути с Юга Украины на Север. Григорьевцы захватили в это время огромное количество ценностей и военного имущества, нападая на эшелоны, которые шли из Крыма и Причерноморья. Есть сведения, что в июне 1919-го Григорьев временно скрывался от преследования «красных» в Чигиринских лесах и в Холодном Яру. Однако главный атаман Холодного Яра Васыль Чучупака Григорьева «около себя отказался иметь». Местный атаман Коцюр заявил Григорьеву, чтобы тот немедленно вывел свои отряды подальше из Чигиринского района и «не объедал тут население».

Новые красноармейские части (около 10 тысяч солдат), высланные против григорьевцев в июне 1919 года, «уклонялись от боев, пьянствовали и бесчинствовали... Григорьевскими настроениями заражены некоторые члены партии» (сообщал советский источник).

В это время крестьяне разрушают железные дороги, скручивая рельсы в клубок с помощью упряжек волов. Целые районы промышляли грабежом не только военных [122] эшелонов, но и пассажирских поездов. Это было началом войны деревни против города.

В июле 1919 года в район, контролируемый григорьевскими повстанцами, пришли отряды батьки Махно, которого большевики, объявив «врагом революции», стремились «обезвредить». От дивизии Махно осталось около четырех тысяч человек. Махно встретился с Григорьевым и предложил ему военный союз против «белых и красных». В то же время батька заявил, что он категорически не согласен с содержанием григорьевского Универсала в той его части, где содержатся призывы к еврейским погромам.

Все же батька и атаман решили объединить свои военные

силы в армию. Махно стал главой Повстанческого совета (диктатором), Григорьев — командующим войсками, брат Махно — Григорий был избран начальником объединенного штаба. Григорьев пытался уговорить Махно выгнать всех евреев из махновских частей и продолжать политику погромов. Но тот заметил, что за каждое антисемитское выступление Повстанческий совет будет строго наказывать, вплоть до расстрела. И Григорьев присмирел…

В то же время атаман стремился достичь соглашения и с наступающими «белыми», считая, что они ведут правильную политику, устраивая погромы и провозглашая созыв в будущем Учредительного собрания. Тайные переговоры Григорьева с представителями «белых» особенно тревожили Махно, так как он был решительным противником белогвардейцев.

16 июля Махно и Григорьев отправили письмо Петлюре от имени Революционного совета повстанцев Екатеринославщины, Херсонщины и Таврии. Это был ответ на обращение Петлюры, деятелей УПСР и УРСДРП к украинским повстанцам. В этом письме атаман и батька предлагали Петлюре такие условия союза и общие цели: 1) самостоятельность Украины; 2) осуществление принципов народоправия; 3) Всеукраинский съезд Советов — высшая власть; 4) передача всей власти на местах вольным Советам рабочих, крестьянских и казацких депутатов; 5) ликвидация Директории и создание Временного верховного Совета республики из социалистических элементов, что стоят на почве советской власти в независимой Украинской республике. [123]

Фактический это было предложение изменить форму государственного правления в УНР, на что Петлюра пойти не мог, и соглашение не было подписано.

Большинство махновских командиров было против союза с Григорьевым, они предлагали его расстрелять за погромы. Махно же заявил, что Григорьева «всегда можно расстрелять», но необходимо присоединить военную силу григорьевцев к своей армии.

Совместные действия Махно и Григорьева продолжались три недели. В течение этого времени их войска вели борьбу с «красными», которые планировали окружить и уничтожить повстанцев в районе Знаменка — Помошная — Александрия. Против «красных» борьба шла успешно, несколько их полков было разгромлено. От столкновения с «белыми» войска Григорьева уклонялись, что дало возможность тем захватить Елизаветград.

Однажды в ставку Махно, перепутав ее со штабом Григорьева, пробрались два офицера Добровольческой армии, которые

привезли Григорьеву взятку в полтора миллиона рублей и письмо, из которого стало ясно, что Григорьев уже несколько недель поддерживает связь с «белыми» и получает из ставки Деникина оперативные распоряжения. Из письма явствовало также, что Григорьев должен соединиться с «белой» конницей Шкуро и, захватив железнодорожные станции, перекрыть большевикам возможность отступления с Юга Украины.

Это письмо стоило офицерам жизни… А махновцы на своем заседании решили судить и расстрелять Григорьева за измену. Хотя сам Махно предложил расследовать случившееся и не торопиться с расстрелом атамана.

Некоторое время после этого происшествия махновцы и григорьевцы действовали совместно против «красных». Однако Махно раздражало нежелание Григорьева бороться против «белых» и враждебное отношение к еврейскому населению.

13 июля две тысячи григорьевцев под видом крестьян просочились в Елизаветград, а ночью внезапно захватили вокзал, тюрьму и военный комиссариат города. Из тюрьмы были освобождены все заключенные, но в городе григорьевцам удалось удержаться только несколько часов. За это короткое время было уничтожено 20 еврейских семей, что серьезно разозлило Махно. [124]

После этих событий командующий войсками, действовавшими против григорьевцев, Клим Ворошилов издает приказ: «Кто доставит живым или мертвым Григорьева, получит сто тысяч. За голову каждого его помощника, а также Зеленого, Ангела — 50 тысяч…»

26 июля махновцы на своем совете решили немедленно покончить с Григорьевым. Подходящий момент представился уже на следующий день. В селе Сентово григорьевцы ограбили крестьянский кооператив, заявив, что это сделали махновцы. На крестьянский сход в Сентово прибыли махновские командиры и Григорьев. Центр села заняли махновские части, на околицах расположились григорьевцы. Узенькие сельские улицы перекрыли махновские тачанки с пулеметами.

Махновский командир Чубенко выступил на сходе с разоблачением Григорьева — покровителя грабителей и погромщиков, «наймита деникинцев».

Атаман, негодуя, схватился за маузер и подбежал к Чубенко, но, когда увидел, что рядом оказалось еще два вооруженных махновца, засунул маузер за голенище сапога и направился в канцелярию сельсовета для объяснения с махновцами. В канцелярии оказалось, что сила не на стороне Григорьева: Махно и шесть его товарищей против атамана с его телохранителем.

Григорьев потребовал доказательств обвинения. Чубенко долго обвинял Григорьева во всевозможных грехах: в ограблении бедняков, в погромах, в расстреле двух махновцев, в отказе выступить против «белых» и в сговоре с «белыми».

Григорьев сначала все отрицал, но вскоре схватился за маузер... Однако Чубенко опередил его, выстрелив в упор в атамана. Есть свидетельства, что предатель из окружения Григорьева заменил боевые патроны в маузере Григорьева холостыми, и поэтому выстрелы Григорьева в Махно не достигли цели.

Начальник штаба махновцев Виктор Белаш так описывает последние минуты жизни Григорьева: «... Григорьев стал все отрицать. Тогда Чубенко заявил: «Так вы еще отрицаете, что вы союзник Деникина? А кто же послал делегацию [125] к Деникину и к кому приезжали те два офицера, которых Махно расстрелял?» Григорьев, наклонив над столом голову, схватился за маузер, но не успел его выхватить, как Чубенко из «библея» выстрелил в него в упор. Григорьев зарычал и бросился к выходу. Стоявший в стороне Махно крикнул вдогонку: «Бей атамана!» Чубенко, Каретников, Лепетченко, я и Чалый выбежали следом на улицу, стреляя в бегущего впереди Григорьева. Он споткнулся и упал, выхватывая свои маузеры. Подбежавший махновец Качан выстрелил в него в упор. Испуганная толпа бросилась врассыпную... Трудно определить, чья пуля его свалила там, на улице...» Бойцы Григорьева разбежались в панике под пулеметным огнем махновских тачанок. Одни ушли за речку Ингул, других загнали в ближайшие болота и взяли в плен.

Большинство григорьевцев было разоружено, штабные командиры и телохранители атамана убиты. Две трети григорьевских повстанцев перешло в состав повстанческой армии Махно. Тело атамана бросили за селом в ров, запретив предавать его земле, и оно стал добычей одичавших собак. Только через несколько дней, когда махновцы покинули село, жена атамана похоронила его останки на кладбище в Александрии.

По другим данным, на крестьянском сходе в Сентово атаман не был убит. Напротив, на сходе крестьяне поддержали Григорьева, и он, «будучи в хорошем настроении», пожертвовал им 20 тысяч рублей на ремонт местного клуба. А вот на следующий день состоялись сборы штаба и командиров повстанцев, на которые явился Григорьев со своими телохранителями. Когда на сборах зазвучали обвинения в адрес Григорьева, со двора послышались крики. Это во дворе дрались махновец и григорьевец. Махно выбежал во двор и рукояткой револьвера ударил григорьевца. Вернувшись в комнату, он бросил

в лицо Григорьеву: «Вас всех нужно пострелять!».

После этого инцидента Махно возобновил заседание вопросом: «Писал ли Григорьев в своих универсалах: «Бей жидов, спасай Россию?». Когда Григорьев стал возмущаться и говорить, что это недоказуемо, Махно выхватил револьвер и выстрелил в Григорьева. Раненный в плечо атаман выбежал во двор, упал на одно колено и начал отстреливаться. [126] Но в это время к нему подскакал махновский всадник и ударил шашкой по голове.

По третьей версии — во дворе, обступив атамана, Махно и его командиры Чубенко и Каретников разрядили в него свои револьверы. Первый историк махновщины П. Аршинов и командир махновцев А. Чубенко утверждают, что Григорьева убил Махно: его пуля оказалась последней и решающей.

Сообщая в телеграмме «Всем! Всем! Всем!» о том, что он убил контрреволюционера и погромщика Григорьева, Махно утверждал: расстрел атамана стал «необходимым и нужным фактом истории». Исторические последствия свершившегося Махно считал «своим революционным долгом взять на себя».

Однако никаких «исторических последствий» убийство атамана не имело. Уже через полгода о нем никто не вспоминал, кроме пострадавших от погромов, земляков и бывших его бойцов. Григорьевское восстание осталось малоизвестной страницей украинской истории. Кровавые еврейские погромы, предательство Украинской республики, своих союзников-махновцев и сговор с врагом черными пятнами проступили через флер времени. Протест крестьянства против грабительской большевистской политики был обоснован, но оно доверилось проходимцу... Поводырь масс оказался отъявленным амбициозным авантюристом, рвавшимся к власти. Авантюристом, готовым на любую подлость...

А вот сам факт григорьевского восстания поставил точку на некоторой автономии украинских советских частей. Памятуя о пережитом страхе в середине мая 1919-го, когда большевики могли потерять Украину, командование, и лично товарищ Троцкий, решают упразднить всякую военную автономию Советской Украины, дабы не возникали проблемы с непокорным народом.

В июне 1919-го были ликвидированы Украинский советский военный комиссариат (министерство) и Украинский фронт, за серьезные просчеты отстранены командующий фронтом В. Антонов-Овсеенко и член РВС фронта Е. Щаденко, командующие трех украинских советских армий — С. Мацилевский, А. Скачко, Н. Худяков.

Все три украинские советские армии были переформированы

в обычные номерные стрелковые дивизии, причем [127] большинство украинцев-командиров отстранили от дел или репрессировали. Тогда же был объявлен «вне закона» советский командир дивизии, представленный к ордену Красного Знамени Нестор Махно, и началась двухлетняя борьба против «махновщины». Махновский начальник штаба и семь командиров были расстреляны.

Без суда и следствия расстреляли комбрига советской Приднепровской бригады А. Богунского. При загадочных обстоятельствах погибли герои войны — комдив Н. Щорс, комбриги В. Боженко, Т. Черняк, командир бронепоезда А. Железняков. Армию унифицировали, а все, кто проявлял «сепаратизм», «самостоятельность», имел свое мнение и пользовался любовью бойцов и поддержкой населения, подлежали уничтожению.

Мишка Япончик — «король» одесских бандитов

Улица Запорожская, что в одесском пригороде Молдаванка, приобрела дурную славу еще в девятнадцатом веке. Тут находились дома свиданий, дешевые кабаки, воровские «малины». Каждую ночь улицу оглашали крики дерущихся, ругань, выстрелы. Это был воровской центр Одессы, и обитателям улицы трудно было не стать уголовными элементами, когда все вокруг дышало преступлением. Целые «династии» из поколения в поколение передавали свои воровские специальности и случалось, что дед, отец, сын, а так же мать и сестры — все занимались преступным бизнесом. Даже сейчас, через сто тридцать лет, нехорошая «слава» остается за одесской улицей — Запорожской.

Именно на этой улице 30 октября 1891 года у еврейского мещанина, фургонщика Меера-Вольфа Мордковича Винницкого и его жены Доры Зельмановны родился сын Мойше-Яков (во всех последующих документах Моисей Вольфович Винницкий). Когда мальчику шел шестой год, умер кормилец — отец семейства.

В бедной, многодетной семье было пятеро детей. Чтобы выжить, Моисей с десяти лет начал работать учеником в матрасной мастерской Фарбера. Одновременно он посещал еврейскую школу на улице Болгарской и успел закончить четыре класса. Когда ему исполняется шестнадцать лет, юноша переходит работать электриком на завод «Анатра».

В октябре 1905 года в Одессе вспыхнул кровавый еврейский погром, начавшийся на следующий день после издания царского манифеста, даровавшего свободу слова, собраний, [129] печати, совести. Во время погрома, длившегося несколько дней, полиция не вмешивалась в происходившее на окраинах. И тогда стихийно стали возникать вооруженные отряды еврейской самообороны и отряды революционных партий. Часть еврейской молодежи взяла в руки оружие, чтобы не допустить погромщиков в еврейские кварталы. В один из таких отрядов вступил Моисей Винницкий и с оружием в руках защищал Запорожскую от толп черносотенцев.

Завладев оружием, Моисей уже не расставался с ним. Он присоединился к отряду анархистов-террористов, что состоял из юношей 15–19 лет. «Молодая воля» (так назывался отряд) совершала налеты на магазины, склады, частные квартиры. Состав этой полубандитской организации был разношерстным — в нее входили гимназисты и беспризорные, дети «босяков» и

буржуазии. Всего, по полицейским сводкам, организация насчитывала до ста участников.

Стремление революционеров России разрушить старый строй, переделить богатства и землю, ликвидировать старый аппарат судопроизводства и полицейского сыска с момента зарождения революционного движения стали активно поддерживать «стихийные бунтари», маргинальные слои, уголовники и «босяки».

С особой силой эта тенденция проявилась во время первой российской революции 1905–1907 годов, когда «босяки» начали активно участвовать в «экспроприации экспроприаторов», в нападениях на полицейский участки и в уничтожении полицейских архивов, в терроре против представителей власти и закона.

Часть «босяков» с криминальной психологией подалась в политические организации. Кто пошел в «черную сотню» погромного «Союза русского народа», кто к «левым» — анархистам, максималистам, эсерам, большевикам. В те бурные годы подчас очень трудно было понять, где кончается криминал и начинается «борьба за освобождение трудящихся». Многие одесские анархистские группы — «Черный ворон», «Свободный сокол», «Анархисты-вымогатели» — являлись, фактически, организованными бандами с политическим прикрытием. Все «добытые» деньги тратились такими псевдоанархистами на рестораны и гулянки. [130]

В годы первой российской революции в Одессе действовало около тысячи анархистов и анархобандитов, что наводили на город страх. Это была огромная сила, с которой царская полиция сумела справиться только к середине 1908 года. Около 300 анархистов Одессы были арестованы и оказались в тюрьмах и на каторге, несколько сот «подались в бега» и добежали «аж до Америки», кто-то погиб в перестрелках, кто-то затаился, кого-то повесили за разбой и убийства. Последнее анархистское дело одесский суд разбирал в 1912 году.

Раскосые глаза, широкие скулы и смуглый цвет кожи делали Моисея Винницкого похожим на японца, и с детства к нему приклеилась кличка «Япончик».

Вместе с товарищами по «Молодой воле» Япончик занимался вымогательством, запугивая жертвы расправой тайной анархистской организации. Он начинал с «мандатов» — требований к «буржуям» «денег на революцию». Под угрожающим текстом обычно помещалась устрашающая печать с черепом и костями.

По разным данным, Япончик принимал участие в ряде

политических террористических актов. Есть сведения о том, что он был замечен среди нападавших на казармы казаков 70-го полка, что участвовали в усмирении забастовщиков Одессы. Очевидно, участвовал Япончик и в покушении на полицмейстера Михайловского (Молдаванка) из полицейского участка подполковника Кожухаря. Тогда Япончику дали ящик чистильщика обуви, в котором находилось взрывное устройство. Сев на углу Степовой и Дальницкой улиц, в районе где часто показывался полицмейстер, Япончик криками и жестами пытался пригласить полицмейстера почистить сапоги. Когда полицмейстер поддался уговорам мальчика-чистильщика и поставил ногу на ящик, Мишка включил взрывное устройство и успел отбежать. А вот полицмейстера разорвало в клочья.

Был ли это поздний миф или чистая правда, трудно сказать. Заслуживают полного доверия только следственные сведения о преступлениях, за которые Япончик оказался на каторге. В августе 1907 года вместе с анархистами [131] из «Молодой воли» он принял участие в налете на мучную лавку Ланцберга на Балтской дороге. Следующим его преступлением, зафиксированным судом, был налет в той же «компании» на квартиру Ландера в октябре 1907 года. В декабре того же года его случайно арестовали в доме терпимости на Болгарской улице. По приговору Одесского окружного суда от 2 апреля 1908 года Япончик был приговорен к 12 годам каторги в Сибири. Интересно, что на суде и следствии Япончик назвал себя именем своего младшего брата — Абрамом Винницким, который работал на месте Моисея в матрасной мастерской.

В то же время существует версия, согласно которой Япончик был приговорен к повешению за убийство полицмейстера, но его несовершеннолетие облегчило участь бандита, и он получил 12 лет тюрьмы.

На каторге Моисей Винницкий продолжал общаться с политическими и частенько защищал их от насилия со стороны уголовников. Тюремные «университеты» научили его бороться за себя и не прощать никому обид, сделали из юноши сильного и матерого бандита, который не прочь был использовать модную тогда «революционную фразу».

В начале марта 1917 года революция открыла двери тюрем перед «политическими», реабилитировав в том числе и анархистов. Возвращаясь с каторги, Япончик долго «гостил» в Москве, у тамошних анархистов и блатных «братишек», заехал в Петроград и, наконец, в июле 1917 года возвратился в Одессу.

Сентябрь Семнадцатого в Одессе знаменателен невиданным разгулом преступности. Городские газеты того времени

ежедневно фиксировали до пяти убийств и до тридцати вооруженных ограблений. После мятежа генерала Корнилова, заявлений Центральной Рады об автономии Украины, после победы большевиков во многих местных Советах власть ослабела и не могла защищать обывателя. Безвластие вместо «троевластия» и хаос делали «работу» воров и вымогателей безопасной и удобной.

В сентябре Одессу сотрясали постоянные перестрелки между отрядами деморализованных солдат, одесской милицией, гайдамаками (сторонниками Центральной Рады), бандами налетчиков. Мнимые милиционеры, матросы и бежавшие с фронта солдаты-дезертиры врывались в квартиры одесситов и совершали реквизиции. Дезертиры избивали [132] и грабили прохожих, устраивали дебоши со стрельбой в трактирах, публичных домах и в кинотеатрах, в Народной аудитории. Воровской авторитет «Цыган», разъезжая по городу на автомобиле, «бессистемно» стрелял в прохожих... Толпы босяков осаждали милицейские участки с требованием освободить задержанных бандитов. Гайдамаки присоединились к осаде участков, узнав, что в одесской милиции избивают гайдамаков.

В октябре 1917 улицы Одессы стали ареной постоянных сражений между гайдамаками и милицией. Гайдамаки захватили Александровский участок и контролировали часть города, вывоз из Одессы товаров. В это время в Одессе появилась вождь левых эсеров Мария Спиридонова, которая «подлила масла в огонь» своими призывами к террору и революции.

Пользуясь паникой, банда Япончика ограбила почтовое отделение на Ближних Мельницах, несколько магазинов и складов в центре города. Сенсацией стало вооруженное нападение бандитов на Румынский игорный клуб. Под видом революционных солдат и матросов «люди» Япончика ворвались в клуб и, угрожая оружием, забрали с кона 100 тысяч рублей и еще 200 тысяч — из карманов посетителей. Более ста человек, присутствовавших в клубе, было ограблено. С женщин срывали бриллиантовые украшения и прятали их в голенища сапог. Один из посетителей клуба просто умер от страха, когда перед ним предстало пятнадцать вооруженных бандитов, которые открыли стрельбу, ранив нескольких посетителей.

Для борьбы с бандитизмом был создан Думский комитет общественной безопасности, но он не мог утихомирить разыгравшуюся стихию...

Свои действия по «изъятию ценностей у буржуазии» Япончик приукрашивал рассуждениями об эксплуатации еврейского пролетариата. В то же время есть свидетельства о том, что

Моисей Винницкий стал вкладывать «грязные» деньги в дело. Он активно преумножает свой капитал, контролируя торговлю ворованными вещами и одесскую «толкучку», наркобизнес и торговлю «живым товаром».

Япончик даже имел свой ресторан «Монте-Карло» на воспетой в песнях улице Мясоедовской № 6 и кинотеатр «Корсо» по улице Торговой. Он был держателем одесского [133] воровского «общака», который только в 1917 году стал создаваться ворами Одессы.

Для успешной легализации Япончик использовал свое «революционное прошлое» и опыт. Он организует вооруженную Еврейскую революционную дружину самообороны, «на случай погромов». Это полубандитское формирование уже не грабило, а реквизировало ценности «для нужд революции». Отряд тогда насчитывал 100–120 человек, вооруженных винтовками и револьверами, при двух пулеметах.

25 октября 1917 года, когда в Питере вершилась революция, одесские газеты сообщали о том, что в этот день в Одессе было совершено пять вооруженных налетов, 26 ограблений, в том числе на центральной улице в шесть вечера «грабители раздели даму». 26 октября сообщалось о взятии власти в городе Революционным бюро из большевиков, меньшевиков, эсеров. Но уже на следующий день украинский комиссар Одессы заявил о переходе города под власть Центральной Рады УНР. Одесский комитет большевиков временно поддержал Раду.

Но это не укрепило порядка. Новая администрация не имела ни опыта, ни специалистов, однако у нее было множество критиков и недругов. В Одессе тогда проживало всего 20–25 % украинцев, из которых более половины говорило на русском языке, и подавляющее число населения выступало против «украинизации» Одессы. Уже 4 ноября Одесский Совет, большевики, левые эсеры, анархисты, бундовцы высказались против власти Центральной Рады.

С конца октября в Одессе начали громить винные и спиртовые склады. Погромы эти, то разгораясь, то затухая, продолжались в течение четырех месяцев. Чтобы остановить толпы пьяных, идущих из предместьев громить город, командование применило даже броневики. Были перекрыты улицы, ведущие к окраинам Одессы, и образован «фронт» против громил. С этой целью власти вызвали пулеметную команду, пожарных, школу прапорщиков. Между тем толпой манипулировали «люди» Япончика, призывая [134] «арестовать власть и грабить город». Толпа была остановлена только пулеметным огнем, на земле осталось 12 раненых и двое убитых.

Во время «винного бунта» Япончику удается устранить своего конкурента в преступном мире «Акулу» — Н Дрогаева и стравить банды соседних районов — Пересыпа и Слободки. Слободка превратилась в «бандитский фронт», где «сражались» за влияние несколько банд (только в ночь на 4 ноября там было обнаружено 11 трупов). В конце ноября 1917 года район Молдаванки, где хозяйничал Япончик, объявил о создании независимой «Молдаванской республики».

В середине ноября Япончик инспирировал бунт в Одесской тюрьме. Заключенные, вырвавшись из бани, напали на стражников и, обезоружив их, открыли камеры и ворота тюрьмы. Во время бунта было убито шесть человек, бежало 50 опасных рецидивистов, которые влились в банду Япончика.

В это время Япончик призвал бандитов Одессы не грабить рабочих, а «перенести свою деятельность в центральные, буржуазные кварталы». Один грабитель даже был убит «людьми» Япончика за ограбление рабочих, и к его одежде было приколото воззвание, написанное Япончиком, в котором говорилось о терроре против грабителей трудящихся. Грабить, приказывал Япончик, теперь можно только буржуазию и офицеров.

Против власти Центральной Рады «единым фронтом» выступили русские патриоты, интернационалисты-большевики, эсеры, анархисты, меньшевики, лидеры «бандитского мира» и профсоюзов. В городе насчитывалось только 3–4 тысячи гайдамаков, верных Центральной Раде, а силы «антиукраинской оппозиции» составляли около 7 тысяч красногвардейцев, дружинников, солдат и матросов Черноморского флота. Власть не смогла урезонить «дружинников-налетчиков», что, кстати, грабили, в основном еврейских лавочников и аферистов.

Япончик в Семнадцатом не прерывает своих старых контактов с анархистами. Тогда, как грибы после дождя, возникают новые анархистские группы. Была в Одессе даже группа «анархистов-обдиралистов», то есть обдирающих буржуазию. Именно эта группа устроила на Дерибасовской мощный взрыв, требуя прекратить самосуды народа и милиции [135] над пойманными ворами и грабителями, которые учинялись прямо на месте преступления. В противном случае они угрожали «начать террор над местным населением за издевательства над ворами». «Обдиралисты» заявили, что их 500 вооруженных «бойцов» при двух пулеметах.

Анархисты и бандиты захватили в центре города, на улице Дворянской, публичный дом Айзенберга. Они выдали проституткам по 500 рублей из реквизированных денег, и 50 анархистов перебрались жить в публичный дом, устроив там свой

штаб, причем «бездомным» проституткам было предложено разделить «место под крышей» с анархистами.

1 декабря на улицах Одессы разгорелся бой между анархистами и гайдамаками. Двадцать анархистов на Греческой площади напали на гайдамацкий патруль после чего гайдамаки попытались штурмовать один из штабов анархистов, а анархисты в отместку бросили бомбу в районный комиссариат.

Декабрь 1917 года в Одессе был памятен продолжением винных погромов и перестрелками гайдамаков с красногвардейцами, что унесли 23 жизни. Для бандитского мира и Япончика это месяц удачных экспроприации: бриллиантов на 500 тысяч у купца Карского, много ценностей при нападении на дачу Сухомлинова, 40 тысяч рублей при налете на кассу мылораренного завода, в магазине Тоскано было похищено товара на 200 тысяч. Тогда же были ограблены военный склад на Дальницкой, предприниматель Кухта и кожевенный завод Шаца (эти ограбления принесли 60 тысяч рублей). Однако не все было так гладко...

Украинский комиссар Одессы создал летучие отряды по борьбе с бандитизмом, которые располагали автомобилями, мотоциклами и лошадьми. В конце года были проведены грандиозные облавы в бандитских районах: на Молдаванке, Пересыпи, Косарке, Сахалинчике. Но несколько сот арестованных бандитов было вскоре освобождено...

В новогодние дни банда Япончика реквизировала деньги у князя Абамелика и товары в магазине Гольдштейна. К сахарозаводчику Гепнеру бандиты пришли на пышный новогодний банкет со 130 приглашенными. Япончик тогда [136] заявил: «Мы очень извиняемся, мы люди бедные, а вы богатые, едите и пьете, а на Молдаванке есть нечего. Так что вы должны уплатить 50 тысяч, чтобы молдаванские тоже праздновали Новый год, постарайтесь вести себя примерно, и мы не принесем вам зла». Когда хозяин вынес только две тысячи, грабители, с тарелкой в руках, начали обходить гостей, забирая у них бумажники, драгоценности. Грабители постоянно шутили и решили вернуть своим жертвам по 10 рублей «на извозчика», а врачу были оставлены все «трудовые деньги».

5 января 1918 года Одесса осталась без света, так как забастовали рабочие электростанции. В эти дни банда Япончика, пользуясь ситуацией, «погуляла» по буржуазным кварталам.

Уже через 10 дней в Одессе начались уличные бои, названные позже «одесским Октябрем». Около 130 человек, с обеих сторон, погибли, а более 300 были ранены. Каждая из сторон защищала «светлое будущее народа». Дружина Япончика приняла участие в

уличных боях за Молдаванку, вокзал, Штаб округа вместе с подобными формированиями большевиков, анархистов, левых эсеров. «Люди» Япончика напали на Бульварный участок и освободили тридцать уголовников.

Пока шли бои, продолжалась и послевоенная неразбериха; оказавшиеся на свободе арестанты десять дней держали в страхе город. Закончилась «одесская революция» нападением уголовников на Регистрационное бюро милиции. Во дворе милиции было сожжено 16 тысяч карточек на уголовников Одессы. Погибли и все сведенья о Мишке Япончике и его дружках, собранные за много лет их «карьеры». Сейчас сведения о жизни Япончика до 1918 года пришлось собирать по крупицам, используя подшивки дореволюционных газет, воспоминания, обрывочные документы гражданского архива.

После победы над «украинцами» в Одессе была провозглашена Одесская советская республика со своим правительством — Совнаркомом. Еврейская боевая дружина Япончика вошла в состав Одесской советской армии как резерв правительства и командования и была переведена на государственное содержание. М. Винницкий после «одесского Октября» стал известным и «славным» революционером. [137] Он был «вхож» к руководству «красной» Одессы — к Муравьеву, Юдовскому, Мизикевичу.

Тогда, в начале 1918 года, состоялась грандиозная свадьба Япончика и Цили — простой работницы фабрики Жакко. Добавим, что, пережив своего мужа, она в 1923 году уехала за границу и поселилась во Франции, дожив до глубокой старости. Сотни людей отплясывали «семь сорок» в зале танцклассов Двойреса, где состоялась свадьба. Вскоре у молодоженов родился ребенок — дочка Ада.

В дни Одесской республики Япончик продолжал реквизиции «для нужд армии и революции». Так, были реквизированы товары в магазине Блажевского. Через анархиста Рыта Япончик пытался контролировать одесский «Союз безработных». Тогда был выдвинут оригинальный лозунг «Все дома — безработным! Вся власть — безработным!» Среди 25 тысяч членов союза безработных добрую половину составляли босяки и уголовные элементы, которые и не стремились честно трудиться.

В газете «Одесская почта» за 2 февраля 1918 года было напечатано воззвание «группы воров Одессы». Воры-профессионалы обязывались грабить только богатых и требовали к себе «уважения». Они писали: «Мы, группа профессиональных воров, также проливали кровь в печальные январские дни, идя рука об руку с товарищами матросами и рабочими против

гайдамаков. Мы тоже имеем право носить звание граждан Российской республики !»

В феврале комиссар Дома Советов Одессы, что расположился в бывшем Воронцовском дворце, матрос Чередниченко убил вора на «месте работы», у здания Советов. Возмущенные бандиты и безработные взяли в осаду здание Одесского Совета и потребовали суда над убийцей. Только военные части смогли успокоить толпу, которая выступала и против принятого решения об объявлении всех бандитов вне закона и расстреле их на месте преступления.

В феврале в Одессу прибывает «красный диктатор» Муравьев. Он пытается ликвидировать местную преступность, однако очень скоро находит общий язык с Япончиком и атаманом Яшкой Зайдлером — командиром 1-го отряда анархистов-террористов. Однако удержать Одессу компании авантюристов, прикрывавшейся революционной фразой, не удалось. [138]

13 марта 1918 года в Одессу вошли германские и австро-венгерские части под командованием генерала Коша. А в ночь с 12 -го на 13-е марта банда Япончика совершила нападение на банк, гостиницу «Версаль» и военные склады. Одесская советская армия, лидеры большевиков и советской власти бежали из города, даже не попытавшись оказать сопротивление оккупантам. Эвакуируя Одессу, революционеры оставили в городе многочисленное и разношерстное подполье, которое ориентировалось на большевиков, левых эсеров и анархистов.

Понимая, что большое влияние в Одессе имеет «бандитско-босяцкий элемент», большевики и анархисты делали все возможное, чтобы провести в «короли воров» Одессы своего человека — «революционера» Мишку Япончика. Этой цели добивались и вооруженные дружины террористов Котовского, Зайдлера, дружина «Моревинт». А сам Япончик умело использовал «левую фразу» и игру в политику, чтобы заручиться сильной финансовой и организационной поддержкой.

По-видимому, уже к октябрю 1918 года Япончик сосредоточил в своих руках огромную власть над предместьями Одессы, прежде всего Молдаванкой, и уголовниками, которых в полумиллионном городе насчитывалось до двадцати тысяч. Контроль над ворами, «патронаж» над спекулянтами, проститутками, шулерами, валютчиками приносил не только большую «славу», но и громадные деньги. Япончик впервые объединил уголовный мир Одессы, став его «королем». Полиция была запутана и куплена, она просто махнула рукой на непрезентабельные окраины Одессы, с которых Япончик получал основную дань.

Ходили слухи, что в январе 1919 года Япончика арестовали, когда он выходил из кафе «Фанкони», в самом центре города, и препроводили в контрразведку. Однако через некоторое время к зданию контрразведки подкатило несколько десятков фаэтонов и пролеток. В них приехали бандиты, выручать своего атамана. У бандитов оказались гранаты, обрезы, пистолеты, и настроены они были решительно. Опрокинув фаэтоны и телеги, они перекрыли улицу и создали баррикаду прямо под окнами контрразведки. Бандитский ультиматум контрразведчикам был таков: «Через [139] пятнадцать минут освободить Япончика, в противном случае контрразведку забросаем гранатами и возьмем штурмом». Атамана бандитов пришлось отпустить.

Старожил-одессит Яков Кишиневский вспоминал: «Как-то в конце лета 1918 года, проходя мимо промтоварного рынка, прохожие увидели несколько подвод, запряженных хорошими лошадьми. На одной легкой тачанке стоял станковый пулемет со вставленной лентой с патронами. Человек 20 были одеты в кожаные тужурки, галифе, сапоги — это было очень модно тогда. У каждого был пистолет и граната. Это был один из частых случаев, когда Япончик, который руководил своими людьми, брал контрибуцию с буржуазии города. Они подъехали к большим деревянным магазинам… остановились, зашли вглубь помещений. Беспрепятственно нагрузили 3–4 подводы одежды, белья, костюмов, пальто, обуви, различных товаров и спокойно уехали».

Одесские торговцы и спекулянты, содержатели публичных домов и ресторанов безропотно платили Япончику щедрую дань, откупаясь от его налетов и надеясь на его покровительство.

Некоторые суммы Япончик отдавал на «благотворительность». В частности 10 тысяч рублей, которые бандит взял у хозяина ювелирного магазина как выкуп за дочь, он выделил на помощь безработным портовым грузчикам Одессы. Вообще, случаи раздачи от имени «короля Миши» всевозможных «подарков» (денег, продуктов, одежды) бедному люду были известны всем жителям Молдаванки и других окраин. Япончик помогал бездомным, молодоженам, сиротам, семьям погибших во время бандитских налетов.

Одесский чекист Николай Мер вспоминал, что однажды прибегал к услугам Япончика. Как-то вечером люди налетчика Васьки Косого ограбили разведчика областного подпольного комитета большевиков, отобрав у него личное оружие. По этому поводу руководитель разведки областного подполья Б. Юзефович встречался с Мишкой Япончиком. Через неделю Косой принес все вещи и оружие его владельцу, с извинениями. Таково было влияние Япончика на блатной мир.

Странная обстановка сложилась в Одессе. Губернский староста, генерал Мустафин, представлял власть гетмана [140] Украинской державы Скоропадского, но реальная власть была в руках немецких и австрийских генералов.

В «гетманский» период «люди» Япончика не сидели сложа руки. Уже через месяц после установления власти гетмана в Одессе была ограблена банковская контора Зонштата на полмиллиона рублей. Бандиты разобрали крышу здания и вскрыли сейф, дверь которого весила 200 пудов. Вскоре был ограблен банкир Хаиса на 200 тысяч рублей.

В октябре 1918 года несколько облав на Молдаванке с участием австрийских войск привели к ликвидации сильных банд Цыгана, Штоса и Ленского, после чего Япончик остался главным авторитетом района. В октябре он совершает ограбление складов Земского Союза, мануфактурных товаров Левина, кожевенного завода. Налет на особняк помещика Консе, родственника «черносотенца» Пуришкевича, принес бандитам 800 тысяч рублей.

В ноябре 1918 года вся Украина восстала против «своего» гетмана. Германия и Австро-Венгрия, недавние союзники гетмана, капитулировали перед странами Антанты и спешно выводили свои войска из Украины. 5 декабря войска восставших украинских крестьян во главе с комиссаром Херсонщины Иваном Луценко подошли к Одессе. Там началась паника, так как никто не хотел оборонять город, а в его центре постоянно вспыхивали перестрелки между польскими легионерами и немецкими солдатами.

Почувствовав ослабление власти, Мишка Япончик со своим «партизанским отрядом» переходит к активным действиям. Была брошена бомба в Русский театр во время спектакля для офицеров, совершены налеты на ряд гостиниц. Особенно охотно грабили бандиты немецкое военное имущество.

11 декабря в город вступили украинские республиканские части. В то же время в порту высадились силы стран Антанты, преимущественно Франции. Они заняли несколько улиц вокруг порта и Николаевского бульвара.

Мишка Япончик решил воспользоваться ситуацией для освобождения из тюрьмы своих товарищей-уголовников. Во время митинга сторонников социалистических партий в Одесском цирке был выдвинут лозунг освобождения политических из тюрьмы. С пением «Марсельезы», под красным флагом толпа трудящихся и примазавшихся к ним [141] бандитов штурмовала Бульварный полицейский участок и выпустила 56 уголовных и политических заключенных.

Вместе с дружинниками большевиков и анархистов Япончик решил штурмовать тюремный замок. Под видом веселой, шумной компании «люди» Япончика прошли немецкие заставы у Чумной горы и вышли к огромной городской тюрьме. У ворот тюрьмы уже бушевала трехтысячная толпа пролетариев, босяков и воров. Сняв часовых, они взорвали ворота и отняли у надзирателя ключи от камер. Всего было освобождено около 700 заключенных, в большинстве своем уголовников. В то же время освободить политических заключенных уголовники забыли. Охрана тюрьмы из 60 человек была растерзана, а начальник тюрьмы заживо сожжен. Была уничтожена канцелярия тюрьмы и все дела преступников.

Новая украинская власть, узнав о разгроме тюрьмы, срочно бросила на поимку преступников полк солдат и два броневика. У стен тюрьмы завязался бой, однако большинство бандитов успело скрыться. В это время по соседней с тюрьмой улице как раз проходил трамвай с пассажирами. Беглецы из тюрьмы остановили трамвай и раздели всех пассажиров, оставив им, взамен одежды, арестантские робы. Некоторые воры обрядились в женские одежды, другие пытались напялить детское пальто. Еще долго по наиболее темным и глухим улицам Одессы слонялись бежавшие в надежде «раздобыть пальто»...

Среди бежавших были изуверы: Мария Токарчук — женщина, которая убивала свои жертвы и расчленяла трупы, Имерцаки — серийный убийца и другие...

16 декабря Япончик обратился с новым воззванием к представителям преступного мира. На этот раз он призывал не грабить рабочие кварталы. В тот день в Одессе завязались бои между войсками УНР и белогвардейцами, которых поддержали французы. 18 декабря, в разгар боев, бандиты ограбили казначейство на сумму в миллион рублей.

20 декабря 1918 года Одесса полностью перешла под власть белогвардейцев и «союзников Антанты», в первую очередь французского командования. С той поры до конца [142] марта 1919 года Одесса была островком видимого благополучия и обеспеченности среди бурлящей магмы гражданской войны. В городе открывались шикарные магазины и рестораны, игорные и публичные дома, снимались фильмы и работали десятки театров и кабаре. Богатые люди со всей «вчерашней» империи проматывали тут деньги. И бандитам работы хватало. Они так обнаглели, что совершали налеты средь бела дня на Дерибасовской.

Левоэсеровский подпольщик Алексеев-Небутев так описывает положение Одессы начала Девятнадцатого: «Несмотря на такое

количество властей, а может быть и благодаря ему, город находился во власти анархии. С пяти часов вечера обыватели прятались по квартирам. Если же находились смельчаки, которые рисковали после этого времени выходить на улицу, то их раздевали у дверей квартиры. Никогда так не торжествовала одесская «малина», как в эти месяцы. Грабила «малина», грабили чины государственной охраны, грабили восемнадцать контрразведок».

Тех, кто ослушался Япончика и не заплатил дань, ждала смерть. Так был убит купец Масман, не выплативший по «мандату» 10 тысяч рублей, купец Литейман, отказавшийся платить 50 тысяч, купец Энгель, «задолжавший» бандитам 25 тысяч... Все торговцы не только предместий, но и района Старого базара, Привоза, Малой Арнаутской были обложены данью от 10 до 50 тысяч рублей, в зависимости от величины их предприятия.

В январе-феврале 1919 года Япончик совершил налет на Гражданское общественное собрание Одессы во время крещенского торжественного обеда и собрал сумму в 100 тысяч рублей, налет на квартиру княгини Любомирской принес бриллианты на сумму 60 тысяч рублей. Наибольший «улов» дало ограбление испанского консула в Одессе, что жил в гостинице «Лондонская» — 250 тысяч рублей.

Япончик «правил» Одессой через местных бандитских атаманов, которые имели свои районные штабы-»малины» в предместьях. Так, на Слободке руководил ворами атаман Муха, на Пересыпи — атаман Сало, на Фонтане — Косовекий («Коса»), на Балке — братья Шаповаловы. «Армия Япончика» в большинстве своем состояла из юнцов 18–23 лет, старые «авторитеты» пытались «работать» самостоятельно. Одесский градоначальник Марков сообщал газете [143] «Одесские новости»: «... большинство устрашающих вымогателей — это юнцы 19–20 лет, иногда невооруженные...»

Известный куплетист Владимир Коралли вспоминал:

«Знаменитый «король» одесских налетчиков Мишка Япончик был одной из ярчайших личностей старой Одессы. Это был колоритный тип романтического разбойника и афериста...

О Мишке Япончике рассказывали разного рода романтические истории. Говорили, что он не грабит врачей и артистов, любит ходить в театр, кино и на дивертисменты. А его «мальчики» работают очень картинно: на вечерах и маскарадах появляются в смокингах, ничем по облику не отличаясь от господ, и вежливо просят дам и кавалеров расстаться с драгоценностями. Никакой грубости, хамства, а тем более насилия не допускают, только поигрывают своими никелированными браунингами. Для

маскировки налетчики иногда облачались и в студенческую форму...

Я жадно рассматривал Мишку Япончика. Ему было лет тридцать. Брюнет, широкие смуглые скулы. Обращали на себя внимание неспокойные раскосые глаза. Они мгновенно и как-то незаметно перебегали с предмета на предмет, казалось, что он смотрит на всех и на все сразу. Он часто оглядывался.

А одет был богато и несколько мрачновато. Пальто украшал черный каракулевый воротник, шапка того же меха лежала на коленях, едва придерживаемая рукой. Пальто было расстегнуто и виднелся черный костюм и того же цвета косоворотка.

Япончик сидел на крайнем месте, поставив ногу на проход (в зале театра. — *Авт.),* словно каждую минуту готов был вскочить...».

Леонид Утесов, знавший Япончика, в книге «Спасибо, сердце» добавляет, что Япончик очень неохотно шел на «мокрые дела» (убийства), а вид крови его смущал». Певец явно симпатизировал и льстил бандиту!

Белогвардейцам Япончик устраивал «тихий погром». Частенько бандиты поджидали белых офицеров при выходе из ресторанов, для того чтобы их избить и ограбить. Жены одесских бандитов — иногда проститутки, а чаще — воровки помогали мужьям «в их трудной работе».

В ответ на бандитский террор белогвардейский военный I губернатор Одессы, генерал Алексей Гришин-Алмазов, объявил войну бандитам. В предместья были введены воинские подразделения и броневики. Бандитов расстреливали на месте преступления. Начались широкомасштабные облавы, во время которых «отстреливали» подозрительных. В интервью газете «Одесские новости» в январе 1919-го, Гришин-Алмазов сетовал: «То, что происходит сейчас в Одессе, внушает серьезные опасения... Одессе, в наше безумное время, выпала исключительная доля — стать убежищем всех уголовных знамен и главарей преступного мира, бежавших из Екатеринослава, Киева, Харькова». Так что помимо белогвардейской власти, местных бандитских «атаманов» Япончику приходилась бороться против заезжих «гастролеров», посягнувших на его территорию.

Борьба была столь жестока, что «король» Япончик направил губернатору Одессы письмо-просьбу. В нем были такие строки: «Мы не большевики и не украинцы. Мы уголовные. Оставьте нас в покое, и мы с вами воевать не будем». Но молодой, амбициозный губернатор не принял предложения, и война продолжалась. Для широкомасштабных облав использовались французские и греческие CQI-даты. Было закрыто 44 притона бандитов, которые

назывались паштетными, буфетами, трактирами...

На белогвардейские репрессии бандиты ответили «бандитским террором». С тех пор они еще теснее стали взаимодействовать с революционным подпольем. У них был общий, ненавистный враг.

О совместной борьбе против «белых» Япончик вел переговоры через Котовского и анархиста Анатолия Железнякова (кличка «Викторс», прибыл в одесское подполье для организации «Интернационального бюро анархистов»). Япончик тогда успешно приторговывал оружием и снабжал им подпольные отряды большевиков и анархистов. Так, Одесский ревком получил от него 80 револьверов и 200 гранат. Большевик Ф. Анулов-Френкель вспоминал, что «большие услуги штабу ВРК (военно-революционного комитета) в доставке оружия оказывал Мишка Япончик за сравнительно небольшую плату...». Япончик помогал революционному подполью выкупать за большие деньги революционеров [145] из тюрем, а часть отобранных у буржуазии денег передавал на закупку хлеба для голодающих.

В то время Япончик распространял слух о том, что имеет «бандитскую армию в десять тысяч человек. Скорее всего, это преувеличение, в лучшем случае он мог собрать одну треть названной цифры. Но и это было немало. Прибавим сюда 300 боевиков революционного подполья и увидим, что «городская партизанская война» в Одессе начала 1919 года была опасна для белогвардейцев и очень выгодна большевикам.

Зимой 1919 года Япончик близко сошелся с известным в те времена авантюристом Борисом Михайловичем Ржевским-Раевским, который появился в Одессе еще в августе 1918 года. За его плечами было множество афер. Аристократ, друг царского министра внутренних дел Хвостова, он прославился как военный корреспондент, ведя репортажи с театра военных действий на Балканах. Ржевский организовал первый в России Союз журналистов — «Клуб журналистов» в Петрограде. С 1915 года он служит в министерстве внутренних дел, занимаясь делами Распутина и Иллиадора и готовя убийство Распутина. Одновременно Ржевский известен как уполномоченный Красного Креста. В октябре — декабре 1917 года он находился в советских тюрьмах, но по освобождению предложил свои услуги новой власти и был направлен работать в Московское ВЧК, к Дзержинскому.

Тогда Ржевский-Раевский меняет свою фамилию на Стрижевский. Он работает в уголовном отделе ВЧК судебным следователем над самыми запутанными делами Мануйлова и «князя» Эболи, грабителя Касселя. За должностные

злоупотребления, взяточничество и помощь в побеге Мануйлову (секретарь Распутина) Ржевский-Раевский был арестован своими коллегами. Ему вменяли в вину также исключительную жестокость по отношению к арестованным. Чтобы так «прославиться» в ЧК, нужно было переплюнуть самого маркиза де Сада.

Летом 1918 года Ржевский-Раевский бежит из застенков ЧК, сначала в Киев, а затем в Одессу. Там он выдает [146] себя за чиновника для особых поручений при канцелярии градоначальника. Вчерашний чекист постоянно предлагал свои услуги одесской полиции в качестве знатока сыска и хотел занять пост помощника начальника уголовного розыска. Полицейские его брали на опасные задания, но он отличался тем, что убивал арестованных одесских бандитских атаманов, инсценируя «попытку к бегству». Так он уничтожил ряд знаменитых преступников и расчистил Япончику путь к «трону короля блатной Одессы». Он явно «покровительствовал» бандитам Япончика и был грозой для других банд. Так был застрелен блатной авторитет «Колька Япончик» (Николай Козаченко) или, как его еще называли, «Золотой зуб».

Однажды Япончик был выслежен полицией, и неминуемый его арест был, казалось, предрешен. Однако Ржевский-Раевский помог бандиту, направив полицейских по ложному следу.

20 февраля 1919 года тело Ржевского-Раевского с пятнадцатью пулями было найдено возле Клуба артистов, который он любил посещать. Надо заметить, что Клуб артистов Одессы был «гнездом» шпионажа против белогвардейцев и интервентов. Возможно, Ржевский-Раевский не у бегал из ЧК, а был направлен в Одессу с «особым заданием» как секретный агент ЧК — создать из Япончика «короля воров» и направить бандитскую стихию против «врагов революции».

После гибели авериста обыск в его квартире дал поразительные результаты: была обнаружена его переписка с «блатным миром», его дневники и револьвер с золотой монограммой: «От благодарных Мишки Японца и Суконика». Интересно, что после того как стало известно подлинное лицо Ржевского-Раевского, в отставку вышел его возможный покровитель — генерал Гришин-Алмазов.

Вместе с Ржевским-Раевским в Одессу прибыл его сподвижник Зиновий Дубинский. В 1917-м — видный эсер, позже большевик. С 1918-го — судебный следователь ЧК. Арестован по приказу Дзержинского за присвоение денег, реквизируемых у буржуазии. В конце 1918 года он уже работает в военном министерстве Украинской республики. Но, обворовав свое

ведомство, Дубинский бежит в Одессу, предварительно ограбив киевского купца Гольденберга на 50 тысяч. В Одессе Дубинский осуществлял связь [147] между Япончиком и Ржевским-Раевским, за что и был арестован в феврале 1919 года.

В марте 1919 года вокруг Одессы бушевало пламя крестьянского восстания, Красная Армия вышла к Черному морю у Перекопа. 14 марта Одесса была объявлена на осадном положении.

В критические дни обороны города Япончик поднимает восстание в предместьях Одессы, прежде всего на Молдаванке. Восставшие бандиты и дружинники Котовского, большевиков, анархистов, левых эсеров заставили белогвардейскую власть окопаться в центре города, отдав окраины бандитско — повстанческой стихии. Это восстание пытался подавить с помощью воинских частей и броневиков командующий гарнизоном Одессы генерал Бискупский. Однако отведенные с фронта войска не смогли справиться с бандитами. В то же время ослабление фронта и вывод из Одессы войск Антанты привели к тому, что части Красной Армии подошли вплотную к городу. Точнее, это были отряды украинских крестьян атамана Херсонщины Григорьева, который за полтора месяца до этих событий формально заключил союз с командованием Красной Армии и теперь действовал в ее рядах.

Когда в середине апреля атаман Григорьев захватил Одессу, между Япончиком и атаманом начались серьезные трения, превратившиеся в открытую борьбу. Григорьев поклялся «поставить к стенке» Япончика. В те «смутные» дни, и особенно ночи, в городе не прекращалась перестрелка — воевали между собой победители: Григорьев, Япончик, анархиствующий комендант Одессы Домбровский, большевики. Эта борьба прекратилась только с уходом 22 апреля из Одессы частей Григорьева, с расстрелом «за бандитизм и контрреволюцию» советского коменданта Домбровского.

Входившая в состав руководства одесских большевиков С.Соколовская писала в ЦК партии: «Одесский пролетариат — это бандиты, спекулянты, гниль. Возможно, мы попадем в самое отчаянное положение, накануне падения Одессы останемся без средств, а в Одессе без денег революция не двигается ни на шаг». [148]

В апреле Япончик поспешил скрыться от небезопасного атамана Григорьева, а уже через месяц он получил возможность «воевать на григорьевском фронте» против своего конкурента.

В мае 1919 года Мишка Япончик становится командиром советского бронепоезда № 870932. Команда его была набрана из

анархистов и бандитов и предназначалась для подавления восстания, поднятого атаманом Григорьевым. 28 мая в газете «Известия Одесского совета рабочих депутатов» было напечатано сообщение Президиума Одесской ЧК о том, что ложным и контрреволюционным слухом является слух, будто «небезызвестный Одессе грабитель Мишка Японец» был Секретарем Одесского ЧК. Сообщалось, что Секретарь ЧК товарищ Михаил (Гринберг) ничего общего с Япончиком не имеет.

В ответ на это Япончик оставляет для истории образец своего эпистолярного творчества — письмо в редакцию газеты, которое проливает свет на некоторые аспекты его деятельности. Приводим письмо целиком, сохраняя его стилистику и орфографию:

«Я, Моисей Винницкий, по кличке Мишка Япончик, приехал четыре дня тому назад с фронта, прочел в «Известиях» объявление ОЧК. В котором поносят мое доброе имя.

Со своей стороны могу заявить, что со дня существования ЧК в Одессе я не принимал никакого активного участия в его учреждении.

Относительно моей деятельности со дня освобождения меня из тюрьмы по Указу Временного правительства, до которого я был осужден за революционную деятельность на 12 лет, из которых я отбыл 10 лет, — могу показать документы, находящиеся в контрразведке, а также приказ той же контрразведки, в котором сказано, что за поимку меня обещано 100 тысяч рублей, как организатор отрядов против контрреволюционеров, только благодаря рабочим массам я мог укрываться в его лачугах, избежать расстрела.

Весной нынешнего года, когда пронесся слух о предстоящим погроме, я не замедлил обратиться к начальнику Еврейской боевой дружины тов. Кашману с предложением войти в контакт с ним для защиты рабочих кварталов от погромов белогвардейцами всеми имеющимися в моем распоряжении средствами и силами. [149]

Я лично всей душой буду рад, когда кто-нибудь из рабочих и крестьян, отзовется и скажет, что мною был обижен. Заранее знаю, что такого человека не найдется.

Что касается буржуазии, то если мною предпринимались активные действия против нея, то этого, я думаю, никто из рабочих и крестьян не поставит мне в вину. Потому что буржуазия, привыкшая грабить бедняков, сделала меня грабителем ея, но именем такого грабителя я горжусь, и покуда моя голова на плечах, для капиталистов и врагов народа буду всегда грозой.

Как один из примеров провокации моим именем, даже при Советской власти, приведу следующий факт.

По просьбе начальника отряда тов. Трофимова мы совместно отправились к начальнику отряда Слободского района тов. Каушану с просьбой, чтобы тов. Каушан разрешил мне препроводить в ОЧК для предания суду революционного трибунала Ивана Гричко, который, пользуясь моим именем, убил рабочего и забрал у него 1500 рублей. У Гричко были также мандаты для рассылки с вымогательскими целями в разные места с подписью Мишка Япончик. Тов. Каушан разрешил, и я препроводил убийцу рабочего в ЧК.

В заключение укажу на мою деятельность с приходом Советской власти. Записавшись добровольцем в один из местных боевых отрядов, я был назначен в конце апреля 1919 года в 1-ю Заднепровскую дивизию, куда я незамедлительно отправился.

Проезжая мимо станции Журавлевка ЮЗЖД, стало известно, что под руководством петлюровского офицера Орлика был устроен погром в Тульчине, куда пошел отряд 56-го Жмеринского полка для ликвидации погромной банды. К несчастью, командир отряда был убит, не дойдя к месту назначения. Красноармейцы, зная мою железую волю, на общем собрании избрали меня командиром.

Завидуя моему успеху, некоторые несознательные элементы изменническим образом передали мня в руки бандита Орлика, который хотел расстрелять меня, но благодаря вмешательству крестьян села Денорварка (в нескольких верстах от Тульчина), стоящих за Советскую власть, я был спасен. Все вышеуказанное подтверждая документами выданными мне Тульчинским военным комиссаром за №7. [150]

После целого ряда военных испытаний я попал в Киев, где после обсуждения всего вышеизложенного я получил от Народного военного комиссара назначение в 1– и Подольский полк, где военным губернским комиссаром была возложена на меня задача, как на командира бронепоезда № 870932, очистить путь от ст. Вапнярка до Одессы от григорьевских банд, что мною было выполнено; подтверждается документом командующего 3-й армией за №1107.

На основании вышеприведенного я отдаю себя на суд рабочих и крестьян, революционных работников, от которых жду честной опенки всей моей деятельности на страх врагам трудового народа.

Моисей Винницкий под кличкой Мишка Япончик. 30 мая 1919 г.».

Через три дня после публикации этого письма в газете

Япончик явился в Особый отдел ЧК при 3-й украинской армии и предложил организовать отряд из числа своих приверженцев «для защиты революции». Это предложение нашло поддержку в Реввоенсовете 3-й армии, и Япончику разрешают сформировать батальон особого назначения для борьбы на деникинском фронте. Этот батальон набирался только из одесских бандитов, считавших своим атаманом Япончика. Их Мишка называл «боевиками».

Когда число добровольцев превысило тысячу человек, батальон был развернут в 54-й имени Ленина (!) советский стрелковый полк 3-й армии. Командиром полка остался «товарищ Мишка», а комиссаром стал секретарь Одесского исполкома Совета известный 27-летний анархист Александр Фельдман. В 1919–1941 годах одесский Приморский бульвар назывался бульваром Фельдмана, в честь погибшего комиссара полка Япончика. Среди политработников полка выделялся венгр-интернационалист Т. Самуэли.

Полк состоял из трех батальонов. В первых двух находились добровольцы — одесские налетчики и воры, дружинники отряда еврейской самообороны. В третий батальон направлялись мобилизованные студенты Новороссийского университета. В полк были зачислены также 132 коммуниста, [151] мобилизованных губкомом КП(б)У для пропагандистской и воспитательной работы. Однако большинство коммунистов отказалось вступить в полк и вести там пропагандистскую работу, ссылаясь на то, что пребывание в полку опасно для жизни. Полк был хорошо вооружен, имел 40 трофейных пулеметов, конную сотню, оркестр и граммофон. Штаб полка находился на улице Новосельского в гостинице «Дом отдельных комнат».

Странные люди пополняли полк Япончика. Кроме уголовников, анархистов, мелких авантюристов всех мастей, тут оказались и законспирированные контрреволюционеры, такие как известный Жорж Белый, который еще в апреле 1919 года, сразу после занятия Одессы «красными», организовал в городе белогвардейский партизанско-террористический отряд для борьбы против большевиков. Боевики этого отряда совершили ряд покушений на местных большевистских руководителей. Жорж Белый был назначен Япончиком ротным командиром.

В августе 1919 года Белый помогал белогвардейцам захватить Одессу и оказывал активное содействие контрразведке в выявлении большевистских элементов. Но руководитель контрразведки не спешил проводить широкие аресты по спискам, представленным Белым. А уже в начале 20-го Белый стреляет в начальника контрразведки Кирпичникова и убивает его как «либерала».

Когда 11 мая некоторые части одесского гарнизона (Белорусская советская бригада и крестьянский полк Казакова) подняли восстание против большевиков, Япончик осудил это выступление и призвал уголовников не участвовать в нем. Ему были ненавистны восставшие своей погромной агитацией и симпатиями к Григорьеву.

В мае — июле 1919 года руководителем одесской ЧК стал Станислав Реденс (партийная кличка «Стах») — молодой удачливый авантюрист, будущий свояк Сталина, женившийся на Анне Алилуевой. Этот деятель, отличавшийся особой жестокостью к «врагам революции», покровительственно относился к Япончику и его воинству.

В июне — июле 1919 года советская власть на Юге Украины удерживалась только в крупных городах. Провинция была в руках крестьян, восставших против большевиков. Под Одессой восстали немецкие колонисты, действовали [152] отряды крестьянских атаманов Махно, Заболотного, Казакова, Живодера... С севера на Одессу наступали петлюровские части, которые дошли до Вапнярки; с востока белогвардейцы — силами одного казачьего полка взявшие Херсон и прорвавшие фронт. В середине июля 1919 года Совет обороны Одесского военного округа решил направить полк Япончика на «петлюровский фронт», на пополнение 45-й стрелковой дивизии.

20 июля, в воскресенье, полк Япончика прошел парадным строем по центральным улицам Одессы. Очевидцы оставили воспоминания об этом красочном событии: «Впереди шли музыканты. Люди Япончика собирали их по всему городу. Трубачи и флейтисты из Оперного театра, нищие скрипачи, побиравшиеся по дворам, гармонисты из слободских пивнушек — все они сегодня шли рядом, играя походные марши и знатные молдаванские мелодии. Позади оркестра, на белом жеребце — сам Япончик в кожаной фуражке, как у Котовского, в офицерском френче и красных галифе... Рядом несли огромное знамя из тяжелого малинового бархата. На нем было вышито полное название полка: «Непобедимый революционный одесский железный полк Смерть буржуазии». Комендант Одессы П. Мизикевич на банкете в честь отбытия полка на фронт преподнес Япончику в награду серебряную саблю с революционной монограммой и пожелал бойцам боевых успехов».

По другим данным, генеральская сабля была вручена Япончику от имени Совета обороны на прощальном митинге в Одесской консерватории.

Когда началась погрузка полка в эшелон на станции Одесса-Товарная, то выяснилось, что не явилось до 300 студентов и

около 700 одесских воров. По дороге на фронт из вагонов бежало еще несколько сот «боевиков», так что до фронта доехало 704 бойца из 2202.

23 июля полк Япончика прибыл в распоряжение штаба 45-й дивизии (командир И. Якир), в городок Бирзула (ныне Котовск). Там был устроен новый парад полка. Полк признали боеспособным и включили в бригаду, которой командовал Котовский. Тот помог с обмундированием и разместил полк в резерве, в селе Голубичье. Однако одесские бандиты всячески сопротивлялись введению военной дисциплины в своей части и военному обучению. [153]

В конце июля войска Украинской народной республики (петлюровцы) вышли в район Жмеринка — Балта. Они упорно пытались прорваться к Одессе, надеясь тут получить «окно в мир», выход к морю. Запорожская группа петлюровцев (бывшие подчиненные атамана Волоха) и дивизия атамана УНР Юрка Тютюнника (преимущественно недавние григорьевцы) вели бои за Жмеринку. В начале августа петлюровцы, разгромив 45-ю дивизию Якира (7 тысяч красноармейцев), отрезали три советские дивизии от основных сил Красной Армии в районе Одессы.

Командование Красной Армии стремилось любой ценой возвратить станции Жмеринка и Вапнярка, восстановить связь с основными силами, считая, что только таким образом можно удержать Причерноморье.

Первый бой для полка Япончика был удачным. Одесситы забросали окопы противника гранатами и заставили его отступить. Но уже на следующий день петлюровцы не только вернули утраченные позиции, но и обратили одесситов в бегство. Отступившие «боевики» заявили, что их предали соседние части и потребовали вернуть их в Одессу. Часть бывших уголовников самостоятельно бежала в Одессу, часть разошлась по окрестным селам на «реквизицию». Возникла опасность восстания оставшихся на фронте бойцов Япончика против советской власти. Помощник начальника штаба 45-й дивизии Д. Коренблит вспоминал: «Возникла опасность образования в тылу 45-й дивизии бандитской шайки. Надо было изолировать от «храброго воинства» Мишку Япончика».

Якир решил выдать Япончику бумаги о том, что его «полк» направляется в штаб армии для получения нового назначения. Якир рассчитывал в пути, в предоставленном командованием вагоне, Япончика арестовать, а бандитские батальоны разоружить. Комдив приказал «штабу» 54-го полка Япончика отбыть в распоряжение командующего 12-й советской армией, который находился в Киеве.

Прямой путь из Бирзулы в Киев был невозможен, его перекрыли петлюровцы. Оставался свободным только путь через Ольвиополь (ныне Первомайск).

Япончик знал о коварстве большевиков, предчувствовал, что над ним готовится расправа. Он отобрал 116 наиболее преданных «боевиков» в свою личную охранную сотню [154] и отбыл на Ольвиополь. Но в Киев ехать не собирался, потому что знал, что там его ждут застенки ЧК. Япончик мечтал прорваться в родную Одессу и там... может быть снова стать ее «королем» или просто на время затаиться. Поэтому от станции Помашная он поворачивает свой эшелон на Вознесенск, в направлении на Одессу.

По другой версии, все пути на Киев к тому времени были уже отрезаны наступавшими белогвардейцами, махновцами и григорьевцами, и выполни Япончик тогда приказ, он попал бы в руки к врагам и неминуемо оказался бы на виселице. Поэтому Япончик не бежал, а действовал в соответствии с обстановкой.

Еще одна версия гласит, что из Бирзулы полк Япончика бежал и, сев на проходящий пассажирский поезд, решил добраться до Одессы через станцию Вознесенск. При этом все пассажиры поезда были ограблены и разогнаны. Командование приказало немедленно догнать беглецов и наказать виновных по всей строгости военного времени. По распоряжению Котовского комиссар Фельдман и его заместители-политруки Линовой, Свиридов, Федоров, Максимов на специальном паровозе ринулись в погоню. Всем военкомам железнодорожных станций было предписано не пропускать поезд Япончика. Однако тот под угрозой расстрела заставлял военкомов отправлять свой поезд вне графика, без всякой задержки. Япончик старался выиграть время и «просочиться» в Одессу.

Версий гибели Япончика множество, однако верить можно только архивным документам. Доклад уездвоенкома М. Синкжова Одесскому окружному комиссару по военным делам показывает реальные события: «4-го сего августа 1919 года я получил распоряжение со станции Помашная от командующего внутренним фронтом т. Кругляка задержать до особого распоряжения прибывающего с эшелоном командира 54-го стрелкового советского украинского полка Митьку Японца. (В докладе Мишка Япончик ошибочно назван Митькой Японцем. — *Авт.)*

Во исполнение поручения я тотчас же отправился на станцию Вознесенск с отрядом кавалеристов Вознесенского отдельного кавалерийского дивизиона и командиром названного дивизиона т. Урсуловым, где распорядился расстановкой [155] кавалеристов

в указанных местах и стал поджидать прибытия эшелона.

Ожидаемый эшелон был остановлен за семафором. К остановленному эшелону я прибыл совместно с военруком, секретарем и командиром дивизиона и потребовал немедленной явки ко мне Митьки Японца, что и было исполнено.

По прибытии Японца я объявил его арестованным и потребовал от него оружие, но он сдать оружие отказался, после чего я приказал отобрать оружие силой.

В это время, когда было приступлено к обезоруживанию, Японец пытался бежать, оказал сопротивление, ввиду чего был убит, выстрелом из револьвера, командиром дивизиона.

Отряд Японца, в числе 116 человек, арестован и отправлен под конвоем на работу в огородную организацию.

Итак, М. Винницкий-Япончик был убит Н. Урсуловым «при попытке к бегству», без суда и следствия. Очевидно о «ликвидации» Япончика хлопотало начальство заранее. За это убийство Урсулов вскоре получает орден Красного Знамени.

По другой версии Урсулов и Синюков с отрядом устроили засаду возле железнодорожного депо в высокой кукурузе, в поле, которое звалось «Марьин луг». Они закрыли семафор и вынудили эшелон Япончика остановиться. Когда Япончик, его жена Лиза и его адъютант Халип направились к будке стрелочника, чтобы узнать, что случилось, то Урсулов, Синюков и одесский чекист Зорин начали стрелять из засады, застрелив Япончика, Лизу и Халипа.

Еще одна версия гласит, что Япончик был застрелен Никифором Урсуловым в глиняном карьере, в полутора километрах от Вознесенска, и Урсулов забрал у Япончика как трофей его генеральскую шашку. А бойцы полка Япончика, под дулами пулеметов, были выведены из вагонов и отправлены в концлагерь, что был создан в селе Кантокузовка. Вскоре прибыл прокурор и Части особого назначения (каратели), которые стачи вылавливать разбежавшихся бандитов. Часть людей Япончика была расстреляна за разбой, некоторых направили в тюрьму Одессы, где их судили и приговорили к различным срокам заключения. [156] Около пятидесяти человек из 54-го полка оказались на принудительных работах в огородах.

Вскоре они разбежались из-под стражи и перебрались в одесские «малины».

Легенда гласит, что похороны Япончика были помпезными. Его отпевал кантор хоральной синагоги Миньковский и певчие — солисты одесской оперы.

Через четыре часа после похорон на место убийства Япончика прибыл комиссар полка Саша Фельдман. Он не верил в «глупую»

смерть Япончика, и по его требованию могила Япончика была вскрыта. Там покоилось тело «короля воров» в матросской тельняшке и трусах. Фельдман столкнул ногой труп в яму со словами: «Собаке — собачья смерть». Через два дня на место событий приехал Н. Подвойский — военный народный комиссар УССР. Он поблагодарил всех участвовавших в ликвидации Япончика и снова приказал вскрыть могилу, чтобы лично убедиться в гибели Япончика.

Почему-то одесские воры связали убийство своего «короля» с именем Фельдмана. Через несколько месяцев, в октябре 1919 года на одесском базаре Фельдман, который тогда только приехал от Махно и «работал в подполье», был убит людьми Япончика «за предательство». Такая же участь постигла и агента уголовного розыска большевика Хазиса. А вот настоящий убийца Н. Урсулов благополучно прожил долгую жизнь, спокойно работая директором маслозавода в Вознесенске.

Интересно, что будущий убийца Котовского, содержатель публичного дома М. Зайдер был на командных должностях в полку Япончика, но не пострадал во время отстрела его командиров. Наиболее близкие к Япончику бандиты, его «адъютанты» Шакерман, Коган были расстреляны белогвардейцами. [157]

Три брата Япончика погибли на фронтах Великой Отечественной. Из них младший, Григорий, до войны был начальником Одесской электростанции. Несколько племянников Япончика погибли на войне или были уничтожены фашистами. Долгую жизнь прожил брат Япончика — Юдий Вольфович. Он участвовал в Великой Отечественной, а в семидесятые годы уехал в США. Дочь Япончика проживала до 1990 года в Баку.

Мишка Япончик оставил след не только в анналах истории Одессы, в летописи гражданской войны на Украине, но и в литературе, послужив прототипом Бени Крика — одного из главных героев произведений И. Бабеля.

В 1926 году в журнале «Красная новь» вышла киноповесть писателя «Беня Крик», в которой автор воссоздает отдельные эпизоды из жизни Япончика-Винницкого. В следующем году режиссером В.Вильнером на Одесской кинофабрике был снят художественный фильм «Беня Крик».

В одесской прессе тогда появились разгромные рецензии на фильм. Писали, что в картине пропагандируется «идеал молдаванских подонков», «кумир окраинной хули-ганерии», что «происходит открытое прославление уголовного хулиганства». Когда в Одессе снимался фильм, писали газеты, «вокруг съемки собирались толпы хулиганов с гордостью смотрящих, в какую

честь попал их недавний соратник, и сами прихорашиваются зараженные чумною славой...» Режиссер В. Вильнер вынужден был оправдываться по поводу целей и задач кинофильма. Он писал: «Я ничего не снимал на Молдаванке и даже не интересовался ею».

Однако были и «зараженные» романтикой бандитизма. Двадцатисемилетний актер одессит Кучеренко, который играл в фильме «Беня Крик» роль бандита, а в фильме «Красные дьяволята» роль самого батьки Махно, стал руководителем шайки налетчиков и в свободное от работы время грабил кассы и квартиры, магазины и склады Одессы и крымских городков. Уголовный мир Одессы запомнил его по кличке «Махно».

А будущий известный писатель, автор повести «Зеленый фургон», Александр Козачинский, который провел детство и юношеские годы в Одессе, попав под влияние блатного мира и «мифа о Япончике», стал в 1921 году налетчиком, [158] а в следующем — атаманом банды. Он пытался подражать Япончику, проведя серию громких налетов... В 1922 году Козачинский был приговорен к смертной казни. И только счастливая случайность сохранила для нас талантливого писателя и журналиста.

Коммунистический диктатор Украины в 1925–1928 годах Лазарь Каганович раскритиковал фильм «Беня Крик» как «романтизацию бандитизма», и картину сняли с проката. Но, несмотря на это, Япончик после своей гибели превратился в легенду, в миф «о блатной Одессе». Он становится героем рассказов, песен, анекдотов. Его бесшабашность, «черный» юмор, вольнолюбивость отражали менталитет «вольного города Одессы».

Казацкие атаманы Волох, Божко и Коцур

В конце 1918 года Украину захлестнула волна безвластия. Старая гетманская власть пала, а сменившая ее власть Директории Украинской народной республики (УНР) была слаба, не имела опытных политиков, администраторов, офицеров, не выработала четкой идеологии. Директория пришла к власти в результате всеобщего, стихийного восстания, которое, «выйдя из берегов», стало мешать установлению новой крепкой революционной власти УНР.

Жизнь в украинской провинции с декабря 1918 года оказалась под контролем сотни местных атаманов и батек, что руководили повстанческими, добровольческими, казацкими формированиями, набранными из крестьян. Эти отряды защищали интересы отдельной волости или села, иногда воевали между собой и против городов, где «сидела» враждебная крестьянам власть, от которой только и было «проку», что получать приказы и принимать карательные и реквизиционные отряды.

Начав с сельских «вождей», атаманы входили во вкус власти и претендовали, порой, уже и на всеукраинскую овласть. Распадалась не только держава, но и армия УНР, которая состояла на 70% из крестьянских повстанческих отрядов. Атаманы не желали подчиняться, не хотели далеко удаляться от своих районов и идти на польский, белогвардейский или антибольшевистский фронты.

«Где собирается два украинца — появляется три гетмана», — гласила пословица. Так оно и получалось в 1918–1921 годах. Сельская Украина была поделена между несколькими десятками атаманов, которые мнили себя вполне независимыми и могли переходить от «петлюровцев» [200] к «красным», а попробовав «красной власти», — снова к «петлюровцам».

«Там было сто двадцать правительств, и зажиточное крестьянство там развращено», — писал об Украине В. И. Ленин.

«Атамания» — период украинской истории, сходный с «Руиной» века семнадцатого, когда власть над селом перешла в руки атаманов, а Украина распалась на микродержавы, каждая из которых была не больше волости, однако называлась «республикой», имела свою «политику», «армию» и «фронт» — окопы вокруг села. Атаманы водили за собой «из огня да в полымя» слабо разбиравшееся в политике крестьянство.

Атаманы Ангел, Хмара, Зеленый, Лихо, Данченко, Козыр-Зирка, Полиенко, Биденко, Живодер, Савонов, Трепет и многие другие мечтали реализовать в Украине свое видение «воли и свободы». Это была своеобразная вождистская, народная элита, а «атаманская идея» заключалась в бесконтрольности местной власти и самоорганизации сел, что враждебны городской культуре и городской власти. В «атаманщине» заглавную роль играл «человек с ружьем», которому оружие открывало путь к вседозволенности. Большинство атаманов вышло из окопов мировой войны и дослужилось до унтер-офицеров и прапорщиков. Пройдя кровавую «школу» войны, они не могли привыкнуть к новой жизни, им хотелось опасности, и рука тянулась к оружию. В годы гражданской миллионы бывших фронтовиков испытывали «окопный синдром мировой войны».

Показательны судьбы претендентов на украинскую булаву: Емельяна Волоха, Ефима Божко и атамана «Чигиринской республики» Коцура. В 1911–1914 годах в Харьковской школе живописи Раевской учился и «подавал надежды « сельский хлопец Омелько Волох. Ему постоянно не хватало денег на учебу, и пребывание в школе живописи часто прерывалось поездками на заработки, на сезонные работы в родную Кубань или на шахты Донбасса. [201]

Необычный шахтер-художник был кряжист, обладал крутым нравом и богатырской силой. Уже через год учебы юношу заметили и за лучшие произведения на курсе наградили стипендией «в ознаменование 50-летия отмены крепостного права». И не беда, что молодой художник ходил в рваных сапогах и заношенном тулупе. У него, кроме комплексов, в голове роились мечты, связанные с повышенными амбициями. Он должен был завоевать эту жизнь!

Крестьянскому сыну открывалась дорога в художественную богему. Но Первая мировая война разрушила планы Емельяна Ивановича Волоха, который до художественной школы уже отслужил три года в артиллерийском гарнизоне Батуми, где был ротным писарем. Отправленный в запас в 1911 году, Волох был приписан к первому эшелону мобилизации, который разворачивался уже в первые часы мировой войны.

Фронтовая жизнь Волоха началась в августе 1914-го с победоносных боев за Галицию. В первый месяц боев он был тяжело ранен и награжден солдатским «Георгием» за храбрость. После выздоровления Волох как человек грамотный (церковно-приходская и художественная школы) был направлен в Киевскую школу прапорщиков. В 1915 году молодой прапорщик, едва оказавшись на фронте (в составе Сибирского полка воюет в

Карпатах), был снова тяжело ранен, а за проявленную храбрость получил второго «Георгия» и чин поручика. На этот раз лечиться после тяжелого ранения его отправили в Петроград. Столица поразила свежеиспеченного поручика с художественным образованием. Он посещал Академию художеств, музеи... На какое-то время интерес к искусству вновь стал доминировать... Но его ждали окопы.

В 1916 году все повторяется снова... Едва попавшего на фронт Волоха находит шальная пуля. Его участие в «брусиловском прорыве», в Галиции, было оплачено кровью. Лечиться после тяжелого ранения его направляют в Харьков. В то время он еще не думает ни о карьере атамана, ни о революции, но и перестает мечтать о судьбе художника. Его производят в штабс-капитаны, и карьера офицера раскрывает перед ним безграничные возможности власти над солдатами, открывает перспективы дослужиться до полковника царской армии, получить за службу дворянство. [202]

Но Волох не сумел обмануть свою судьбу... Он появился на свет в украинской станице Калниболото на Кубани в июле 1886 года в бедной батрацкой семье. В шесть лет потерял мать. В семь лет его отец — Иван Волох перевозит своих детей в Украину, на Донбасс, где устраивается работать на шахте. Живут Волохи в селе Белоцерковке, и детство Омельки проходит в подпасках и пастухах. В четырнадцать лет Омелько начинает работать в шахте на станции Ласкутовка и становится отгребщиком лавы.

В Центральном государственном архиве общественных и политических объединений (Киев) сохраняется обширная автобиография Волоха, написанная им уже в советской тюрьме в 1933 году. Недавний атаман силился в ней доказать, фальсифицируя события своей жизни, что «всегда был на стороне трудящихся, с большевиками».

О своей юности Волох пишет: «...местный поп завез меня в Харьков и отдал к живописцу-вывесничнику Бороздику «мальчиком» в науку на четыре года... Но строптивый Волох бежит от своего учителя и прибивается к новому художнику, у которого он выдерживает только пять месяцев...

С семнадцати лет Омелько пытался вырваться из «плена» шахты, убегах в Харьков и подолгу там жил, зарабатывая деньги изготовлением рекламных вывесок для магазинов. Но судьба снова и снова толкала его под землю, в шахту.

Февральская революция 1917 года для всех жителей Российской империи стала «водоразделом», рубежом, отделяющим порядок от хаоса, «старую» жизнь от «новой». Волох почувствовал в крушении законов, устоев и сословий

возможность подняться на вершину перевернутой пирамиды иерархии. Как пишет сам Волох, революцию он отметил, «выйдя на улицу и приколов рядом с Георгиями красную ленточку».

С апреля 1917 года он с головой уходит в революцию, избирается заместителем председателя полкового комитета. [203] Как делегат полка Волох попадает в Петроград, где в Таврическом дворце, на военном съезде, выступает за прекращение мировой войны любыми путями. В столице он знакомится с лидерами большевиков, причем весной — летом Семнадцатого Волох (как он сам утверждает в автобиографии) целиком и полностью разделяет их взгляды.

За поддержку лозунга «Долой войну» Волох попадает в изоляцию в офицерской среде Сибирской стрелковой дивизии, его называют «немецким шпионом», «предателем». Военный комиссар Временного правительства Борис Савинков своим приказом снимает офицера Волоха с должности комбата и отправляет в Харьковский запасной полк. Казалось, путь Волоха уже определен ленинскими «Апрельскими тезисами» и «зудом революционности», но Омелько был еще и потомком запорожских казаков, что переселились на Кубань, и их образы витали вокруг его изголовья, когда он засыпал.

В августе 1917 года в Харькове Волох знакомится с деятелями украинского движения, сторонниками Центральной Рады, и выбирает путь борьбы за украинскую независимость. К революционным «кругам» его подтолкнуло еще и новое назначение на место службы в далекий Иркутск. Он не хотел менять Украину на Сибирь и практически с сентября 1917 года становится офицером-дезертиром, который не выполнил приказ и не прибыл к новому месту службы. Отныне ему стало не по пути с Временным правительством.

Осенью 1917 года он возглавит 234-й запасной полк, который решено было украинизировать и создать на его базе 2-й украинский запасной полк. По соглашению между харьковскими большевиками и сторонниками Центральной Рады в конце октября 1917– го Волох становится военным комендантом губернского Харькова. Эту должность он занимал около месяца. Но ответственная и сложная работа коменданта была не его стихией. Вскоре Волох избирается командиром 2-го украинского полка, который стал ядром украинского гарнизона Харькова. Под его началом харьковские части сражаются против «корниловцев» под Белгородом. [204]

В середине декабря 1917 года в Харьков проникают и там утверждаются воинские контингента Советской России под командованием В. Антонова-Овсеенко, Муравьева, Ховрина,

Сиверса, Егорова. Советские войска немедленно приступили к захвату государственных учреждений и разоружению украинских частей. Особенно «отличился» креквизициями и арестами «питерский матросско-рабочий» отряд Ховрина. Однако при первом столкновении с гайдамаками отряд разбежался и занялся обыкновенным грабежом, а позже самоликвидировался.

Многих .удивляла в те критические дни полная пассивность Волоха как командира украинских сил Харькова. Казалось, он тогда никак не мог решить, на какой «цвет» ставить — «красный» или «жовто-блакитний».

Помощь Волоху могла прийти от местных харьковских большевиков, которые добивались от «красных российских командиров» отказа от военных действий против Харьковской Украинской Рады. Члены Рады и Харьковского Совета объединились в ревштабе, стремясь найти мирный компромисс. Однако в конце декабря 1917-го Сивере захватил украинские броневики и арестовал украинского коменданта города Чеботарева и члена Рады Павленко. Местные большевики во главе с Артемом настояли на освобождении заключенных. Они потребовали удаления из города отряда Сиверса, штаб которого превратился в «судилище и место казни» для сотен горожан. Идя на коалицию с Радой, местные большевики продлили «двоевластие» в Харькове еще на несколько дней.

Но 10 января 1918 года, во время большевистского переворота в Харькове, 2-й украинский полк Волоха был разоружен, не оказав сопротивления. Волох вместе с другими полковыми офицерами в момент разоружения полка, находился в городском театре на спектакле «Запорожец за Дунаем». Разоружением руководил Виталий Примаков, который из части разоруженных солдат Волоха (300 человек) вскоре создал полк «Червоного козацтва». Остальные 700 солдат полка, которые отказались вступать к «красные» части, были распущены по домам. А Волоху удалось скрыться. С полусотней солдат и офицеров полка он выехал из Харькова в Полтаву, где еще сохранялась власть УНР. [205]

В Полтаве Волох начал формировать новую часть для борьбы против «красных». К своему маленькому отряду он присоединил юнкеров из Полтавской и Чугуевской школ, казаков 5-го украинского конного полка. Этот сводный полк Волох назвал «Гайдамацкий кош Слободской Украины». Этот кош, сформированный из добровольцев, в начале 1918 года стал одним из лучших подразделений в украинской армии.

Симон Петлюра, который к тому времени остался «безработным» и был снят с поста военного министра (секретаря)

УНР, начал собирать добровольцев в Киеве, для вступления в Кош Слободской Украины. Уже тогда была создана форма «слободских гайдамаков», или «красных гайдамаков», — желтые кожухи, папахи с красными шлыками, красные штаны, кавалерийские карабины.

Во второй половине января 1918 года гайдамаки Волоха вели упорные бои за Полтаву и станцию Гребенка. Однако остановить наступление советских войск они были не в силах.

28 января на антибольшевистский фронт прибыл Петлюра. После короткого совещания с командирами гайдамаков он становится командиром Коша Слободской Украины, а Волох довольствуется только званием куренного атамана. В эти январские дни крепнет привязанность Петлюры к своему атаману, которая в 1919 году не раз сыграет роковую роль в судьбе будущего диктатора Украины. Хотя уже тогда Волох проявлял свой необузданный нрав и чрезмерное честолюбие.

Из 400 гайдамаков под началом Волоха остается только половина. Фактически кош в 400 штыков и сабель противостоял советской армии Муравьева, которая насчитывала более 3300 бойцов. Выдержав бои за Яготин и станцию Кононовка, курень Волоха отступил на Киев. На станции Дарница Волох разоружает восставших против Центральной Рады солдат украинского полка. Этот полк был разогнан, а в виде трофеев Волоху досталось 8 пушек и 2 тысячи винтовок.

В то время как гайдамаки пытались не допустить «красных» к Киеву, в столице Украины началось большевистское восстание рабочих заводов и железнодорожных мастерских. Восставшие захватили пригороды Киева, Подол, часть Печерска, несколько раз врывались в центральную [206] часть города. С большим трудом сторонникам Центральной Рады удавалось отбивать наскоки отдельных отрядов восставших и удерживать контроль над центром Киева.

Курень Волоха был вынужден с боями прорываться через восставшие пригородные рабочие слободки к центру столицы. Прорваться в центральную часть Киева Волох смог только после боя за цепной мост через Днепр, который обороняли восставшие рабочие. На этом мосту под пулеметным огнем в одной цепи бежали атаман Волох и атаман Петлюра. Они были еще ровней, и оба считали, что от захвата моста через Днепр зависит судьба Украины. Симон Иванович тогда приметил высокого и храброго атамана, что лез под пули и добровольно передал ему командование гайдамаками. Потом еще долго Петлюра обманывался относительно этого атамана, не забывая совместно пережитых боев на мосту, боев за «Арсенал».

2 февраля части Волоха были брошены на подавление восстания на заводе «Арсенал». Петлюровские и волоховские отряды существенно изменили расстановку сил в пользу УНР. На следующий день после прибытия гайдамаков закончилась шестидневная оборона завода. «Арсенал» пал. Отряд Волоха участвовал также в подавлении восстания рабочих киевских железнодорожных мастерских, а с 3 по 8 февраля 1918 года принимал участие в обороне Киева от наступавших «красных» войск Муравьева. В автобиографии же Волох пишет о том, что, будучи «тяжело раненным», не сражался то года против большевиков. В действительности он оборонял центр города. Однако силы были явно не равны, поскольку лидеры Центральной Рады не прибегли к всеобщей мобилизации горожан… Киев обороняли в основном добровольцы. Войска УНР были вынуждены покинуть город и пробираться по Брест-Литовскому шоссе на Житомирщину. Прикрывая отступавших, последним шел отряд Волоха.

После заключения Брестского мира, для оказания военной помощи в борьбе с «красными», правительство УНР в качестве союзников приглашает австро-немецкие войска. Немецкие и украинские части устремились к Киеву. Подполковник Жуковский — военный министр УНР, стремясь сохранить малочисленные украинские войска (около 6 тысяч человек), предлагает немцам первыми двинуться на штурм Киева. Однако Волох думал иначе, он не мог [207] смириться с потерей своей «исторической роли», не хотел отдавать «пальму первенства» в столь ответственном деле немцам.

Во главе группы офицеров Волох окружает министерский вагон и, угрожая открыть по нему пулеметный огонь, требует пустить гайдамаков в авангарде наступавших. Его угрозы возымели действие, и гайдамацкий отряд двинулся на Киев первым. На сей раз Волоху повезло. Накануне, опасаясь нападения австро-немецких войск, «красные» покинули город, и Волох одним из первых как триумфатор въехал в столицу.

Отряд Волоха был переформирован в 3-й гайдамацкий полк, в котором его назначили начальником трибунала. Пользуясь предоставившейся возможностью, он сполна отомстил большевикам за все перенесенные им лишения последних месяцев.

После гетманского переворота, в апреле 1918 года, в Украине к власти приходят буржуазия и старое офицерство. Но Волох и при новой власти оказывается в фаворе. Он получает по военному ведомству чин значкового сотника. Но этого ему было явно недостаточно… Уже летом он, очевидно, связывается с

участниками заговора против гетмана — украинскими социалистами, и получает от них задание готовить восстание на Харьковщине против гетманской власти.

Объявившемуся в Харькове Волоху грозит арест как «революционеру». И он скрывается в районе городка Старобельска, близ Луганска, где в тот период располагались военные части, недовольные гетманом.

В августе 1918 года недалеко от Старобельска, в Ровеньках, восстает гетманский полк имени К. Гордиенко, однако выступление было подавлено, его организаторы расстреляны. Очевидно, Волох был одним из организаторов этого восстания. Опасаясь розыска причастных к мятежу офицеров, Волох возвращается в Киев. Деятели подпольного Украинского Национального Союза вновь отправляют его на Восток Украины, в Валуйки, где в то время стоял 3-й гетманский полк, в котором были сослуживцы Волоха. Его задача — склонить 3-й полк в восстанию...

В середине ноября 1918 года украинские социалисты в районе Белой Церкви поднимают восстание против гетманского правления. Вскоре восстание охватывает всю Украину, [208] к нему присоединяются воинские формирования гетманской армии. Волох со своими единомышленниками арестовывают командира 3-го полка Сильванского, чтобы возглавить эту часть.

Омелько Волох надеялся возглавить восстание на Харьковщине и Луганщине, стать «новой властью» Восточной Украины. Однако 17 ноября полковник гетманской армии Болбочан захватывает все государственные и военные учреждения Харькова и провозглашает присоединение губернии и местного гарнизона к восставшим.

Правительство восставших — Директория УНР — в знак признательности назначает Болбочана командующим Левобережным фронтом и всеми войсками восставших, что находились на Левобережной Украине. В условиях царившего в регионе хаоса полковник Болбочан становится хозяином Восточной Украины.

Полк Волоха также стремился принять участие в харьковском перевороте, однако при приближении к городу он был остановлен все еще находившимися в Украине немецкими войсками. Пришлось отказаться от похода на Харьков и отступить на станцию Сватово.

Главком Болбочан стоял на самых «правых» позициях среди группировок «новой власти» — Директории. По его приказу были разогнаны Советы и профсоюзы Харькова; в полках Болбочана продолжало служить гетманское офицерство, которое, несмотря

на запрет властей Директории, продолжало носить старые погоны и знаки отличия. Полковник с презрением относился к «выскочкам из простонародья» и революционным социалистам. Он отдает приказ Волоху, стремившемуся занять его место, вернуть полк в район его прежнего расположения, а командование этим полком передать арестованному полковнику Сильванскому. Этот приказ, а также удачливость конкурента «на власть» сделали Волоха личным врагом Болбочана.

Он не подчиняется главкому и начинает в районе Сватово — Попасная разоружать уезжающих на родину немецких солдат (у них отобрали около 10 тысяч винтовок и две пушки). Атаман Волох пытается в районах западнее Луганска утвердить свою власть, но из Луганска на Дебальцево двинулись белоказаки, а с севера — отряды Красной Армии под командованием левого эсера Сахарова. С юга Волоха беспокоили своими наскоками махновские отряды. [209]

В это время Симон Петлюра, главком армии УНР, ищет выход из кризисной ситуации «войны против всех». Он приказывает Болбочану связаться с донским атаманом с целью заключения военного союза против большевиков. Однако глава Директории Винниченко и премьер УНР Чеховской выступали против всяких союзов с «белым Доном», и Петлюре приходилось подготавливать переговоры в строжайшем секрете, передавая приказы устно. Для противников союза с «белым Доном» переговоры с казаками должны были выглядеть как инициатива Болбочана. Болбочан, «проглотив наживку», вскоре был арестован за «буржуазную политику» и «заигрывание с Доном».

Во время этих тайных интриг Болбочан приказывает Волоху, полк которого стоял в Бахмуте, ближе всех к передовым частям донских казаков, начать переговоры с командирами казаков для обмена делегациями. Но тот категорически отказался выполнить приказ. Волох, в силу своей «революционной сознательности», тогда враждебно относился к «белоказакам» как к «душителям революции». Отказ командира полка подчиняться вызвал резкую реакцию Болбочана: он заявил, что Волох — «большевик» и подлежит аресту. Но приказ Болбочана не так просто было выполнить. Волоха окружали преданные бойцы, спаянные боями и реквизициями, любившие своего командира за то, что он закрывал глаза на многое, когда нарушалась воинская дисциплина.

А между тем власть Болбочана в эти дни сокращалась как «шагреневая кожа». Красная Армия, захватив в январе 1919 года Харьковщину, вынудила части Болбочана отойти на Полтаву. Полк Волоха, оказавшись в окружении, прорывается на станцию

Лозовая. Пробившись через махновский район, гайдамаки Волоха оказываются в Полтаве, а потом отходят дальше на запад — в Кременчуг.

В Кременчуге Волох с несколькими десятками гайдамаков арестовывает главкома Болбочана по приказу Директории. Волоху удается захватить Болбочана в его же штабном вагоне вместе с корпусными полковниками Дубовым, Сильванским, Заградским и Гайденрайхом. Арестованные были переправлены в Киев, в распоряжение Головного атамана. Интересно, что Болбочан таким же образом планировал арестовать Волоха, однако опоздал на несколько часов. [210]

Уже в советское время Волох говорил об «аресте реакционера Болбочана» как о своей главной заслуге перед революцией. В автобиографии он пишет, что «сам, исходя из своих убеждений, арестовал Болбочана... тихо и без одного выстрела», полностью умалчивая о соответствующем приказе Петлюры. Волох утверждает, что к аресту Болбочана его подтолкнуло стремление предотвратить «сползание» к реакции в войсках.

После ареста Болбочана 25 января 1919 года Волох занимает должность арестованного — становится командиром Запорожского корпуса армии УНР. Он сообщает Петлюре: «Современное положение заставило меня арестовать атамана Болбочана с его штабом и вступить во временное командование Запорожским корпусом. Арест был произведен в связи с неудачами под Полтавой, а также недоверием запорожских войск к нему за его ориентацию на Дон». Эта телеграмма — сплошной вымысел. Ведь Петлюра сам приказал арестовать Болбочана...

Волох торжествовал: наконец-то свершилась его мечта стать генералом! Но через несколько дней, после пьянки в честь нового назначения, Волох заболевает тифом и на полтора месяца выходит из строя. Что это были за месяцы! В феврале 1919-го решалась судьба Украины и Директории. Для украинского войска этот месяц был роковым. Большевики захватили Полтавщину, Киевщину, Екатеринославщину. Развал армии и тыла, хаос в экономике, отсутствие союзников — все это привело к потере столицы, к кризису власти, к развалу коалиции Винниченко — Петлюра.

Директория то просила помощи у Антанты, то безуспешно заигрывала с Москвой. Тиф, отсутствие вооружения, продовольствия, некомпетентность командования приводили к переходу целых полков на сторону «красных», способствовали стихийной демобилизации, бегству с позиций. Некоторые части переходили к самоснабжению, что иногда напоминало грабеж.

Петлюра тогда полагался на Волоха, как на воина-демократа,

социалиста, достойного доверия. Он доверил Волоху щекотливое дело ареста командующего Болбочана, который раздражал социалистическое правительство своей независимостью, симпатиями к белогвардейцам, разгромом рабочих организаций. [211]

Возможно, Болбочан проводил антипетлюровскую агитацию в частях и хотел вывести свой корпус на юг, к Одессе, на соединение с французскими и белогвардейскими войсками. Так или иначе, Петлюра приказал не только арестовать Болбочана, но и расстрелять его на месте. Однако Волох, побоявшись ответственности, тайно отправляет арестованного Болбочана в Киев.

Продолжительная болезнь Волоха поставила Запорожский корпус на грань краха. Против Петлюры восстали атаманы Зеленый в Каневе, Григорьев на Херсонщине, Коцур в Черкассах. «Запорожцам» пришлось вести борьбу против своих же украинских крестьян. Корпус не смог сдержать наступление «красных» на рубеже Днепра и отступил в северные районы Херсонщины, оказывая большевистским частям незначительное сопротивление. Корпусом временно командовал атаман М. Данченко, человек безвольный, «авантюрный», слабо разбиравшийся в военных вопросах. Распад корпуса особенно усилился после перехода соседних частей атамана Григорьева на сторону «красных».

В середине марта 1919 года Волох возвращается к командованию Запорожским корпусом. За время болезни он многое передумал и пересмотрел. Комкор почувствовал силу Красной Армии и слабость Директории, а потому и решил быть на стороне победителей, искать союза с недавними врагами и просить новые посты за свое предательство.

К этому времени Петлюра, став главой Директории, создал «правое» правительство из федералистов и социал-самостийников, которое было собрано для того, чтобы «понравиться» странам Антанты и обрести в их лице союзников. «Левый» украинский социал-демократ В. Винниченко был изгнан из Директории за просоветские взгляды. Тогда же 1-я советская армия Украинского фронта ударом на Жмеринку полностью отрезала Запорожский корпус (Южную группу войск УНР — 22 тысячи бойцов) от основной массы войск УНР.

Оказавшись в окружении, командиры и солдаты пришли в отчаяние, не зная, что предпринять. Для Волоха [212] выход был ясен — перейти, по примеру атамана Григорьева, на сторону «красных». Он организует в своем корпусе просоветский ревком Южной группы на Южном фронте войск УНР (ревком находился в

Вапнярке).

Созданным Волохом ревкомом номинально руководил большевик Рыбик. В ревком, куда поначалу вошли атаманы Осмядовский, Загородский, Донич-Донченко, заявил о своей поддержке Украинской советской республики и объявил о совместном с Красной Армией походе против буржуазии. Волох уже видел себя командующим всех «красных» украинских частей, в том числе и войск Украинского фронта, что еще вчера воевали против Запорожского корпуса.

Крестьянский парень Омелько Волох был не только хитер, но и наивен. Все места в советском руководстве были уже поделены, и командующий Антонов-Овсеенко вовсе не «горел желанием» уступать свой пост мало кому известному петлюровцу Волоху.

Волох же стремился к переговорам на «высшем уровне» — с Советом Народных комиссаров Советской Украины. Он был согласен принять в свои части комиссаров, предлагал поставить военную задачу его корпусу, чтобы добить недавних единомышленников — петлюровцев. Комкор стремился поскорее объединиться с частями Красной Армии, надеясь, что его заметят и вознесут на большевистский Олимп.

21 марта 1919 года Волох распространяет среди солдат Запорожского корпуса Универсал (Манифест) с призывом перейти на сторону Красной Армии и поддержать советскую власть в Украине. Чтобы повести «запорожцев» за собой, Волоху пришлось обманывать своих подчиненных. Так, он заявил, что получил информацию о перевороте в Ставке украинских войск и Директории, что главный атаман Петлюра арестован, а лидер Директории Винниченко и армия УНР присоединилась к Красной Армии. Выдавая себя за большевика, он «признался», что сам хотел, еще два месяца назад арестовать Симона Петлюру и перейти к «красным».

В то же время Волох связался с украинскими эсерами, «независимыми» украинскими социал-демократами, большевиками Правобережной Украины. Вапнярский ревком стремился утвердить себя как «правительство», объявил [213] войну Директории и стал искать контакты с правительством Советской Украины. Но неожиданно для Волоха подконтрольный, казалось бы, ему ревком избрал командующим своим «советским войском» — Запорожским корпусом Федора Колодия, дворянина, опытного военачальника, который закончил Академию генерального штаба и был генералом еще с 1916 года.

Волох сразу же стал конфликтовать с Колодием, заявив, что последний — «скрытый белогвардеец», хочет завлечь корпус в район, занятый интервентами, а затем сдать его в плен врагу.

Интриги Волоха принесли желаемый результат: Колодий был отстранен от командования, и Волох вернул себе власть над «советским запорожским войском».

Вызвав офицеров Запорожского корпуса в штабной вагон, Волох окружил вагон личной охраной и направил на него несколько пулеметов. Под страхом немедленного расстрела, он принудил офицеров корпуса, загнанных в ловушку, подписать свой Универсал о союзе с Красной Армией.

Но не долго он торжествовал...

Через несколько дней выяснилось, что советское руководство вовсе не приняло в расчет «атаманское раскаяние» и заверения Волоха в преданности. Командование Красной Армии предложило без каких-либо условий сдать все оружие корпуса, сменить командный состав и развести «запорожцев» по отдельным соединениям. Волох еще не успел решить, как отнестись к этому демаршу большевиков, когда выяснилось, что два куреня «запорожцев» уже перешли на сторону «красных». В этих куренях чекисты немедленно расстреляли офицеров, арестовали недовольных солдат и распределили остальных «запорожцев» по отдельным советским полкам.

Узнав обо всем этом, Волох потерял самообладание и впал в панику. Он понимал, что «красные» его немедленно расстреляют, окажись он на советской территории. Бросив корпус, с несколькими доверенными лицами Волох уехал в Бирзулу (Котовск), надеясь «договориться» о союзе с французскими частями, что занимали Причерноморье. Однако связь с командованием интервентов через Бирзулу была прервана. Несмотря на отсутствие каких-либо договоренностей [214] с «французами», Волох решает увести окруженный «красными» корпус в занятую французами Одессу.

Офицеры Запорожского корпуса почувствовали себя заложниками бездарного и непредсказуемого командующего-авантюриста. Волох успел вывести части на одесское направление, однако с севера, востока и юга все пути были перекрыты «красными» и частями атамана Григорьева, который тогда «верой и правдой» служил большевикам. Кольцо окружения сужалось. Единственный путь спасения вел на запад, к Днестру, к румынской границе.

Командиры «запорожцев» в момент отъезда Волоха в Бирзулу решают самостоятельно искать выход из ловушки. Часть корпуса (пять полков) пытается пробиться на юг. У Балты «запорожцы» громят отряды григорьевцев. Однако сильный заслон у станции Раздельная и сообщение о захвате атаманом Григорьевым Одессы вынуждают окруженных повернуть на Тирасполь.

В это время недалеко от Тирасполя, в Бирзуле, Волоха арестовывает «отдельная группа» украинских войск, во главе с атаманом Трифоном Янивым. Этот атаман, решив заманить Волоха в расположение своей группы, заявил, что поддерживает волоховский Универсал. Явившийся к «союзнику» на переговоры Волох был арестован.

Наиболее преданные Волоху части — «Червоны гайдамаки» и «Куршь Холодного Яру» — потребовали немедленного освобождения Волоха. Но в Бирзуле он предстал перед судом украинских командиров, на котором присутствовал товарищ министра иностранных дел УНР Бачинский. Волоха сняли со всех должностей и вынудили подписать обязательство больше не вмешиваться в военные и политические дела. Сторонники Волоха были разоружены и рассредоточены по частям. Командиром Запорожского корпуса избрали инициатора выступления против Волоха — полковника Дубового.

В начале апреля 1919 года Дубовой решает вывести остатки Запорожского корпуса через Румынию в западные районы Украины, надеясь воссоединиться на границе Румынии и УНР, в Подолье, с войсками Петлюры. Между тем разжалованный в простые гайдамаки Волох не унимался и призывал «запорожцев» не переходить в Румынию, ругая последними словами новое руководство корпуса. Не [215] раз изменивший Родине, он обвинял Дубового в «продаже Украины», в связях с «румынской буржуазией», заявлял, что в Румынии гайдамаки окажутся в лагерях для военнопленных. Дубовой приказал игнорировать выступления Волоха, а гайдамаки освистывали агитационные речи Волоха, в которых он снова ратовал за переход на сторону Красной Армии. Но сам-то Волох не пошел сдаваться «красным». Он прибился к штабному эшелону «запорожцев» и одним из первых переехал через румынскую (молдавскую) территорию в Галицию, где находились украинские войска.

Румынские власти после консультаций с представителями Антанты пропустили «запорожцев» (около 8 тысяч человек) через Молдавию, предоставив им 80 железнодорожных эшелонов, но разоружив корпус. Большое количество винтовок, пулеметов, пушек было потеряно для украинского войска. Таким оказалось следствие шатаний атамана Волоха, следствие потери драгоценного времени, отказа от контрнаступления и даже обороны. Развал Днепровского и Южного фронтов армии УНР в январе — марте 1919 года был делом рук атаманов, в том числе и Волоха, атаманов, которые хотели купить себе «гетманскую булаву», предавая Украину и своих боевых товарищей. Не повезло Украине с атаманами...

Удивительно, что Петлюра, несмотря на предательство Волоха, освободил последнего из-под формального ареста, которому подвергли его вчерашние подчиненные — «запорожцы». Петлюра тогда еще считал Волоха своим личным другом и способным организатором, правда иногда заблуждавшимся. Хотя для гайдамаков Запорожского корпуса, соратников Болбочана, переживших измену командира, Волох стал враждебной фигурой, Петлюра приняв в своей Ставке Волоха, предложил ему возглавить 6-ю дивизию (1-ю Запорожскую) армии УНР, в которую вошли частично гайдамаки бывшего Запорожского корпуса.

Узнав о назначении Волоха, офицеры-»запорожцы» подняли мятеж, угрожая убить Волоха. Но тот оказался хорошо проинформированным о случившемся в дивизии. Не дожидаясь самосуда, он, бросив пост комдива, бежит из Почаева, где размещалось соединение, в Каменец-Подольский. [216]

Мечта стать командующим не покидает Волоха даже в столь трудные минуты, и он «выбивает» у Петлюры новое высокое назначение — Главкома повстанческих войск Украины — командующего всеми повстанческими петлюровскими отрядами, что действовали в тылу Красной Армии (около 70 отрядов, численностью до 30 тысяч повстанцев). Это было губительное для повстанчества назначение, так как Волох не мог ужиться с многочисленными партизанскими атаманами, особенно с такими влиятельными, как Тютюнник и Зеленый. При покровительстве Петлюры Волох создает повстанческую дивизию, что стала носить название «Вторая Запорожская Сечь».

В конце мая 1919 года дела приводят Волоха в Киев. Там его арестовывает ЧК, но при загадочных обстоятельствах он бежит из тюрьмы и возвращается в расположение петлюровского войска. Возможно, обещанием сотрудничества с ЧК Волох купил себе свободу.

Позднее Волох писал, что уже тогда, «прячась, читал большевистскую литературу», потому и утвердился в мысли о правоте большевиков и вернулся в войска Петлюры с твердым намерением поднять восстание против Директории.

В июне 1919 года он обратился к бывшим «запорожцам», призвав их покинуть войска Директории УНР и присоединиться к «левым» повстанцам. Это был второй бунт Волоха против своего покровителя. Под Проскуровом взбунтовавшиеся повстанцы убили командира полка Виноградова, который пытался воспрепятствовать переходу «красных» гайдамаков на сторону Волоха. Присоединившиеся к Волоху перестали выполнять приказы Петлюры и ограбили базу снабжения армии УНР в

местечке Миколаев. К числу «подвигов» бунтовщиков можно отнести и страшный еврейский погром, и разоружение 1-го полка «сечевых стрельцов армии УНР в Староконстантинове, и арест командира «стрельцов».

В критической для фронта УНР обстановке по вине Волоха между частями армии УНР вспыхнуло настоящие сражение. «Левые» гайдамаки и повстанцы воевали против [217] «правых» запорожцев и стрельцов. Дабы не допустить крушения фронта, Петлюра решил уладить дело миром. Он выделил из других формирований армии красных гайдамаков и возродил 3-й гайдамацкий полк, в котором начинал свою революционную карьеру Волох. Вскоре этот полк вырос в бригаду, которую возглавил атаман Волох. Эти гайдамаки были поставлены в привилегированное положение личной гвардии Петлюры и пользовались всеми преимуществами тыловой, сытой жизни.

Очевидцы оставили нам описание наружности атамана Волоха: «широкое лицо с задиристым выражением», «угрожающий взгляд», «человек огромной силы, высокий, атлетического сложения». «Своим внешним обликом, — писал современник, — он напоминал давних московских бунтарей Пугачева и Разина... широкая борода лопатой, маленькие глаза... голова с колтуном волос».

Одевался атаман очень просто и неряшливо: серый жупан, гайдамацкая шапка, нечищеные сапоги, расхристанная рубаха и всевозможное оружие за поясом. «Волох — стихийный человек, хваткий, как тип ловцов-индейцев Ф. Купера, упрямый и неукротимый, как Тарас Бульба, бунтарь, готовый бороться против всех и вся... был неофициально признанным вождем всего того, что было анархично-бунтарского, принципиально никому не подчинявшегося в армии...»

Волох поддерживал себе подобных — крестьянских бунтарей и ненавидел офицеров-интеллигентов. Он ставил на гайдамацкую голытьбу и социальный протест. Антисемитизм был слагаемым идеологии атамана. Недаром его гайдамаки были организаторами печально знаменитой проскуровской резни-погрома.

Осенью 1919 года украинское войско после героического похода на Киев снова оказалось в плачевном состоянии. Поляки, «красные» и «белые» зажали армию УНР в «треугольнике смерти», в глухой Волыни. Под властью Директории оставалось только несколько уездов. Белогвардейцы, казалось, вот-вот задушат последние очаги сопротивления украинских войск. Роковым ударом стала измена Галицкой армии (УГА), которая перешла на сторону Деникина. Армию УНР душил тиф, не было

продовольствия, боеприпасов, медикаментов. К концу ноября она [218] сократилась до 20 тысяч воинов, из них более половины составляли больные и раненые.

Сторонники УНР были дезорганизованы и удрученны поражениями. Усилились симпатии к атаманщине. Владимир Винниченко писал в середине ноября 1919 года: «...появилась ориентация на повстанцев Махно, Ангела и так далее... Махно — национальный герой. Во всяком случае его кандидатура на эту должность очень симпатична для наших бедных дипломатов».

Волох снова нутром почуял обреченность сопротивления петлюровцев. Он готовит новый заговор. На совещании командиров в местечке Чорторый атаман протестует против плана отхода войск на территорию Польши, предлагает Петлюре оставить пост главнокомандующего армией УНР, требует сместить правительство УНР. Офицеры, присутствовавшие на совещании, хотели тут же застрелить Волоха. Однако Петлюра предотвратил расправу, но вскоре об этом горько пожалел. Когда армия докатилась до местечка Любар, агитация Волоха против Петлюры стала еще активнее. В это время Волох решает окончательно перейти на сторону «красных», но не с пустыми руками, а выдав Петлюру большевикам и развалив остатки армии УНР.

Новый заговор Волоха поддержали «разочаровавшиеся»: атаман Божко, командир волынских повстанцев атаман Данченко, партийцы-боротьбисты. Причем боротьбисты-коммунисты предложили свои услуги в деле переговоров с большевиками. Более трех тысяч человек из трех полков при 7 пушках собрал заговорщик Волох под свои знамена, объединив их в Революционную Волынскую повстанческую бригаду. Для дальнейшей легализации своего положения в Советской Украине, Волох создает Волынский повстанческий комитет и ревком, куда вошли повстанцы, большевики и боротьбисты.

Подняв красный флаг на центральной площади местечка Любар, Волох направляется в штаб армии, чтобы арестовать Петлюру. Но тот за час до мятежа выехал из местечка по направлению к польской границе. Все же Волоху удается захватить часть казны армии и республики, которую не успел вывезти Петлюра. Разгромил Волох и охранную сотню штаба, часть бойцов которой перешла на сторону мятежников. [219]

Позднее о судьбе «казны УНР» Вол ох напишет, что на эти немалые деньги «мои повстанцы существовали аж до объединения с Красной Армией» — около двух месяцев. Хотя известно, что волоховцы частенько «кормились» реквизициями, нападали на сахарные заводы и государственные склады. А

действительная судьба казны так и осталась неизвестной...

Для переговоров с советской властью Волох и его ревком посылают делегацию в штаб ближайшей, 12-й армии советских войск. Делегация везла предложения Волоха: союз с Красной Армией на правах отдельного, автономного «Корпуса красных казаков-гайдамаков» или «Корпуса красных повстанцев Правобережья», с комиссарами из Украинской коммунистической партии. По началу советское командование согласилось с этим предложением, приказав Волоху привести свои части в район Мозыря (Белоруссия) для отдыха и реорганизации. «Красные» планировали вывести вчерашних петлюровцев с Украины и этим облегчить задачу их разоружения. Но на полдороге, под Житомиром, советское командование потребовало от Волоха сдать руководство повстанцами и разоружить повстанческую бригаду.

Волох еще не знал, что Троцкий в декабре 1919-го издал приказ «О мерах по борьбе с партизанщиной в Красной Армии», по которому воспрещалось принимать в действующие части партизанские отряды. Повстанческие отряды рассматривались только как «материал для переработки», из которого «изымались неугодные» и «командный состав обновлялся».

Это требование привело к новой смене настроений атамана. Волох, призвав своих повстанцев к борьбе против «коварных большевиков», ведет их на Житомир — «биться с красными». Не в состоянии овладеть Житомиром, Волох отводит свои отряды в район Черкасс. В январе 1920 года он уже пытается вернуться под знамена Петлюры. Но на этот раз республиканские вожди категорически отказали Волоху, заявив, что рассматривают его только как врага и предателя.

Оказавшись в полной изоляции, в окружении врагов, части Волоха стали самодемобилизовываться, проще — разбегаться. У местечка Пятки от Волоха ушел атаман Данченко с волынянами. Волох пытается найти выход из ситуации. [220]

Вместе с боротьбистами{8} он создает новый ревком Правобережной Украины для того, чтобы через него выйти на руководство Советской Украины. Но никто не протянул руку мятежному атаману. Он стал ненужной, слишком незначительной фигурой, предводителем шайки с политической окраской. Теперь десятки атаманов были гораздо влиятельнее, чем он.

Таблица. **Повстанческое движение в Украине и его лидеры. Январь — сентябрь 1920 г.**

Район дислокации и действия отрядов Атаман Количество повстанцев Политическая направленность Киевская губ., северные уезды Ю. Мордалевич Артеменко («Орлик») И. Струк 1000 150 »

1000 «самостийная» Киевская губ., южные уезды (Чигирин-Холодный Яр-Звенигородка-Корсунь) «Лисица» В. Чучупака С. Коцур К Пеструшко («Блакитный») Т. Бабанко («Голый») М. Голик («Зализняк») И. Лютый («Гонта») Я. Щирыця («Мамай») Фесенко «Туз» Несмеянов 200 2000 3000 1000 500 300 300 200 300 300 200 «самостийная» анархистская «самостийная»

боротьбист.» «боротьбист.» анархистская Киевская губ., Уманский уезд А. Волынец Миргородский Чайковский Деревьяга 600 400 300 200 «самостийная» Волынская губ. П: Филоненко 300 «самостийная» Подольская губ. П. Хмара Я. Шепель Я. Гальчевский («Орел») А. Заболотный Коваль «Подкова» 400 2000 800 2000 200 200 «самостийная» Херсонская губ., северные уезды А. Гулий-Гуленко М. Мелашко Я. Кощевой С. Гризло Л. Завгородний К. Колос Гулько Ф. Хмара 700 300 500 300 200 250 200 200 «самостийная» Херсонская губ., южные уезды Келлер Скляр («Черный ворон») Солтис Я. Бондарук («Лихо») Гуляй-Вида «Сокол» Стротиевский Пшенник 300 800 150 200 300 200 150 1500 белогвардейск. анархистская «самостийная» Екатеринославская губ., правобережные уезды Клепач Гладченко Живодер Иванов 1000 200 300 250 «самостийная» анархистская анархистская Екатеринославская губ., левобережные уезды Махно Огарков Ф. Кожа Каменюк Бурлака 5000 — 8000 300 300 500 200 анархистская Северная Таврия В. Белаш В Куриленко Глазунов 700 1300 200 анархистская Полтавская губ. Левченко Ромашко Калиберда Ивченко Брова Иванюк Аненков («Черный») 500 500 1000 300 300 200 200 «самостийная» анархистская Черниговская губ. В. Шуба «Маруся» Галата Ходько «Добрый вечир» 700 500 500 200 200 анархистская «самостийная» Харьковская губ. Двигун Г. Савонов Шаповал Терехов-Терезов Сирошапка 200 300 200 200 200 анархистская «самостийная» В таблице приведены некоторые данные, дающие общее представление о повстанческом движении в Украине в январе — сентябре 1920 года.

Таблица составлена по материалам ЦГА ВОВ Украины, ф. 1,2, 2360, 3204. Приведенные в ней имена атаманов составляют примерно 1/5 от их общего числа, названы преимущественно атаманы крупных повстанческих соединений. [222] Можно говорить всего о 180–200 повстанческих отрядах, воевавших против «красных» и «белых» в 1920 году.

Спасаясь от преследования советских и белогвардейских частей, Волох ведет свой отряд на Подолье. Под Липовцем он выдерживает бой с отступавшими белогвардейцами, под Ладыжиным — новый бой против «белой» бригады генерала Бредова. Большая часть гайдамаков Волоха бежит от своего атамана к появившимся у Умани украинским войскам,

возвращавшимся из Первого зимнего похода частей УНР. Эти части ведет атаман Юрко Тютюнник — старый недруг Волоха. Тот пытается разгромить отряд Тютюнника, дабы заслужить одобрение большевиков.

В середине января Волох захватывает Умань у войск УНР и позволяет местным большевикам создать в городе аппарат советской власти. В феврале 1920 года Волох добровольно сдает Умань Красной Армии, причем добивается от советского командования принятия в состав 60-й советской стрелковой дивизии своего отряда, на правах отдельного батальона, и своего зачисления в штат 12-й советской армии.

Но уже через несколько дней службы в Красной Армии Волох был отстранен от командования батальоном и вызван в Киев. Командование опасалось, что Волох может в любой момент снова изменить... В марте 1920 года его отозвали в распоряжение Юго-Западного фронта и назначили командиром роты 3-го запасного полка в Харькове. Карьера его закончилась. Совершив круг, он вернулся к своему положению в 1915 году. Только благодаря усилиям партии боротьбистов, которая пошла на компромиссы с большевиками и добилась некоторого влияния в Харькове, Волох не оказался за решеткой и был «легализован» в Советской Украине.

Осмотревшись, «военный специалист» стал просить более ответственную командную должность. В сентябре 1920 года усилиями тех же боротьбистов Волох, расстрелявший десятки коммунистов, был принят в коммунистическую партию. Коммунисты знали, что вреда украинскому [223] движению он принес неизмеримо больше. «... Громадный, рыжий, с малоинтеллигентным, со следами оспы лицом он напоминал тип фельдфебеля...» — вспоминал современник. Такие исполнители были нужны молодой власти.

С 1920 по 1930 год Вол ох сменил множество командных постов, постепенно превратившись в обыкновенного партийно-советского бюрократа средней руки.

Его новая гражданская карьера началась с «должности заместителя заведующего отделом Наркомзема Центрального союза сельской бедноты в Харькове. Позже Волох работает агитатором (!) в агитпоезде ВУЦИК УССР им. Ленина, который курсировал по Украине под руководством Григория Петровского (главы ВУЦИК). Этот поезд навещал и «бандитские» махновские районы, и бывший атаман повстанцев Волох «открывал» крестьянам глаза на всю тщетность сопротивления властям.

В 1923–1925 годах Волох становится заведующим приемной председателя ВУЦИК Г. Петровского. Волоху удается завоевать

доверие начальства, ему поручают ответственные задания. Это было время расцвета «украинизации», когда на «Советы» работали вчерашние враги: М. Грушевский, С. Ефремов и Ю. Тклюнник. Волох был в курсе всех тайн власти, и казалось, что его цепкая рука вот-вот захватит «лакомый кусочек» и будет он заседать где-то в исполкомах или обкомах.

Но в 1925-м последовали опала и частая смена кресел. Прошлое хотелось забыть, но о нем помнили другие. После ряда переводов и чисток наш «герой» оказывается в руководстве то Госстраха Украины, то Кооперативного строительного Союза, побывал он и директором научного института при Главном дорожном управлении (не имея, при этом, никакого технического образования). В 1928–1930 годах Волох принимает активное участие в кампании хлебозаготовок и коллективизации, силой заставляя крестьян вступать в колхозы. Бывший бандит избирается секретарем комячейки, членом бюро первичной партийной организации. Последнее место работы несостоявшегося атамана — председатель бюро шоферского профсоюза.

В мае 1933 года аппарат репрессий заинтересовался Волохом, и он был арестован по делу «Списки визволення Украпни». На следствии своей вины он не признал и утверждал, что подпольной деятельностью после [224] января 1920 года не занимался. Хотя как знать... были обвинители и доказательства. Чекисты искренне считали Волоха заговорщиком-лидером Харьковской украинской военной организации, которая, якобы, планировала террор и восстание в Украине. Было найдено письмо Волоха некоему П. Солобуду в Москву, в котором Волох обличал политику большевиков. На следствии приводились его призывы к восстанию в Украине и заявление о том, что Ленин был «немецкий шпион». Обвинялся Волох и в «связях с контрреволюционером Шумским». Однако Волох на суде 23 сентября 1933 г. заявил «тройке», что не согласен с обвинением суда, возмущался, что «марксисты бросили в тюрьму марксиста». И он получает «свои» 10 лет лагерей по статье 54/11. Волох оказался в одиночной камере Соловецкого концлагеря как «весьма опасный контрреволюционер». Через четыре года, в роковом октябре 37-го, во время уничтожения в лагерях украинской интеллигенции его расстреляют. И прах авантюриста Волоха смешается с прахом выдающихся деятелей «украинского возрождения» — писателей, режиссеров, актеров, художников — П. Кулиша, С. Рудницкого, А. Курбаса, М. Вороного, Н. Зерова, Ю. Мазуренко и других.

Об атамане Божко известно меньше, чем о Волохе. В

исторических трудах можно найти всего несколько кратких упоминаний о нем, да еще некоторые сведения о Божко содержатся в очерке М. Середы, опубликованном в журнале «Лєтопис червоноп калини» (1930, №1), что издавался в Галиции, оккупированной поляками.

Ефима Божко судьба-злодейка связала крепкими узами с атаманом Волохом, который в 1919-м приговорит его к смерти. Но в 1917-м для Божко все начиналось хорошо. Молодой тридцатитрехлетний подполковник инженерных войск царской армии, участник мировой войны с радостью встретил революцию. В конце 1917-го он записался в армию УНР, почувствовав, что ему суждено стать гетманом Украины. Божко находится со своей частью в Киеве и принимает участие в боях против осаждавших столицу войск Муравьева. [225] Но после ликвидации Центральной Рады и гетманского переворота Божко осознал, что место «ясновельможного гетмана Украинской державы» уже занято Павлом Скоропадским.

Бывший боевой офицер, георгиевский кавалер Божко был явно «обижен» новой гетманской властью, которая смогла предложить ему лишь пост начальника охраны железной дороги Екатеринослав — Синельникове. В его распоряжении была только охранная сотня, а непомерные амбиции подталкивали к решительным действиям.

В 1917–1918 годах в Украине много говорили о реставрации казацких порядков. Как грибы после дождя появлялись «вольное казачество», гетманская власть, гайдамаки, есаулы... все как в XVII веке, когда кровь лилась рекой под шашкой казацкой. Уроженец запорожских степей, Божко ощущал себя персонажем, сошедшим с полотен Репина. В противовес власти гетмана он решил возродить Запорожскую Сечь, как независимую военно-территориальную структуру с милитаристской властью. Божко требовал тогда у директора Исторического музея Екатеринослава (Днепропетровска), известного историка и собирателя казацких древностей Дмитрия Яворницкого, прислать ему для «своей» Сечи запорожские реликвии и казацкое Евангелие, чтобы возродить давний блеск казачества.

В ноябре 1918 года Божко собирает несколько десятков единомышленников, которые провозглашают его кошевым атаманом «Новой Запорожской Сечи» — верховным правителем Запорожья (территория с невыясненными границами) и казацкого войска. Божко «со товарищами» решают поднять восстание на Екатеринославщине против гетмана Скоропадского. Им кажется, что тот недостаточно демократичен и недостаточно любит Украину.

Захватив арсенал с оружием, принадлежавший охране железных дорог в Екатеринославе, Божко вооружает две тысячи восемьсот повстанцев. Кроме винтовок, они также «находят» одиннадцать пулеметов, шесть пушек и бронепоезд. К Божко примкнули и несколько кадровых офицеров гетманской армии, в их числе и поручик князь П. Оболенский. Со своими повстанцами Божко выбивает остатки гетманского 8-го корпуса и «добровольческие отряды» из Екатеринослава. [226]

В декабре 1918 года вольница Ефима Божко обосновалась на острове Хортица на Днепре, где в XVI веке князь Дмитро Байда — Вишневецкий построил первую Запорожскую Сечь. Хортица занимала выгодное стратегическое положение у города Александровска (Запорожье), и Божко мог контролировать, находясь на Хортице, не только передвижения по Днепру, но и весь Александровский уезд.

Однако у Александровского уезда уже был хозяин — крестьянский вождь, авторитет которого вот уже год был непререкаем, — батька Нестор Махно. В конце 1918 года Нестор Махно захватывает губернский центр Екатеринослав. «Сечь» Божко выступает против запорожского батьки, что на несколько дней, стал Главнокомандующим советской революционной армией Екатеринославского района.

1 января 1919 года казаки Божко совместно с регулярными петлюровскими полками — подразделениями атаманов Гулого-Гуленко и Самокиша — с боем, выбили махновцев из Екатеринослава. Тогда Божко «временно политически определился» — решил поддержать Директорию УНР. Но события развивались с молниеносной быстротой, и уже через дней двадцать «красные» с востока подошли к Киеву, а сама Директория начала разваливаться.

Божко решает пробиться с боями к Киеву, на защиту осажденному советскими войсками городу. Однако на станции Знаменка эшелоны с его воинством были остановлены восставшими против Директории УНР отрядами во главе с атаманом Вирко.

Но рядом со Знаменкой, в Кременчуге, еще держались отряды Директории УНР — гайдамацкие формирования «запорожцев» атамана Волоха. После того как отряд Божко пробился с боем в Кременчуг, Волох вызвал кошевого атамана к себе в штаб и арестовал его. Объяснимой причины этого ареста не было. То ли Волох усматривал в Божко серьезного конкурента на власть, то ли посчитал Божко «красным», то ли просто хотел присоединить его отряд к своему… Не помогло даже общее боевое прошлое. Год назад, в январе 1918 года, Божко, тогда сотник армии УНР,

вместе с Волохом оборонял Киев от «красных» войск Муравьева.

Однако атаман Божко был предусмотрительным человеком и знал норов Волоха. Он приказал своему командиру артиллерии начать обстрел штаба Волоха из всех 11 пушек «сечевиков» [227] в случае, если он, Божко, не вернется из штаба Волоха через 5 часов. После того как заговорила артиллерия, Божко был немедленно освобожден. Волох понимал только силу… Вернувшись к своим казакам, Божко решил не выступать на антибольшевистский фронт против «красных», а уйти в «спокойный район» — вглубь Украины, в район Балты, где не было соединений «красных» или петлюровцев и можно было спокойно создавать новое «запорожское» общество.

Божко мотивировал бегство с позиций необходимостью пополнить свой отряд и закончить формирование «Сечи», но причина его бегства была другая: он разочаровался как в политике Петлюры, так и в защитниках Директории УНР типа Волоха. Есть свидетельства того, что Божко был взбешен известием об аресте генерала Болбочана, в котором он видел объединяющую силу и талантливого военачальника.

Создание «Сечи» Божко в уездном местечке Балта в феврале — апреле 1919 года напоминало съемки исторического фильма, действие которого происходило в семнадцатом столетии, маскарад или спектакль «Запорожец за Дунаем». Быт божковской «Сечи» воспроизводил быт казаков Хмельничины. Сам Божко писал гусиным пером, приказал всем казакам брить головы, отращивать «осэлэдэць» и длинные висячие усы. Атаман ввел единую форму «Сечи»: высокая меховая шапка со шлыком, жупан со стоячим воротником и большими пуговицами, широкие шаровары и широкий пояс. Казакам Божко запретил играть в карты, пьянствовать, грабить, за что были введены телесные наказания «канчуками» (плетками).

Генерал армии УНР Н. Капустянский в книге «Похід українськоп армії на Кіпв — Одесу в 1919 р.» так описал Божко: «… интересная личность, типичный атаманчик высокой марки, к тому же не вполне нормальный, мечтал о гетманстве, естественно, что во главе с собой… За Божко носили булаву (он ее взял из музея имени Поля в Екатеринославе), и он совершил множество разных чудачеств… Его окружал целый отряд авантюристов».

Из Балты Божко стремился контролировать местечки Брацлавщины — Бар, Умань, Саврань, Кодыму и районы Одессы — Ананьев и Бирзулу. Сам Божко в ту пору не признавал никакой власти и говорил, что «стал атаманщиком первой категории, как Петлюра!» Контролируя довольно [228] большой и

отдаленный от крупных городских центров сельскохозяйственный район, Бежко вступил в острый конфликт с местным крестьянским «атаманом Савранских лесов» Заболотным.

Атаман Заболотный весной 1919 года поднял восстание в районе Саврани. Он собрал полторы тысячи повстанцев и опирался на поддержку местного населения, которому надоели поборы и реквизиции новой «Сечи». Заболотный повел повстанцев против Божка и осадил Балту. Несколько дней длился штурм Балты. Повстанцы Заболотного даже врывались в местечко, но казакам «Сечи» удалось выстоять и утвердить свою власть над регионом.

В начале апреля 1919 года «Сечи» Божко пришлось столкнуться с более сильным противником, нежели Заболотный, атаманом Херсонщины и Северной Таврии Григорьевым. В то время Григорьев со своим воинством служил в Красной Армии комбригом. Его части ударили по Божко с запада, а регулярные части Красной Армии с севера «выдавливали» казаков из Украины. Божко решает бежать по пути, недавно проложенному Запорожским корпусом УНР, и отступить на занятую Румынией землю Молдовы, чтобы через ее территорию пробраться на соединение с войсками Петлюры.

Форсировав Днестр в районе Тирасполя, казаки новой «Сечи» сдались румынским властям, попросив дать им возможность перебраться к району Каменец-Подольского, где еще сопротивлялась армия Петлюры. В мае 1919 года Божко и его воинство перевозятся из Бендер в Черновцы, а далее на Тернополь и Волынь в распоряжение Директории УНР. Петлюра назначает Божко командиром 2-й пехотной дивизии Запорожского корпуса. Эта дивизия формировалась из казаков новой «Сечи», которые смогли добраться до Волыни. Таких оказалось не более 500 человек. (Дивизия практически по численности не дотягивала даже до двух батальонов, но Петлюра понимал, что Божко необходимо сделать генералом для удовлетворения его непомерных амбиций.)

Дивизия Божко принимала участие во взятии Волковыска, Проскурова, Жмеринки. Но вскоре атаман начал проявлять свою независимость и крутой нрав. Петлюра был вынужден заменить его новым комдивом — Добрянским. Но Божко отказался покинуть свой пост комдива и подчиняться [229] приказам Петлюры. Божко снова стал анархиствующим вождем. Он проигнорировал все настойчивые вызовы в ставку Петлюры, предвидя свой арест.

В июле 1919 года, когда полным ходом шла подготовка к походу на Киев и положение армии УНР улучшилось, Петлюра

решает во что бы то ни стало ликвидировать атаманство Божко, сеявшего дезорганизацию и анархию в армии. Контрразведчики армии УНР Миколаенко и Козиев тайно захватывают Божко и доставляют его в штаб Петлюры. Там Божко ставят перед выбором: военно-полевой суд, за которым, возможно, последует расстрел, или отказ атамана от всякой военно-политической деятельности.

Божко должен был выйти из рядов армии УНР и передать оставшихся верными ему триста казаков «Сечи» в распоряжение штаба УНР. Во время этих переговоров Божко, в пылу негодования, попытался выхватить револьвер и застрелить членов штаба. Но начальник штаба армии генерал Васыль Тютюнник выстрелил первым, и попал прямо в левый глаз атаману Божко. Услышав выстрелы, в вагон штаба армии ворвались верные Божко казаки, которые разыскивали своего атамана по всему вокзалу. Им удалось отбить своего командира. Захватив на станции паровоз, казаки молниеносно увезли Божко подальше от штабов и главкомов.

5 августа 1919 года «Сечь» была расформирована, а ее бойцы вошли в состав Киевской дивизии Юрка Тютюнника. Тютюнник тогда мечтал подчинить себе всех повстанческих атаманов. Однако его амбиции привели к развалу «повстанческого фронта». Из его подчинения вышли отряды атаманов Зеленого, Шепеля, Павловского.

К октябрю 1919 года Божко окончательно выздоровел после тяжелого ранения. Потерянный глаз прикрывала черная перевязь. Он стал походить на одноглазого пирата. Атаман не сдается и решает «искать справедливости», опровергнуть наговоры... для чего ищет встречи с Петлюрой.

В октябре положение войск Петлюры уже было иное. Армия УНР отступала под ударами белогвардейцев и численно таяла. Ей, как воздух, необходимы были новые пополнения своих рядов, чтобы выстоять. Этим и объясняется [230] реакция Петлюры при встрече с Божко. Петлюра сказал тогда: «Бог будет судьей, кто из нас пошел против правды, а сейчас снова формируйте Сечь и спасайте дело».

Атаман Божко долго торговался и настоял на том, чтобы после возможного освобождения Украины от «красных и белых» правительство УНР подарит во владение «Сечи» Божко «земли, которые принадлежали когда-то запорожцам»! Петлюра пообещал. Как и месяц тому назад пообещал батьке Махно, в случае общей победы, «автономию Запорожья» под его руководством.

Все это были только обещания, в которые не верил и сам

глава Директории. А впрочем не верил и проситель — Божко. Однако к ноябрю 1919 года он сформировал новый отряд сечевиков в 500 сабель и штыков и поставил его под знамя Директории.

И тогда вновь судьба свела Божко и Волоха — двух авантюристов, рвавшихся к гетманской булаве, топча идеалы своего недавнего прошлого. Волох готовил заговор против Петлюры, не сомневаясь в том, что дни правительства Директории сочтены. Ценой предательства и пленения своего командующего кучка атаманов (Волох, Божко, Данченко) надеялись купить себе не только свободу, но и «теплые местечки» в советском командовании или администрации. Божко, обиженный на «петлюровщину», был готов забыть Волоху старые обиды и поверить «неисправимому» предателю.

Атаманы-заговорщики перешли на «советскую платформу» и подняли мятеж с целью полной дезорганизации армии УНР и пленения ее вождя Симона Петлюры. Им удалось захватить государственную казну Украины и открыть фронт белогвардейцам, которым достались 24 правительственных вагона с архивами, документацией, деньгами, оружием армии УНР. Атаманы продали Украину и «красным» и «белым».

Боясь конкуренции со стороны непредсказуемого Божко, атаман Волох убедил его адъютанта-порученца убить своего кривого командира. В начале декабря 1919 года по приказу Волоха спящий Божко был застрелен из собственного оружия. Убийство своих товарищей по оружию было ступенями карьеры многих авантюристов. «Зарабатывая [231] очки» у большевиков, Волох частенько хвастался тем, что уничтожил «одноглазого националиста Божка».

Историк из США О.Моргун, размышляя над причинами поражения в борьбе за независимость Украины, писал тридцать лет назад: «Полковники» Лысенки или Павлюки на ролях секретных дипломатических эмиссаров, матрос Письменный и солдат Ровинский, как знатоки военного искусства и, наконец, огромное количество «полковников» непосредственно из прапорщиков и атаманов разного калибра и ценности... от доктора Луценка начиная, через Волоха, Волынца, Зеленого, Шепеля, Данченко и на батьке Божко с матерью Сечью, кончая. Все это, жаждущее власти, иногда развращенное и цинично нахальное в своем своеволии, тянуло Петлюру вниз».

Казацкий атаман Коцур (или, как его еще называли, Коцюра, Кацюра, Коцюр) был повторением атамана Волоха, при несколько меньших возможностях для реализации своего «эго», своих амбиций. Он принадлежал к тем местным украинским атаманам,

которые могли претендовать на «Всеукраинскую» власть и довольствовались «царствованием», отдельном уезде, волости или местечке.

О существовании Коцура наша историческая наука молчит: то ли историю его авантюр считают «мелкотемьем», то ли ученые-»патриоты», как когда-то «советские ученые», не хотят даже и упоминать о «предателе». О нем упоминает только Ю.Горлис-Горский в своем документальном романе «Холодный Яр». Изучая уникальные материалы о Коцуре в московском и киевском архивах, я задавал себе вопрос: кем был этот атаман? «Маленьким» Махно, уездным диктатором, патриотом или негодяем? Конечно, у Коцура были нетвердые убеждения, колебался он вместе с крестьянской стихией, а иногда стремился заставить эту стихию «работать» на свои амбиции.

Спиридон Коцур родился в селе Субботов примерно в 1884–1886 годах. Рождение в Субботове, в котором за 300 лет до него родился «отец народа» — гетман Богдан Хмельницкий, в определенной мере обусловило дальнейшую судьбу Спиридона. Это село жило своим славным прошлым, [232] фамильными сказаниями, казацкими думами. В детстве Спиридон впитал, как губка, рассказы о славном восстании казаков против поработителей, и когда в феврале Семнадцатого на фронт, где воевал Коцюр, пришли вести о революции, он стал активным сторонником всех революционных начинаний.

О молодости атамана Коцура сохранились противоречивые сведения. По одним данным, он был сельским учителем, а с 1914 года сражался на Юго-западном фронте и дослужился до прапорщика кавалерии, по другим — еще в 1906–1908 годах он был анархистом-коммунистом, участвовал в ограблениях поездов и террористических актах, за что был приговорен к пожизненной каторге.

Но он еще не знал, что от революции ему нужно. Его завораживала сама демоническая неразбериха, хаос, разрушения, сила массового слома — «сполоха».

Сохранилась фотография атамана: кубанка набекрень, усы, как «у Чапаева», дерзкий взгляд исподлобья и показная удаль сельского вожака… Такие лица часто встречаются на снимках мексиканских революционеров начала века.

Вернувшись с фронта (или с каторги) в родные места, Коцур становится одним из организаторов возрождения в Субботове милицейских отрядов «вольного казачества». В составе чигиринских казаков он служит Центральной Раде — комиссаром Субботова, принимает участие в борьбе с «красными», переходит под «светлую руку гетмана Скоропадского».

Но когда по приказу гетмана казацкие формирования стали разоружать и ликвидировать, Спиридон Коцур пристал к «красным» партизанам, что вели войну против гетманцев в лесах у Чигирина. Сначала Коцур служил в отряде большевика Федора Наводничего. Но уже в ноябре 1918 года создал свой повстанческий отряд и сам стал атаманом. Его отряд совершает военные вылазки из Приднепровья к станциям Знаменская и Бобринская.

Атаман Коцур призывал тогда «вместе с Красной Армией России выбить гетманцев и германцев с Украины и установить на Украине трудовую советскую республику!» В декабре Восемнадцатого отряд Коцура присоединился к всеобщему восстанию под руководством Директории УНР. Созданный им Чигиринский полк вошел в состав повстанческой армии Директории. Но после победы восстания [233] и восстановления Украинской народной республики Коцур возвращает свои отряды к Чигирину и выступает против власти Директории УНР.

В январе 1919 года «батько» Коцур силами своего полка захватывает уездный Чигирин и объявляет о создании независимой «Чигиринской советской республики», с собой во главе. «Чигиринская республика» января — марта Девятнадцатого — уникальное, а иногда и комичное действо революционной неразберихи. Интересно, что тогда в Украине возникло большое количество подобных республик: Переяславская (авантюриста Носаря-Хрусталева), Дерманская (матросов Деревенко и Галата), Млневская (атамана Голого-Бабенко) Здолбуновская, Пашковская, Пригорынская (каменотеса Савицкого), Летичивская (атамана Волынца и матроса Романенко), Высуньская (левого эсера Ефименко), Баштанекая («боротьбистов»)... Волость не признавала никакого государства. Воевала с уездным городом и другими районами, окружив свою территорию окопами и завалами деревьев.

Кацур проповедует одновременно большевистские, анархистские и украинские национальные идеи, и эта «горючая смесь» овладевает умами «республики» с ее 40 тысячами «подданных». В «Чигиринской республике» Коцур был «диктатором», «гетманом Хмелем», «монархом» своей «маленькой страны Чигиринщины» на правом берегу Днепра. Любой его приказ немедленно исполнялся и не подлежал согласованиям, утверждениям. Совет и ревком, созданные в Чигирине, имели формальные, декоративные функции.

Захватив власть, атаман Коцур стал расправляться с неугодными, проводя «атаманский красный террор». Громились поместья и экономии, расстреливались гетманские и царские

чиновники, полицейские, «буржуи». Около 60 человек оказалось за решеткой в маленьком Чигирине. Грабежи «красных казаков» Коцура приобрели такой размах, что в марте в селах Оситняжка и Цыбулево вспыхнуло восстание местных крестьян против «красных чигиринцев». В мае 1919-го атаман Коцур ограбил евреев местечка Златополье.

В феврале 1919 года полк Коцура официально вошел в состав Украинского советского фронта (позже 1-й Украинской советской армии) как 1-й Чигиринский полк. Этот [234] полк в составе советских войск принимает участие в боях против Запорожского корпуса атамана Волоха. В то время Коцур называл себя «большевиком, но не коммунистом» и не был членом какой-либо партии, хотя по своим взглядам был ближе всего к украинским левым эсерам.

В апреле 1919 года Чигиринский полк направляется на Западный фронт, под Волковыск сражаться против армии Петлюры. Но в мае полк бросил позиции и «добежал» до родного Чигирина. Бежал и политком полка, единственный в нем коммунист. Причем во время своего рейда Коцур уничтожал ЧК в уездных городках, по «пути следования» полка.

Полк Коцура вступает в схватки с небольшими советскими гарнизонами. Он призывает «бить жидов и назначенцев». Казалось, советской власти придется оружием подавлять чигиринцев. Но, оказавшись в родных пенатах, Коцур разворачивает свой полк против повстанцев атамана Григорьева — «таких же погромщиков», и выбивает григорьевцев из Субботова и Чигирина. Атаман Спиридон Коцур снова создает «Чигиринскую советскую республику» на платформе «вольных Советов без партийной диктатуры», под красными и черными флагами.

В июне у Красной Армии не было сил выяснять отношения с Коцуром — еще одним мятежником из «медвежьего угла». Пока он сидел в своем Чигирине, его можно было временно не замечать, хотя и объявить «вне закона». (Интересно, что можно было находиться вне закона и в то же время воевать в союзе с Красной Армией, как это делали в июне 1919 года Коцур, Железняков и Махно.)

В июне Коцур во главе своего полка проводит карательные акции против восставших атаманов. У села Мельники произошел кровавый бой между чигиринцами и восставшими Холодного Яра, причем холодноярцы наголову разбили чигиринцев, и те бежали, оставив 80 убитых.

В Холодном Яру, что на север от Чигирина, существовала с начала 1919 года своя «республика» атамана Чучупаки, который

придерживался антисоветской направленности и сочувствовал петлюровцам. В начале 1919-го атаманы Чучупака и Коцур создали общий повстанческий штаб. Но вскоре, в апреле — мае их отношения почему-то резко испортились… [235]

Между холодноярцами и чигиринцами с той поры началась соседская и политическая вражда, которая часто выливалась во взаимные нападения, погромы, грабежи. Инициатором «соседской войны» стал атаман Коцур. Его люди, ворвавшись в село «холодноярцев» Мельники, сожгли хату их атамана Чучупаки. Летом 1919-го атаман Коцур сражался, казалось, против всех — «белых», «красных», петлюровцев и таких известных украинских атаманов, как Ангел, Чучупака, Дьяченко, Гулый-Гуленко и Струк.

В июле 1919 года Коцур предлагает командованию Красной Армии, военный союз, для борьбы против белогвардейцев и «буржуазно-националистических атаманов». Он заявил, что готов возглавить «Украинскую партизанскую армию», и связывал союз с «красными» с возможностью создания «украинской советской республики с границами и независимым правительством». Иными словами, он предлагал большевикам союз несовместимого — крестьянской стихии и большевистской диктатуры.

С июля 19-го Коцур называет свои отряды «Украинской повстанческой дивизией» или «Надднепровским кошем» (в его составе было 4 полка «вольных казаков» при четырех пушках и 23 пулеметах). Однако руководство Красной Армии не только не пошло на этот союз, но и вторично объявило Коцура изменником.

Во время оккупации Центральной Украины деникинцами Коцур вел постоянную борьбу против своего конкурента — атамана Чучупаки за контроль над Чигиринским уездом, а также против белогвардейских частей генералов Слащова и Шиллинга, против Дикой чеченской дивизии.

Осенью и зимой 1919–1920 годов Коцур собирает до трех тысяч повстанцев, создает Чигиринский ревком, подчиняет себе соседних атаманов — Ильченко, Хвещука и Сатану. В ноябре Коцур заключает военный союз с Революционно-повстанческой армией Украины батьки Махно, взяв на себя прикрытие махновского района с севера.

Конники Коцура в середине декабря 1919-го совершают нападения на Елизаветград, Знаменку, Бобринец, Хрестиновку, громя тылы белогвардейских войск. Против его отрядов «белые» бросают чеченскую конницу.

Отряды атамана Коцура вошли в махновский Киевский «среднеднепровский» корпус революционно-повстанческой армии (в него входили еще и отряды атаманов Калиберды, [236] Скирды, Блакитного). Формально командиром повстанческого

корпуса в три с половиной тысячи человек стал Константин Блакитный-Пеструшко.

Большая часть партизан Коцура жила в хатах и представлялась «белым» «простыми хлебопашцами», но по приказу своего атамана, селяне очень быстро забывали о мирном труде и брались за винтовки.

В январе 1920-го большевики вернулись в Приднепровье. Коцур заявляет, что как «борец против белых» приветствует большевиков и будет их поддерживать. Но в марте 1920 года атаман Коцур вновь выступает против «большевистских шарлатанов». Пользуясь прифронтовой неразберихой, он практически возродил «Чигиринскую республику» как островок патриархальной анархии.

Видя его враждебное отношение к большевикам, соседние повстанческие атаманы стали посматривать на Коцура, как на возможного союзника в борьбе против «красных». Старинный недруг Коцура, «атаман Холодноярский» Васыль Чучупака, приезжает в ставку «атамана Чигиринского», требуя присоединения Коцура к Холодноярскому ревкому или ревкому атамана Гулого-Гуленко, что выступили против большевиков в союзе с армией Петлюры. Однако Коцур отказывается от союза и как следствие этого — новое военное столкновение с холодноярцами. Холодно-ярцы тогда укоряли Коцура, что тот «опозорил старую гетманскую столицу Чигирин».

В то же время атаман приказал утопить в Днепре прибывших в Чигирин чекистов и ревкомовцев, которые потребовали переизбрания местного ревкома, что контролировал Коцур, и установления власти большевистской партии. Сводки ЧК «О положении в губернии» констатируют, что «бандитизм в Чигиринском уезде до последних пределов захлестнул всю территорию».

Коцур объявил свои отряды ядром независимой советской украинской армии и просил руководство Красной Армии выдать ему 3 миллиона рублей на комплектование 1-й Чигиринской бригады.

Через неделю красноармейские части, войдя в Чигирин, потребовали разоружения сил «Чигиринской республики». 30 марта 1919 года Коцур бежал, а его отряд был разоружен и рассеян. Где-то в середине апреля тело Коцура было найдено в одном из колодцев, а большевистские агитаторы [237] растрезвонили, что атаман был расстрелян, по приговору Ревтрибунала за «контрреволюцию». Вторая версия гибели Коцура гласит, что атамана «красные» выманили в Знаменку, пообещав орден Красного Знамени, и там, вдали от его повстанцев,

расстреляли. По другим данным, Коцур успел «перебежать к Петлюре», и уже после этого перехода его находит пуля тайных агентов «красного террора».

Повстанцы «Чигиринской республики» уходят в Холодный Яр, где занимают позиции возле легендарного Мотриного монастыря и воюют вместе с холодноярцами против большевиков еще полтора года. Удивительно, что летом 1923 года ЧК — ОГПУ фиксирует в том же Чигиринском районе повстанческий отряд — «банду» атамана Коцюры. Что это? Ошибка? Скорее всего, какой-то очередной авантюрист взял известную на Чигиринщине фамилию для устрашения окружающих.

Многоликий Савинков

Он начал свои показания словами: «Я, Борис Савинков, бывший член Боевой организации Партии социалистов-революционеров, друг и товарищ Егора Сазонова и Ивана Каляева, участник убийств Плеве, великого князя Сергея Александровича, участник многих террористических актов, человек, всю жизнь работавший только для народа, во имя его, обвиняюсь ныне рабоче-крестьянской властью в том, что шел против русских рабочих и крестьян с оружием в руках».

О том, каким был путь, который привел обвиняемого 28 августа 1924 года в зал, где заседала Военная коллегия Верховного суда СССР, и рассказывается в этом очерке.

Борис Викторович Савинков родился в январе 1879 года в Харькове, в семье юриста — потомственного дворянина и писательницы-актрисы. Можно сказать, что свои таланты — писательский и конспиративный — Борис «впитал с молоком матери». От отца к нему перешла склонность к юриспруденции.

Детство Борис провел в Варшаве (большая часть Польши тогда входила в Российскую империю), где его отец стал судьей. В год окончания Первой гимназии Борис Савинков привлекается к расследованию по поводу «беспорядков» в связи с открытием в Варшаве памятника М. Муравьеву-»вешателю» — усмирителю польского восстания. На год Савинков был передан под гласный надзор [256] полиции. Так началась «взрослая жизнь» сына товарища прокурора военного суда.

Поступив в 1897 году в Петербургский университет на юридический факультет, в девятнадцать лет Борис принял участие в студенческих беспорядках, был отчислен со второго курса и снова привлечен к дознанию.

Тогда он исповедовал «мирный» марксизм — «экономизм» и был противником террора. Вскоре он попадает в тюрьму вместе со своим старшим братом, также студентом. А потом разразилась страшная трагедия... Старший брат Бориса, оказавшись в сибирской ссылке, покончил жизнь самоубийством. Отец, получив известие об аресте сыновей, будучи человеком «долга и чести», не перенеся унижения и позора, сошел с ума и вскоре умер.

В двадцать лет Борис женится на дочери писателя Глеба Успенского — Валентине и уезжает за границу, где в течение двух лет продолжает образование в Берлинском и Гейдельбергском университетах.

Надо отметить, что «заразил» Бориса Савинкова революционной «горячкой» не только старший брат, но и его

гимназический друг — впоследствии известный террорист, убийца великого князя Сергея Романова — Иван Каляев.

О дореволюционной жизни Бориса Савинкова написано много и подробно. Да и сам он «грешил» воспоминаниями (журнал «Былое» за 1917–1918гг.). Огромное количество материала о деятельности Савинкова собрано в бывшем архиве Октябрьской революции — ныне Государственном архиве Российский Федерации.

Первый арест, исключение из университета и семейная трагедия не образумили Бориса и через два года, в 1901-м, он снова попадает за решетку, на этот раз по делу социал-демократической петербургской группы «Рабочее знамя» — сторонников Плеханова и Ленина. В то время, несмотря на молодость, он уже ведущий сотрудник газеты «Рабочее дело», один из основателей группы «Социалист», известный марксист и популярный пропагандист в рабочих кружках. Тогда он заявляет, что насилие «недопустимо ни в коем случае и ни для каких целей».

Трудно сказать, как бы сложилась судьба социал-демократа Савинкова, если бы оказавшись в ссылке в Вологде, он не познакомился и не подпал под влияние жившей нелегально в этом городе «бабушки русской революции» [257] Екатерины Брешко-Брешковской. Эта встреча и приводит Савинкова в стан социалистов-революционеров, где кипели кровавые страсти террора.

В июле 1903 года дело Савинкова пересматривают и приговаривают его к ссылке в Восточную Сибирь сроком на 5 лет. Не дожидаясь исполнения приговора, он бежит из-под надзора, легко покидает Россию и оказывается в Женеве, в штаб-квартире недавно организованной партии эсеров. Савинков твердо заявляет руководителям социалистов-революционеров Е. Азефу и М. Гоцу, что хочет стать террористом, убивать «врагов народа», войти в Боевую организацию эсеров.

Азеф — лидер эсеровской партии, глава и один из создателей Боевой организации, вдохновитель террора, одновременно был шпионом-провокатором царской охранки, безжалостно расправлявшийся и со своими товарищами, и с царскими сановниками.

Уже в 1903 году двадцатичетырехлетний Борис Савинков становится заместителем руководителя террористической Боевой организации эсеров и руководителем Московского отдела организации. Он готовит убийства министра внутренних дел В. Плеве и московского генерал-губернатора, великого князя Сергея Александровича Романова. По мнению В. Орлова, Борис Савинков

принял участие в 27 террористических актах.

Однако «творя» террор, Савинков испытывает серьезные сомнения и разочарования… Он пишет жене, что хочет «забыться, то есть не думать, а если нельзя не думать, то хоть не чувствовать, что было». Кошмары преследуют его, расшатывая наследственно больную психику.

Борис Савинков, он же Павел Иванович (партийная кличка), с юности стал асом конспирации. При большом количестве провокаторов в партии он сумел выстоять и своей железной волей сплотить боевое ядро террористов. Он обладал даром убеждения, но порой терял ощущение реальности и тогда чувствовал себя пророком, вершителем судеб.

Кроме «пули» партии, он стал еще и «пером» партии эсеров. По предложению Азефа, Савинков написал устав Боевой организации, усиливший независимость боевиков от ЦК партии эсеров. [258]

Савинков писал, что Азеф «занимал положение капитана корабля, я старшего офицера, именно я сносился со всеми товарищами, был с ними в непосредственном общении, со многими в тесной дружбе. Он (Азеф. — *Авт.),* если так можно выразиться, из своей каюты не выходил, отдавал приказы через меня, вел организацию через меня. Уже поэтому он не мог иметь никакого идейного влияния».

Писатель Куприн позже скажет, что на Савинкова пошел «лучший материал, из которого лепятся авантюристы и конкистадоры: звериная находчивость и ловкость, глазомер и равновесие, великое шестое чувство — чувство темпа, столь понимаемое и чтимое людьми цирка, холодное самообладание наряду с почти безумной смелостью; редкая способность обольщать отдельных людей и гипнотизировать массы; интуитивное умение разбираться в местности, в людях и в неожиданных событиях… излучаемой им жизненной энергии, наверное, хватило бы на тысячу человеческих существований…». Андрей Белый записал по поводу террориста Савинкова: «Таки смелость!»

В 1905 году, в разгар первой российской революции, Савинков был кооптирован в ЦК партии эсеров. А в мае 1905 года, приобретя большую партию револьверов, он по бельгийскому поддельному паспорту выехал в Россию. Цель поездки — убийство киевского генерал-губернатора Клейгельса. Однако провести этот теракт ему не удается…

Уже в сентябре 1905 года Савинков узнает, что его руководитель Азеф — агент полиции. Однако Азефу тогда посчастливилось вывернуться, оправдаться, а к смерти за

провокаторство эсеры приговорили Н. Татарова. Организатором убийства провокатора стал Савинков. Удивляет слепота Савинкова, который до декабря 1908 года не хотел верить в предательство Азефа.

После царского октябрьского манифеста Савинков продолжал настаивать на продолжении террора, вопреки мнению многих лидеров ЦК эсеров. Тогда многие посчитали, что манифест даровал политические, свободы и заложил основы для строительства демократии. Но Савинков увидел тогда в манифесте только тактический маневр царизма. В ноябре 1905 года на заседании ЦК его не поддержал никто, и эсеры приняли решение прекратить террор и распустить Боевую организацию. [259]

В конце 1905 года Савинков действовал в петербургском подполье и был членом Боевого комитета по подготовке вооруженного восстания в столице, руководил столичной военной организацией эсеров. Савинков тогда настаивал на разделе партии на партию агитации и партию террора.

В 1906 году вместе с Азефом он воссоздает Боевую организацию и готовит террористические акты против министра внутренних дел П. Дурново и московского генерал-губернатора Ф. Дубасова. Однако провокатор Азеф срывает эту подготовку.

Непримиримость, огромная энергия, жажда борьбы, приключений, склонность к романтической авантюре толкали его на путь террориста-профессионала. В мае 1906 года Савинков был арестован в Севастополе при подготовке покушения на адмирала Г. Чухонина — главнокомандующего Черноморским флотом. За два дня до военно-полевого суда, исход которого мог быть только один — виселица, он бежит из тюрьмы. Через Румынию и Венгрию добирается до Франции...

После серии неудач и провалов Савинков, разочаровавшись в терроре, выступает за обновление тактики и стратегии партии. Но теперь, после разгона Первой Государственной Думы царем, ЦК эсеров, напротив, решило перейти к террору и подготовить покушение на министра внутренних дел Петра Столыпина.

Из-за разногласий с руководителями эсеров и неудач по созданию нового «Летучего боевого отряда» в октябре 1906 года Савинков уходит с поста одного из руководителей террора. Боевая организация эсеров, отказавшись работать под руководством ЦК, прекращает свое существование в конце ноября 1906 года. На эсеровском съезде Савинков выразил свое возмущение действиями ЦК, который не доверял Боевой организации и игнорировал мнения боевиков.

Но одной из главных подспудных причин расхождений ЦК и

боевиков были денежные вопросы. Террористы очень дорого обходились казне партии. Деньги прилипали к рукам Азефа, который не стесняясь разорял партийную казну, используя ее для личного обогащения. Только за полтора года (1904–1906) Азеф «вынул» из кассы Боевой [260] организации и ЦК около 250 тысяч франков (около 80 тысяч рублей золотом).

Интересно, что и «верхушка» боевиков — Савинков и другие — транжирили «на себя» до 500 рублей в месяц каждый, что составляло тогда огромную сумму. Савинкова часто обвиняли в «барском» положении в партии и в «кавалергардских замашках». Он сам признавался, что для себя он покупал все самое дорогое и не экономил в тратах. Он играл в казино и на тотализаторе, прожигал жизнь в ресторанах... Эта привычка широко жить на партийные «деньги от политики» осталась у Савинкова на всю жизнь.

Согласно «отчетности» убийство Плеве стоило организации 29 тысяч рублей... Словом, эсеры были люди не бедные! Их кровавая «работа» была еще и их «бизнесом».

Всем на удивление, бывший «атаман террористов» выступил с осуждением бесперспективных, антигуманных методов террора и решил навсегда отказаться от «участия в безнадежном предприятии». В 1907 году он фактически порывает с партией эсеров. Одной из причин выхода из партии был серьезный кризис в рядах эсеров, в связи с разоблачением провокаторской роли Азефа.

В 1906–1907 годах Азеф и Гершуни стремились скомпрометировать Савинкова, утверждая, что после нахождения в камере смертников он уже опасался «за свою голову» и страх заставил его отойти от террора. Савинкова обвиняли еще и в «моральном разложении», безнравственности, в увлечении «юбками».

В конце 1907 года он уезжает за границу.

Только в 1908 году Савинков временно возвращается «в строй», приняв участие в подготовке несостоявшегося покушения на Николая Второго на крейсере «Рюрик». Террористы решили осуществить убийство императора во время торжественной встречи корабля в Кронштадте. В июне 1908 года ЦК эсеров решил привлечь к этому теракту Савинкова. Тот, в свою очередь, сумел привлечь несколько русских матросов к планируемому покушению. Крейсер «Рюрик» был построен на верфи в Глазго и именно оттуда выходил в свое первое плавание в Кронштадт. Савинков убедил матросов спрятать на корабле уже в Кронштадте одного боевика, который должен был взорвать палубу во время торжественного смотра или выстрелить в царя. Но Азеф всячески

противился реализации этого замысла, [261] и взрыв или выстрел так и не прозвучал… Азеф продлил жизнь царя еще на десять лет.

Уже после разоблачения Азефа, в 1910 году, Савинков напишет: «Горе наше, быть может, в том, что рост нашего Центрального Комитета и нас, Боевой организации, не превышал роста Азефа».

В то время Борис Савинков выглядел так: «Сухое каменное лицо, презрительный взгляд; небольшого роста, одет с иголочки; не улыбается, веет безжалостностью».

В 1909–1911 годах Савинков воссоздал Боевую организацию эсеров и возглавил ее. Хотя сам он обладал нелегким характером и противоречивой репутацией, было решено, что никто лучше не поставит «работу» террора. В новою Боевую организацию Савинков набирает боевиков ему «лично близких», ужесточает в организации дисциплину, утверждает свои особые, почти диктаторские, полномочия. После разоблачения Азефа последовал целый ряд разоблачений более мелких фигур в эсеровской партии. Партию лихорадило, и в каждом партийце виделся провокатор… Атмосфера всеобщий подозрительности приводила к мысли о возможности роспуска партии.

Во второй Боевой организации эсеров было всего 13 человек, включая самого Бориса и его вторую жену — Е. Зильберберг. На английском острове Джерси боевики создали «динамитную лабораторию». В конце 1909 года большая часть боевиков выехала в Россию «на работу»…

Главной задачей, которою поставили перед собой Савинков и его организация, было убийство императора. Планировались также второстепенные задачи: убийство министра юстиции И. Щегловитова, министра внутренних дел П. Столыпина, великого князя Николая Николаевича.

Но террористов преследовали неудачи. Один из них был арестован, за несколькими велась слежка. Савинкову стало ясно, что его «конспирация» раскрыта полицией, и он отзывает своих боевиков из России. Группа считалась «проваленной», и ее руководитель решает создавать новую организацию. Но возрождению новой группы помешало новое громкое разоблачение в среде боевиков — известие о провокаторстве Кирюхина и самоубийство боевика Бердо, которого «затравили» подозрительные товарищи, и сам Савинков в том числе. [262]

На Боевую организацию партия эсеров затратила за два года около 70 тысяч золотых рублей, однако организация ничем себя не проявила. Боевики спокойно и достаточно обеспеченно жили во Франции, Англии и не стремились к опасной борьбе в России.

Тем временем лидеры партии эсеров пришли к выводу, что

террор не только бесцелен, но и вреден. Было решено свернуть всю террористическую деятельность партии. В конце 1910 года Савинков запишет: «Меня так-таки вышибают. Деликатно, честью просят. По шеям». В обнародованном партией эсеров «Заключении судебно-следственной комиссии по делу Азефа» виновными в атмосфере провокаций, по логике комиссии, оказались все члены Боевой организации, и прежде всего Савинков. Текст «Заключения» ошеломил его. Он немедленно составил протест, который подписали все боевики. Борис Викторович писал, что заключение ССК — «это удар для террора почище Азефа. Знаете, у меня шевелится подозрение, что члены ССК именно и преследовали цель — убить террор. Гадко, противно».

В начале 1911 года Савинков полностью отошел от эсеров и террора.

Еще будучи студентом, Борис Савинков начал писать и публиковать под псевдонимом «Виктор Ропшин» свои декадентские стихи и поэмы. О смерти, любви, ненависти... Псевдоним придумала Гиппиус, имея в виду местность Ропшу, с царским дворцом, где «террористы восемнадцатого века» задушили императора Петра Третьего.

Теперь, пройдя «школу кровопускания», он пишет «Воспоминания террориста» и роман о революционерах-террористах под библейским названием «Конь бледный». В романе, размышляя о необходимости и полезности террора, приходит к выводу о его греховности. В свои 28 лет автор «Воспоминаний» уже ощущал себя личностью исторической.

Борис Викторович живет во Франции, осознав, что спрятаться от охранки и от своих мыслей в России он не может. Он попадает под влияние «мистического народничества», что «занималось» превращением религии в «душу революции», богоискательством. Его друг М. Прокофьев писал, что Савинков «умом дошел до необходимости религии, но не дошел до веры». Его христианские искания, [263] духовная раздвоенность бесили «революционное окружение», что кичилось своим атеизмом. Духовный кризис террориста усилил разрыв с горячо любимой женой, которая уже не могла терпеть его «вздорного» характера, испытывать постоянное чувство тревоги и опасности.

В то время он заводит дружбу с литераторами «крута» Зинаиды Гиппиус, входит в парижскую масонскую ложу.

Новый его роман «То, чего не было» был построен на автобиографической фабуле, в нем он снова отрицательно отзывался о кровавой практике эсеров. Публикация романа до бела накалила отношения Бориса Викторовича с лидерами

эсеров. Да и сам Савинков сознательно шел к разрыву с эсеровским ЦК. Его влекло искусство... Он говорил: «Писать мне необходимо, как птице петь... Я не могу не писать...»

В это время Савинков, неожиданно для своего окружения, сближается с марксистом Г. Плехановым и вместе с ним издает газету «Юг». В те годы, до и после революции, трудно определить политическое лицо Савинкова. Он как ртуть стремится заполнить пустоту, стремится занять свое историческое место.

С началом мировой войны, в 1914 году, Савинков становится активным оборонцем и добровольцем вступает во французскую армию, чтобы сражаться против немцев — врагов России. Вместе с другим видным террористом — Моисеенко, Савинков обратился с открытым письмом к эсерам, призывая на время войны отказаться от открытой борьбы против царя, поскольку эта борьба будет использована для военного разгрома России. В отличие от Ленина, Савинков ставил не на «врагов» — Германию, а на «союзников» — Антанту.

В августе 1917 года в столицах и на фронте усилилась подрывная работа большевиков и анархистов. Законы Временного правительства не исполнялись, а власть начала перетекать к Советам рабочих и солдатских депутатов. На страну, разоренную трехлетней войной, надвигались голод, инфляция, хаос. В довершение всего правительство Керенского начало подвергаться нападкам не только «слева», но [264] и со стороны «правых» сил — сторонников военной диктатуры, «твердой руки», восстановления дореволюционных порядков.

Выразителем интересов «правых» стал генерал Лавр Корнилов, наделенный огромной властью главнокомандующего всеми вооруженными силами страны, глава «теневого» «Союза офицеров». Корнилов рассматривался «правыми» как «кандидат в военные диктаторы» вместо либерального, осторожного Керенского. Многим тогда казалось, что только Корнилов сможет «железной рукой» восстановить порядок в стране и преодолеть революционный хаос.

26 августа Корнилов потребовал подчинить себе все части в Петрограде и двинул на Питер казачьи войска для свержения Временного правительства. Он объявил, что берет всю полноту власти в свои руки. Напутанный Керенский сместил Корнилова с занимаемого поста и объявил мятежником.

В истории корниловского мятежа странной и таинственной выглядит роль Бориса Викторовича Савинкова.

В апреле Семнадцатого, вместе с лидерами эсеров Черновым и Авксентьевым, Борис Савинков возвращается в Россию из эмиграции...

И сразу же он получает влиятельный пост комиссара Временного правительства, сначала в 8-й армии, потом — при Ставке Верховного главнокомандующего. В июне 1917-го он уже — комиссар Юго-западного фронта. Еще через месяц — товарищ (заместитель) военного министра революционной России Александра Керенского.

Савинков лета 1917-го входил в десятку самых влиятельных людей страны. Подруга Бориса, поэтесса Зинаида Гиппиус, писала тогда в дневнике: «... наш Борис по всем видимостям ведет себя молодцом. Как я рада, что он у дел!»

Но несмотря на то, что Керенский продвигал его по служебной лестнице, он не верил Борису. Как то, в сердцах, Керенский бросил Савинкову: «Вы — Ленин, только с другой стороны! Вы — террорист! Ну, что ж, приходите, убивайте меня!»

В июле, когда коалиционное правительство Керенского утвердилось у власти, Савинков становится управляющим военным министерством. Именно он интриговал против главкома Брусилова и продвигал Корнилова на пост Верховного главнокомандующего. [265]

Савинков вынашивал свой план создания сильной армии и «сильной власти» во главе с самим собой и в компании с Корниловым. Он принял непосредственное участие в разработке корниловской программы «мероприятий» в целях утверждения железной дисциплины в армии и в тылу.

Бывший террорист рассчитывал с помощью Корнилова ограничить власть своего «патрона» Керенского и, сыграв на их противоречиях, самому пробиться к рулю власти. Недоверие и интриги царили тогда в Зимнем дворце.

Савинков уговаривал Керенского ввести в столице военное положение, провести реформы в армии, восстановить смертную казнь на фронте и в тылу и арестовать особенно зарвавшихся лидеров большевиков и анархистов. «Действия должны быть самые решительные и беспощадные...» — убеждал недавний революционер. Савинков тогда поверил в «спасительность» военной диктатуры и пытался привлечь на свою сторону «правые казачьи круги».

Видя нерешительность Керенского в обуздании революционной стихии, 9 августа 1917 года он подает в отставку, хотя через неделю после уговоров забирает заявление об отставке. В августе Борис почти ежедневно бывал у четы Гиппиус — Мережковский. В тот день, 9 августа, Гиппиус запишет в своем дневнике;

«Идея Савинкова такова: настоятельно нужно, чтобы явилась, наконец, действительная власть, вполне осуществимая в

обстановке сегодняшнего дня при такой комбинации: Керенский остается во главе (это непременно), его ближайшие помощники-сотрудники — Корнилов и Борис. Корнилов — это значит опора войск, защита России, реальное возрождение армии. Керенский и Савинков — защита свободы...

Савинков понимает и положение дел, — и вообще все, самым блистательным образом... я не вижу, чтобы Савинковым двигало сейчас его громадное честолюбие. Напротив, я утверждаю, что главный двигатель его во всем этом деле — подлинная, умная любовь к России и ее свободе...» Еще через две недели Савинков был отправлен Керенским в ставку Корнилова для переговоров о введении в столице военного положения. Но Корнилов уже не шел на компромиссы, требовал отставки Керенского и его министров, передачи себе всей полноты власти. [266]

Предчувствуя потерю власти, Керенский пошел на союз с большевиками для мобилизации всех революционных сил на разгром мятежных войск. Союз с большевиками стал роковой ошибкой премьера. Поняв, что карты Корнилова биты, Савинков добивается своего назначения петроградским военным губернатором и командующим обороной столицы от войск мятежников.

30 августа — 1 сентября 1917 года мятеж был подавлен стараниями не только Савинкова... Против мятежников, кроме войск правительства, выступили вооруженные дружины красногвардейцев и черногвардейцев-анархистов — будущая армия ленинского переворота.

Солдаты, которых вел Корнилов на столицу, отказались принимать участие в мятеже. Корнилов, Деникин и другие мятежные генералы были арестованы. Хотя Савинков вышел из этой сложной игры победителем, то была «пиррова победа».

Воспользовались победой «злонамеренные» большевики, что на волне «революционной истерии» провели перевыборы и «большевизацию» Советов и фактически узаконили свои вооруженные формирования Красной гвардии.

«Левые» ораторы и «левая» пресса обрушили на Савинкова град обвинений в «подстрекательстве» генералов к мятежу, в сговоре с реакционными силами. «Левые» силы требовали немедленной его отставки. Савинкова изображали как предателя и возможного кровавого диктатора, стремившегося, «потопив в крови» революцию в стране, восстановить монархию. Уже в сентябре 1917 года он был «брошен в жертву левым», лишился всех своих должностей и за «двойную игру» был исключен из партии эсеров, одним из основателей которой он являлся. Керенский, рассматривая Савинкова как своего политического

конкурента, с удовольствием расстался с неугомонным экс-террористом.

Правда, уже через несколько дней после своего «изгнания» он возвращается в «большую политику» как избранный депутат Предпарламента — Временного Совета Российской республики. Тогда же он избирается делегатом будущего Учредительного собрания — «предбанника», как шутил Савинков, и провидчески добавлял: «...предбанника, перед кровавой баней». [267] Он чувствовал, что заигрывания Керенского с большевиками добром не кончатся...

25 октября 1917 года государственная власть оказалась в руках большевиков. Вместе с генералом Алексеевым Савинков безуспешно стремился разблокировать осажденный Зимний дворец. Керенский же, бежав в Гатчину, все еще надеялся организовать военные силы для похода на мятежный Питер. (В первом бою гражданской войны — под Гатчиной — сходятся три «героя» нашей книги: Дыбенко, Муравьев и Савинков.)

В Гатчине к Керенскому примкнул казачий генерал Краснов и несколько верных ему полков, а также Савинков, ставший почему-то делегатом Совета Союза казачьих войск. Еще в сентябре 1917-го Савинков предлагал правительству опереться на казаков в борьбе с большевиками. «Казак» Борис Савинков потребовал от свергнутого Керенского «какое-либо официальное положение», но Керенский уклонился от ответа, все еще видя в Савинкове конкурента на уже навсегда утраченную власть.

Генерал А. Деникин в «Очерках русской смуты» пишет, что Савинков в Гатчине «возбуждает офицеров гатчинского гарнизона против Керенского и предлагает Краснову свергнуть Керенского и самому стать во главе движения... В поисках «диктатора», создаваемого его руками, он отбрасывает уже всякие условные требования «демократических покровов» и от идеи власти, и от носителя ея».

На следующий день собрание офицеров и казаков Гатчины настоятельно потребовало, чтобы Савинков был назначен руководить их обороной от наступавших с севера «красных» матросов. 30 октября Борис Викторович принял должность начальника обороны Гатчины. Но уже через день, почувствовав, что выступление Керенского — Краснова обречено, он одним из первых бежит из Гатчины в ставку Главнокомандующего, под предлогом поездки за военными подкреплениями.

Чувство самосохранения заставило его покинуть Гатчину, где уже через несколько часов были «красные», а ненадежные казаки, замирившись с ними, «купили» полную свободу, пообещав выдать и Керенского, и Савинкова. [268]

Савинков остановился в Луге, откуда главнокомандующему всеми российскими войсками Духонину шлет телеграмму: «…совершенно необходимо сосредоточение верных Временному правительству войск в районе Луги для защиты законной власти». Вскоре он сообщает Духонину: если в Луге сосредоточить 2–3 дивизии с артиллерией и небольшими конными отрядами, то поход на Питер «без особого труда увенчается успехом» при личном командовании самого Савинкова. Действительно, Советская власть была так слаба и распространялась тогда только на столицу, что 15–20 тысяч верных штыков могли изменить ход истории.

Но как раз таких верных штыков уже не существовало, и переброску частей без ведома Советов уже невозможно было осуществить… Да и сам Духонин со своим штабом будет расстрелян солдатами спустя 10 дней после получения этого письма.

К тому времени Савинков, отказавшись от «лужского плана», проберется на Дон, который станет центром сопротивления власти большевиков. Войдя в контакт с различными антисоветскими силами, Савинков убеждал казаков и офицеров создать дееспособную, добровольческую армию, готовую пойти на Москву и Питер. Он входит в образованный генералом Алексеевым «Донской Гражданский Совет» — альтернативу новой власти в столицах, помогает формировать первые полки «белой» гвардии.

Деникин вспоминал: «За кулисами продолжалась работа Савинкова. Первоначально он стремился во что бы то ни стало связать свое имя с именем Алексеева, возглавить вместе с ним организацию и обратиться с совместным воззванием к стране… Начались длительные переговоры между генералами Алексеевым, Корниловым, с одной стороны, и Савинковым, с другой…

Савинков доказывал, что «отмежевание от демократии составляет политическую ошибку», что в состав Совета необходимо включить представителей демократии в лице его — Савинкова и группы его политических друзей, что такой состав Совета снимет с него обвинение в скрытой [269] реакционности и привлечет на его сторону солдат и казачество; он утверждал, кстати, что в его распоряжении имеется в Ростове значительный контингент революционной демократии, которая «хлынет в ряды Добровольческой армии…»

С января 1918 года Савинков организует на Дону «боевые дружины» (общей численностью до 500 человек), целью которых был вооруженный террор против большевиков в Петрограде и Москве, в частности убийство Ленина.

Однако усилия Савинкова не увенчались успехом, он не может найти общего языка с «правыми» и рвет связи с деятелями Дона, которые ратовали за восстановление монархии или полную автономию Казачьего края. Деникин писал: «Савинков внушал к себе недоверие со стороны правых и чувствовал это. Когда он что-нибудь предлагал, все настораживались и старались отклонить предложение».

Генералы не испытывали доверия к террористу-революционеру Савинкову, и он осознает, что на Дону он чужой среди своих и не достигнет «первых ролей». Генералы оттирают его от руководства «белым делом», как слишком «левого политикана, с темным прошлым». Савинков взял поручение Алексеева — «организовать демократическое сопротивление большевикам в Москве».

Близко знавший Бориса Викторовича английский дипломат и разведчик Локкарт, описывая характер Савинкова, замечает, что тот «так долго прожил среди шпионов и провокаторов, что подобно герою одного из его романов в конце концов сам не мог разобраться толком в том, кого он в сущности обманывает — своих врагов или самого себя». Гиппиус писала: «В Савинкове — да, есть что-то страшное. И ой-ой, какое трагическое. Достаточно взглянуть на его неправильное и замечательное лицо...»

В феврале 1918 года непревзойденный конспиратор инкогнито пробирается в Москву. И хотя он был личностью довольно известной, хорошо узнаваемой, и хотя он знал, что попадись он чекистам — ему несдобровать... он решился на этот шаг.

В полувоенном френче прогуливающегося по Москве Савинкова можно было принять за советского служащего — бюрократа средней руки. Он подолгу просиживал в сквере у Большого театра, где назначал встречи своим агентам. Очевидно, Савинков обратился к своим старым «подельникам»-конспираторам, [270] стремясь привлечь их к созданию сильного антибольшевистского подполья.

За несколько месяцев он оформил крупную организацию «Союз защиты Родины и Свободы» из осколков партии правых эсеров и отдельных, «бойцовски» настроенных представителей партий кадетов, народных социалистов. Члены этой подпольной организации не только были вооружены, но и подавляющее их большинство имело за плечами боевой опыт фронтового офицерства.

«Союз» был наиболее опасной для властей боевой организацией и насчитывал около 5000 добровольцев, имел отделения в Казани, Калуге, Костроме, Ярославле, Рыбинске,

Челябинске, Рязани, Муроме. В каждом из этих городов создавались склады оружия на случай выступления. Центральный штат «Союза», возглавляемый Савинковым, находился в самом центре Москвы и существовал под видом «лечебницы для приходящих больных». Помимо Бориса Викторовича, руководителями этой организации были генерал-лейтенант Рычков, полковник Перхуров и командир латышского советского полка, охранявшего Кремль, Ян Бреде.

Среди офицеров латышских стрелков, наиболее близких к Кремлю, Савинков сумел создать ячейку своего «Союза», надеясь с их помощью захватить все большевистское правительство. Савинкова и латышей объединяло общее неприятие только что подписанного большевиками и немцами Брестского мира (по которому Латвия переходила под власть Германии).

Программа «Союза» предусматривала установление твердой диктаторской власти, способной защитить ростки демократии, передел земли в пользу крестьянства, воссоздание национальной армии и продолжение войны против Германии с помощью союзников.

6 марта 1918 года в газете «Русские ведомости» появилась статья Савинкова, в которой он писал, что «большевики служили и служат немцам». После этого власти газету немедленно закрыли, а редактора и замредактора бросили в застенки ЧК, где из них с пристрастием «выбивали» сведения об авторе.

Основной задачей «Союза защиты Родины и Свободы» Савинков, считал вооруженное свержение правительства большевиков. После переворота было решено немедленно [271] объявить войну Германии, помочь союзникам, которые субсидировали Савинкова.

От французского посла Нуланса Борис Викторович получил более двух миллионов рублей, 200 тысяч рублей дал на организацию Масарик, создавший движение чехословаков, готовых сражаться против немцев за свою государственность. Эти деньги давались в надежде на то, что Савинков создаст новый фронт против Германии и в обмен на разведывательную информацию.

Однако чекисты наступали «на пятки» великому конспиратору. В начале июня 1918 года они арестовали около 100 членов «Союза» в Москве, в том числе многих подпольщиков из латышских полков. Несколько сот «союзников» было арестовано чекистами в Казани.

Но строгие конспиративные правила организации спасли от провалов ее основные силы. Ни один из руководителей и начальников отделов «Союза» не был арестован. У самого

Савинкова была удивительная интуиция подпольшика, и он покидал конспиративные квартиры за полчаса до того, как туда врывались чекисты. Некоторое время Савинков прятался даже в английском консульстве, а затем сумел перебраться в Поволжье, в Казань.

Провалы организации Савинкова заставили иностранных покровителей быть бережливее. Французы заявили, что не дадут больше денег, пока не увидят, что Савинков имеет «людей, способных идти в бой». Летом 1918 года, когда началось новое масштабное наступление немецких войск на Париж, положение Франции стало критическим. Нужно было во что бы то ни стало оттянуть силы противника с Западного фронта.

Савинков и члены французской миссии разработали план антибольшевистского восстания. Члены «Союза защиты Родины и Свободы» должны были поднять восстание в Москве в первых числах июня. И хотя этот план имел большие шансы на успех, Савинков от него вскоре отказался. Он посчитал, что даже при победе восставших в столице, город оказался бы во вражеском кольце, и миллионное население Москвы было бы обречено на голод. А это в конечном счете привело бы к капитуляции восставших.

Было решено привести в исполнение план №2, по которому восстания замышлялись в городах вокруг Москвы: в Ярославле, Казани, Рыбинске, Костроме, Муроме, а англо-французский [272] военный десант должен был помочь восставшим, высадившись в Архангельске и нанося главный удар через Вологду на Москву. Опираясь на помощь Антанты и соединившись на Волге с союзным чехословацким корпусом и войсками самарского Комитета Учредительного собрания (Комуча), восставшие намеревались с севера и востока осадить и штурмовать Москву. После объединения сил и захвата столицы сторонники Савинкова предполагали объявить войну Германии.

Борис Викторович был связан и с террористами из партии левых эсеров, которые организовали в июле 1918 года убийство немецкого посла в Москве Мирбаха с целью спровоцировать войну Германии против Советской России.

В ночь на 6 июля 1918 года 120 членов «Союза защиты Родины и Свободы» и распропагандированный ими советский броневой дивизион подняли восстание в Ярославле. В городе находились крупные военные склады, и восставшим удалось быстро вооружить несколько тысяч антибольшевистски настроенных горожан.

Полковник Перхуров (правая рука Савинкова) объявил себя главнокомандующим Северной добровольческой армией и

губернатором Ярославской губернии. Советские учреждения в Ярославле заменялись городской управой, членами которой стали меньшевики, эсеры и кадеты. Около 200 «видных» большевиков было арестовано, а несколько из них расстреляно. И хотя восставшим удалось создать из крестьян Заволжья несколько полков, превосходящие силы Красной Армии после 15 дней боев захватили Ярославль.

«Красные» овладели Ярославлем после многочасового обстрела города из тяжелой артиллерии, используя химические снаряды. 57 офицеров из восставших, оказавшись в окружении, сдались... полку немецких военнопленных, который в Ярославле ожидал своей отправки в «фатерлянд».

Офицеры-»союзники» заявили, что их Северная армия находится с Германией в состоянии войны, поэтому потребовали для себя места в германских лагерях для военнопленных. Но немцы не сдержали обещания и выдали офицеров на расправу чекистам.

7 июня началось восстание в Рыбинске. 400 членов «Союза защиты Родины и Свободы» вел в бой сам Савинков. [273] Но местное ЧК заранее узнало о готовящемся восстании, и все попытки «савинковцев» захватить артиллерийские склады в городе были отбиты. После двухдневных боев восставшие отступили из Рыбинска. Только два дня продержались восставшие в захваченных ими Муроме и Ростове.

Крах восстания сопровождался массовыми казнями «союзников» эсеров и просто сочувствующих обывателей, провалами ячеек «Союза защиты Родины и Свободы» в Москве и Казани.

Войска Антанты не поддержали восстаний, как было обещано: очевидно, не хватило сил на крупные десанты, поэтому продолжение восстания с целью срыва Брестского мира утрачивало смысл.

В августе 1918 года Савинков и полковник Перхуров бежали в Казань, захваченную восставшим корпусом чехословаков. Чувства горечи и разочарования царили в окружении Савинкова после грандиозной неудачи восстания, которое готовилось полгода.

Осенью 1918-го Борис Викторович распускает свою организацию и записывается простым солдатом в белогвардейские войска. Он принимает участие в боевых партизанских операциях белогвардейского полковника Каппеля в тылу Красной Армии. Отряды Каппеля были частью войск Комуча (Волжского эсеровского правительства — Комитета Учредительного собрания) и действовали в районе Сызрань — Симбирск.

В ноябре 1918 года Борис Савинков «всплывает» в Омске и приглашается Сибирским правительством в свой состав. Возможно, он и был режиссером переворота, приведшего адмирала Колчака к власти над Сибирью, Уралом и Средней Волгой. Однако Колчак, очевидно, не желал держать около себя столь беспокойную и популярную фигуру: через неделю после переворота Борис Викторович отправляется за границу, во Францию, представителем Верховного правителя России Колчака.

Курсируя по маршруту Варшава — Прага — Берлин — Рим — Париж — Лондон, Борис Викторович всюду умудряется [274] добывать денежные займы на «белое» дело. Самолеты, танки, военное снаряжение, обмундирование поплыло потоком к Колчаку после проникновенных речей экс-террориста Савинкова.

За год с небольшим он перезнакомился с президентами Польши, Чехословакии, премьерами Англии, Франции, Италии. Особо теплые отношения сложились у него с военным министром Англии лордом Уинстоном Черчиллем. Помощь шла из различных источников и имела огромное значение в деле организации антибольшевистских фронтов. «Без опоры на иностранцев мы воевать не могли», — констатировал позже Борис Викторович.

Помимо политической деятельности, он не оставлял литературу и журналистику. В Варшаве Савинков редактировал газету «Свобода», а в Париже руководил Бюро печати колчаковцев «Унион». Из Европы он рекомендовал Деникину и Колчаку действовать под демократическим флагом, дабы не раздражать «общественное мнение стран Антанты». Борис Викторович советовал отказаться от лозунга «Единой и неделимой России» и войти в союзнические отношения с польскими войсками и с войсками Симона Петлюры. Но генерал Деникин так и не признал возможности федерации или автономии бывших территорий Российской империи. «Единого фронта» против большевиков не получилось.

Савинкова прочили представителем «белых» в Праге, ведь он очень хорошо знал президента Т. Масарика, был с ним в дружеских отношениях. Но экстеррорист принял приглашение своего гимназического друга — диктатора Польши Ю. Пилсудского. В Польше Савинков создает «Русский политический комитет», в надежде на продолжительную борьбу против большевиков.

Еще в апреле 1920 года польские и петлюровские части начали наступление по всему фронту против советских войск. Через 10 дней наступления, разгромив «красных», поляки захватили Киев и большую часть Правобережной Украины. В это

время начала действовать созданная хлопотами Бориса Савинкова в Польше Русская народная армия (РНА) под командованием генерала Б. Перемыкина и братьев С. и Ю. Булах-Балаховичей. Это была армия, объединившая под антибольшевистскими лозунгами бывших офицеров, интеллигентов и недовольных «военным коммунизмом» [275] крестьян. Двадцатитысячная Русская народная армия контролировала Белорусское Полесье и некоторые северные волости Украины.

В конце мая — в июне 1920 года началось успешное наступление «белых» в Южной Украине — Северной Таврии. Новым претендентом на руководство всей антибольшевистской борьбой стал командующий Русской армией, созданной из остатков Добровольческой армии, генерал Врангель.

Врангель потребовал, чтобы РНА, которую собрал Савинков, из Полесья попыталась пробиться в Приазовье и присоединилась бы к Русской армии. Но польское военное руководство и Савинков выступили против верховенства Врангеля. Борис Викторович отказался даже формально подчиняться Врангелю — каждый «тянул одеяло на себя».

Поляки же не желали чрезмерного усиления «белого движения» и воссоздания «Единой и неделимой России». Но в офицерских кругах Русской народной армии зрело стремление к объединению с армией Врангеля. Подобные позиции разделяли и братья-атаманы С. и Ю. Булах-Балаховичи. Когда начались мирные переговоры межу Польшей и РСФСР и война между этими странами фактически прекратилась, С. Булах-Балахович без консультации с Савинковым телеграфировал Врангелю об оперативном подчинении ему своих частей.

Однако огромная удаленность Полесья от Приазовья не давала возможности проявиться этому оперативному взаимодействию. Борис Викторович готов был порвать со своими генералами и атаманами, но французский атташе рекомендовал ему не противодействовать решению о присоединении к армии Врангеля.

В 1920 году Борис Савинков развернул активную деятельность по созданию антибольшевистского центра, а также Западной белой армии.

Поражение основных белогвардейских сил — генералов Колчака, Деникина, Юденича — не смущало «великого заговорщика». Он наконец-то ощутил себя «вне конкуренции» белых генералов и рассчитывал единолично возглавить борьбу против большевиков. Его надежды стимулировались крупными вкладами в «его дело» польского военного ведомства и генерала

Нисселя — главы французской военной миссии в Польше. И поляки, и французы [276] требовали от подполья во главе с Савинковым развединформации и активизации террористических действий на советской территории.

В начале ноября 1920 года, когда врангелевская власть в Крыму доживала последние дни и добровольческие части отступили с материковой Украины, Русская народная армия начала, обреченное на крах, наступление на полесский городишко Мозырь. Объединившись с остатками петлюровских войск, РНА насчитывала до 25 тысяч солдат. Вели эту армию в бой братья Савинковы и братья Булах-Балаховичи. Две недели кровопролитных боев в Белоруссии с троекратно превосходящими силами противника обескровили РНА, численность которой сократилась до 10 тысяч человек. Некоторую помощь отрядам Савинкова оказывали партизанские национальные антисоветские отряды, выступавшие за независимость Белоруссии и носившие поэтическое название «Зеленый дуб» (командующий Алексин).

В октябре 1920 года Симон Петлюра и правительство Украинской народной республики в эмиграции заключают договор с «политическим комитетом» Бориса Савинкова, по которому его сторонники признавали независимость Украины и подчиняли все свои военные силы командованию Петлюры.

Савинковская РНА под командованием генерала Перемыкина, состоявшая из одной конной и двух пехотных дивизий, вошла в состав украинской армии. Части савинковцев включали отряды добровольцев генерала Бредова, что перешли в феврале 1920-го в Польшу, «красные» казачьи формирования, которые перешли на сторону поляков летом того же года (всего около 6 тысяч человек). Симон Петлюра поставил в начале ноября 1920 года задачу Отдельной русской армии (так начала называться РНА после включения в состав войск С. Петлюры): обороняя левый фланг украинского фронта, наступать на Винницу.

Однако ноябрь 20-го принес сплошные разочарования... 10 ноября Красная Армия нанесла сокрушительный удар по армии УНР, что только готовилась к наступлению. В районе подольского города Бар 12–14 ноября 1920 года Отдельная русская армия пыталась остановить противника, силы которого в 4–5 раз превосходили ее силы. 21 ноября остатки «отдельной армии» вместе с отрядами армии [277] Петлюры ушли за реку Збруч, в Галицию, что была захвачена польской армией.

Разгромленные части «отдельной армии» и армии УНР спешно отступили в Польшу, где были интернированы. Благодаря деятельности Савинкова, части РИА подчинялись польскому командованию и освобождались из лагерей, после чего

располагались вдоль советско-польской границы.

Разгром антисоветских фронтов не остановил Савинкова. Он еще надеялся стать объединителем русских «белых» сил, что находились в Польше. В декабре 1920 года он создает «Антибольшевистский военный блок», подписав договоры о совместных боевых действиях и политических выступлениях с представителями Врангеля, Донского казачьего круга, Кубанской Рады, Белорусским националистическим политическим комитетом, с украинскими повстанческими атаманами Струком и Орликом.

Был заключен договор и с правительством Петлюры — правительством Украины (УНР) в изгнании, которое располагало крупной военной силой — интернированными в польских и румынских лагерях украинскими солдатами (до 30 тысяч человек). Участвует Савинков и в «Политическом совещании» — в организации, которая претендовала на представительство интересов России во время заключения Версальского мирного мирового договора.

Активную военно-политическую деятельность братья Савинковы сочетали с руководством антисоветским подпольем на территории советской республике. Это подполье выполняло роль разведывательной сети стран Антанты. Борис Викторович становится председателем «Русского политического центра», координировавшего из Польши действия подпольщиков по всей России.

Ему казалось, что не все еще потеряно, он жаждал активных действий. Им была предложена новая тактика «внутреннего взрыва» советской власти. Исходя из того, что диктатура пролетариата противоречит интересам широких народных масс, и особенно крестьянства, он предлагал сделать основную ставку на крестьянские восстания, которые [278] будут поднимать агенты «Политического центра» — офицерские кадры, профессионалы-террористы. Создавались ударные отряды, которые в момент восстания должны были поддержать крестьян, проникнув в очаги восстаний из-за границы.

В январе 1921 года из остатков «Русского политического комитета», переименованного к тому времени в «Русский эвакуационный комитет», Савинков создает новую военно-подпольную организацию «Народный союз защиты Родины и Свободы». Его возглавили братья Савинковы, генерал Г. Эльвенгрен, полковник М. Гнилорыбов, профессор Д. Философов, московский журналист А. Дикгоф-Деренталь. Этот союз начинает готовить для засылки в советские республики специальные десантные диверсионные отряды из добровольцев, имеющих

богатый опыт партизанской борьбы.

Савинков надеялся создать новую республиканскую Россию «с твердой властью», очевидно, метя в диктаторы. Вместе с тем в программе созданного им «Народного союза защиты Родины и Свободы» было заявлено о решительной борьбе «с монархистами и теми помещиками, которые хотят отобрать землю у крестьян». Эсеровские идеалы продолжали доминировать в мировоззрении Савинкова. Он полагал, что «новая Россия» будет управляться союзом трех основных партий: «Крестьянско-казачьей», «Социалистическо-рабочей» и «буржуазной». Причем основную роль должна была играть «Крестьянско-казачья» партия, защищая интересы мелких хозяев.

В распоряжение Бориса Савинкова переходят лагеря оказавшихся в Польше остатков войск Юденича и Врангеля. Эти вновь организованные части получили название «Народной армии вторжения» (командующий Д. Одинец). К ней примкнули казачьи части, которые временно служили в польской пограничной охране, под руководством полковника Гнилорыбова, и украинская крестьянская бригада атамана Искры (генерала Лохвицкого), в этой же армии в качестве «вождей» подвизались и братья Булах-Балаховичи.

Успехи восстания крестьян Тамбовской губернии под руководством эсера Антонова, бесстрашные рейды конницы батьки Махно, восстания крестьян на Средней Волге [279] и в Западной Сибири делали весьма ощутимыми перспективы всеобщей крестьянской войны — «взрыва изнутри».

Савинков намеревался тогда казачьи части своей армии направить рейдом через всю Украину на Дон, поднимать «казачий сполох» — всеобщее восстание Дона, Кубани и Терека.

Добиваясь новой финансовой помощи Запада, Борис Викторович преувеличивал силу и реальные возможности своего «Народного союза», заявляя, что его подпольные группы — в каждом уезде. На бумаге планы Савинкова выглядели грандиозно. Планировалось создание волостных, городских, уездных, губернских комитетов «Народного союза», создание ячеек на предприятиях, в частях Красной Армии, в советских учреждениях. Для организации этой сети в советские республики направлялись специалисты-подпольщики. Так, только в Поволжье весной 1921 года было направлено 192 таких «специалиста».

Опытный конспиратор, Савинков создавал на местах параллельные организации, действующие независимо друг от друга. Эта система предохраняла от полного провала организации и шире охватывала разнородные оппозиционные элементы — от анархистов до монархистов.

На новом этапе борьбы идейные расхождения отходили на второй план. Теперь Савинков обменивался с бароном Врангелем теплыми посланиями, в которых оба клялись друг другу в верности. «Партийная принадлежность была для нас безразлична», — писал в те дни Борис Викторович.

Для укрепления союза с украинской эмиграцией Савинков в своем договоре с Петлюрой признал независимость Украины и законность правительства Петлюры. Он брал на себя посредничество в переговорах Петлюры с западными державами и русской эмиграцией, обязался устроить петлюровцам заем в 30 миллионов польских марок и «выбить» французское боевое снаряжение для украинской армии.

Со своей стороны, Симон Петлюра обещал помочь в формировании возглавляемой Савинковым «Народной армии вторжения» и снабжении ее продовольствием.

В первые месяцы 1921 года дела подпольщиков, руководимых братьями Савинковыми, выглядели весьма успешно. В Петрограде они вошли в контакт с крупной подпольной [280] «Боевой организацией» профессора Таганцева, которая планировала переворот в городе и Кронштадте.

. Во всех губерниях Белоруссии и в большей части губерний Украины были созданы мощные подпольные центры. К участию в подполье удалось привлечь некоторых командиров и даже политработников Красной Армии. Агенты Савинкова действовали на конференциях беспартийных при выборах в Советы.

Набатом на всю Россию громыхнуло восстание моряков Кронштадта — «гордости революции». С 28 февраля по 18 марта 1921 года продолжалось Кронштадтское восстание, поставившее точку на роковом периоде «военного коммунизма». Во время этого восстания вся «социалистическая эмиграция» надеялась, что большевики потеряют контроль над ситуацией в стране.

Борис Савинков тогда отправил письмо военному министру Франции, сообщив в нем, что его отряды двигаются к границе Белоруссии для того, чтобы способствовать успеху «всеобщего восстания в России».

Но быстрое подавление восстания в Кронштадте заставило Савинкова отложить «вторжение». После неудачных попыток поднять «всеобщее восстание» во время посевной кампании весны 1921 года было решено перенести его на август — сентябрь 1921 года, на время сбора продналога.

В июне 1921 года на съезде «Народного союза защиты Родины и Свободы» в Варшаве Борис Савинков представил план восстания в Советской России и действий местных подпольных организаций. На съезде этом присутствовали представители военных миссий

стран Антанты; французские, итальянские, английские, американские, польские офицеры одобрили общий план.

Часть денег на восстание пообещали дать французские финансисты и военная французская миссия, польский генеральный штаб, а также русский эмигрант-миллионер Путилов. Добиваясь поддержки Англии, Савинков в письме к Черчиллю сообщал, что в середине 1921 года единственной антибольшевистской силой, не сложившей оружие, является крестьянское повстанчество — «зеленое движение», которому остается только придать «организованную форму».

Борис Савинков писал: «Россия ни в коем случае не исчерпывается двумя враждующими лагерями (красными [281] и белыми). Огромное большинство России — крестьянская демократия. Пока вооруженная борьба с большевиками не будет опираться на крестьянские массы... пока патриотическая армия не поставит себе целью защиту интересов крестьянской демократии и только ее, большевизм не может быть побежден в России».

Четкий и достаточно реальный план опоздал, время было упущено. План был хорош для 19–20-го годов, когда крестьянская стихия выплеснулась десятками крупных бунтов. Но летом 1921 года крестьянство качнулось в сторону признания советской власти, которая утвердила НЭП и ликвидировала ненавистные продразверстку и колхозы.

Восстание было намечено на середину августа 1921 года. Областные комитеты «Союза» к этому времени должны были подготовить местные повстанческие отряды. Три ударные группы решено было выдвинуть от границ Польши к Питеру, Москве, Орлу, петлюровские части — направить на Киев. Начало восстания предполагалось ознаменовать широким террором против лидеров коммунистов, взрывами военно-стратегических объектов, уничтожением транспортных коммуникаций.

Летом 1921 года на советскую территорию были переправлены 25 диверсионных ударных отрядов «союзников», которые рейдировали по западным губерниям России, Белоруссии и Украины.

«Отличившись» в диверсиях и убийствах коммунистов, эти отряды не смогли поднять крестьянское восстание. Так, в городе Холм диверсанты-партизаны отряда полковника Павловского убили несколько сот человек, у Полоцка был пущен под откос поезд, ограблены пассажиры, расстреляно 15 коммунистов. Экспроприировались банки и склады, уничтожались погранзаставы.

Но того слоя крестьянства, на который делал главную ставку Савинков, уже не существовало. Уставшие от семилетней войны,

запуганные красным террором, изголодавшиеся люди хотели только одного — спокойной жизни. Крестьянское сопротивление к концу 1921 года сошло на нет. Исчезли многотысячные повстанческие армии Махно, Антонова, Сапожкова. [282]

Тогда же началась серия провалов — ВЧК ликвидировала западный и Черноморский областные комитеты «Народного союза защиты Родины и Свободы», многие структуры петлюровского подполья. Планы поднять всеобщее восстание оказались невыполнимыми. Бесперспективность всеобщего восстания в советских республиках стала понятна даже западным покровителям Савинкова.

Прекращается субсидирование «Союза» иностранными государствами, решившими, что Савинков — «большой фантазер». 7 октября 1921 года, после очередной ноты протеста со стороны Советской России, польское правительство обязывает Савинкова и руководство «Народного союза защиты Родины и Свободы» покинуть Польшу в течение двадцати дней.

«Я садился в поезд, и сердце мое радовалось. Слава Богу, я уезжаю из этой проклятой страны...», — писал Борис Викторович о своем выезде из Польши,

Вместе с ним покинул Польшу и С. Булах-Балахович.

Борис Викторович передает свою агентурно-диверсионную сеть организации «Центр действия», которая была создана в 1921 года народным социалистом Н. Чайковским. Савинковские линии связи использовались «Центром» до 1923 года, пока его не разгромила ЧК.

Сформированные Савинковым военные кадры и отряды частично были интернированы в Польше или в октябре 1921 года двинулись в рейд по Белоруссии, где нашли свою гибель, остальные разбрелись по различным странам Европы.

1922 год оказался неудачным для экстерориста. Его друг и покровитель Черчилль был вынужден уйти в отставку, и денежная помощь из Англии прекратилась. А в 1923 году другой покровитель Савинкова — Муссолини заявил беспокойному русскому заговорщику. «Уймитесь, не время».

Из Польши братья Савинковы и их единомышленники уезжают в Париж. Казалось, с политикой покончено навсегда... Борис Викторович снова берется за перо и пишет автобиографическую повесть «Конь вороной». В этой повести он вспоминает недавнее прошлое — 1920 год, действие ударных террористических отрядов в Полесье. Автор пытается ответить самому себе на вопросы: «Стоило ли проливать русскую кровь ради России? Кто прав в братоубийственной [283] гражданской войне?» Савинкова пугает превращение воина в убийцу, который

убивает иногда даже от скуки. В повести — тяга к покаянию за «кощунственный балаган» войны.

«Сроков знать не дано. Но встанет Родина — встанет нашей кровью, встанет из народных глубин. Пусть мы «пух». Пусть нас «возносит» ненастье. Мы слепые и ненавидящие друг друга, покорные одному несказанному закону. Да, не мы измерим наш грех. Но и не мы измерим нашу малую жертву...» — так заканчивается эта повесть.

Как вспоминают современники, в эмиграции Борис Викторович, оторванный от Родины, становится мистиком и «чрезвычайно религиозным» человеком.

Но, покаявшись в своей повести, Савинков не хотел оставаться в стороне от событий, он еще желал быть «первым и правым». Его беспокоил «бес подполья и террора». Он еще надеялся «послужить Родине» и снова заняться привычным подпольным ремеслом. Он просто не мог жить, не окунувшись с головой в атмосферу опасности и авантюр.

Савинков разрабатывает планы серии террористических актов против советских лидеров и создания «нового антисоветского подполья». В апреле 1922 года он и Рейли решили совершить покушение на «главного советского дипломата» Георгия Чичерина во время Генуэзской конференции. Но Савинкова задержала итальянская полиция, и план был сорван.

Повторить попытку покушения на советских дипломатов было решено в Берлине. Туда прибыли Савинков, Рейли и три террориста из группы Бориса Викторовича, но террористический акт против Чичерина снова не удался.

Новые фантастические планы Савинкова — овладеть Петроградом с помощью двадцатитысячного десантного отряда, состоявшего из офицеров-эмигрантов, не захватили никого, кроме фашистского диктатора Италии Бенито Муссолини. Однако вскоре, после подписания советско-итальянского договора, надежды на помощь финансами, оружием и флотом со стороны Италии не оправдались.

Активность и авторитет Савинкова в антибольшевистских кругах, знакомство с ведущими политиками Европы приковывало к нему внимание не только любопытных, но [284] и ВЧК. Советское руководство видело в Савинкове едва ли не самого опасного заговорщика.

В 1922 году чекисты решили «изъять» «генерала террора» из-за границы. В осуществлении этого плана чекистам помог арестованный при переходе границы адъютант Савинкова — Л. Шешеня, который был направлен в Россию для восстановления старой агентурной сети, но оказался слабым человеком и после

ареста выдал все явки и связи. Чекисты, воспользовавшись этой информацией, создали мнимую подпольную организацию «Либеральные демократы», которая стала приманкой для не в меру активного Бориса Савинкова.

Агенты ЧК — ОГПУ распространяли легенды о силе и серьезной антибольшевистской деятельности псевдоорганизации, роль членов которой исполняли сами «птенцы Дзержинского». Первым одураченным стал руководитель «Народного союза» в Литве И. Фомичев, который, побывав у мнимых подпольщиков в столице, пришел к выводу о важности и активности московской группы. Именно Фомичев вместе с чекистом А. Федоровым, который играл роль руководителя московской группы, сумели заинтересовать Савинкова и склонить его к конспиративной поездке в Москву.

Ему было заявлено, что только он один, как «выдающийся организатор и конспиратор», может ликвидировать «разногласия», возникшие в мнимой группе «либеральных демократов».

Друзья удерживали Бориса от роковой поездки в СССР, но Борис Викторович сказал: «Я не могу оставаться позади. Я нужен нашим друзьям в России, чтобы вести их вперед! Настало время нанести удар! Сейчас! Колебания равносильны измене!»

15 августа 1924 года Савинков со своим ближайшим помощником Дикгоф-Деренталем, его женой и Фомичевым перешли польско-советскую границу, а уже на следующий день были арестованы чекистами в Минске. Через 13 дней после ареста Савинков предстал перед Военной коллегией Верховного Суда СССР. На суде он не отрицал [285] большинства обвинений и рассказал некоторые подробности своей деятельности.

Самого опытного конспиратора России «подвели» легкомыслие и ностальгия. Два с половиной года «простоя» в Париже, вдали от бурных событий и боев, привели к тому, что Савинков заглотнул приманку. Роковую роль в его провале сыграло предательство единомышленников — полковника Павловского, поручика Шешени и Фомичева, которые зарабатывали в ЧК смягчение приговора.

В последнем слове на суде Савинков раскаялся в содеянном, признав бесперспективность своей борьбы. Во всяком случае об этом трубили советские газеты...

Сын Бориса Викторовича — Виктор носил фамилию матери — дочери писателя Глеба Успенского. Виктор Успенский приезжал в Ленинград на свидание с арестованным отцом. Тогда Савинков сказал сыну: «...услышишь, что я наложил на себя руки, — не верь». Вскоре и Виктор Успенский погиб в сталинских

застенках. Уцелел только сын Савинкова — Лев, живший в Париже.

Суд объявил Бориса Савинкова виновным в 43 преступлениях против советской власти и приговорил его к расстрелу с конфискацией имущества. Однако, принимая во внимание отречение Савинкова от своих целей, его раскаяние и «его разоблачение интервенционистов», ЦИК СССР заменил ему высшую меру наказания лишением свободы сроком на 10 лет.

Мягкий приговор вызывал удивление, но он был частью сталинской «хитромудрой» иезуитской игры. Савинков обладал определенным политическим весом как в среде российской эмиграции, так и в кругах западноевропейских политиков. Капитуляция и отступничество едва ли не самого опасного заговорщика должны были серьезно повлиять на тех и других, показав мощь советской державы и притягательность идей ленинизма.

Тогда в «Известиях» появилась пространная статья редактора этой газеты Ю. Стеклова, назвавшего Савинкова «придатком интеллигентской среды, которая не верила в массы, которая хотела быть вождями, вести массы за собой, не спрашивая их и не интересуясь их волей. Под флагом любви к трудящимся, интересов, стремлений, желаний которых не знали, да и не хотели узнавать, шли на борьбу эти революционеры...» [286]

В своих, возможно сфабрикованных чекистами покаянных письмах, Савинков убеждал бывших единомышленников прекратить борьбу против большевиков и задуматься о положительных сторонах советской власти.

Из тюремной камеры Савинков пишет о чекистах: «Я думал встретить палачей и уголовных преступников, а встретил убежденных и честных революционеров» (из письма Д. Пасманику); чекисты «напоминают мне мою молодость, — такого типа были мои товарищи по Боевой организации» (из письма сестре); «В ГПУ я встретился с людьми, которых я знаю и которым доверяю с юных лет, которые мне ближе, чем болтуны из «Национального центра» или члены зарубежной делегации социалистов-революционеров. Я встретил здесь убежденных революционеров» (из письма С. Рейли).

Суперагент Сидней Рейли тогда высказал свою версию судьбы Савинкова. Реальный Савинков, по его мнению, был убит при переходе границы, а Лже-Савинков, что предстал на процессе и писал письма раскаяния, это умело подобранный двойник.

Вторя словам Рейли, некоторые западные газеты подхватили эту сенсацию. Вообще тема «двойников» была в ходу у журналистов, описывавших фантасмагории сталинских судилищ.

Через 8 месяцев после вынесения приговора Борис Викторович обратился к Дзержинскому с письмом, в котором просил немедленного освободить его из заключения. Савинков взывал: «Дайте мне возможность работать!» и туманно намекал, что может «пригодиться» ЧК как «подпольщик» и «борец за революцию». Не собирался ли Савинков стать консультантом ЧК по «раздуванию мирового пожара» или по созданию подпольной разведывательно-террористической сети по всему миру?

И кто знает, может быть, Дзержинский оперативно откликнулся на призыв «великого конспиратора». Можно предположить, что Савинков вовсе и не погиб, а, под другой фамилией, дослужился до генерала ЧК — ОГПУ. Чекисты были мастаки устраивать ложные похороны своим агентам и распространять эту информацию по всему миру. Дзержинский мог «убить» «старого Савинкова», с тем чтобы создать нового агента, с новой фамилией! [287]

Так или иначе, 8 мая 1925 года Борис Савинков, как писала газета «Правда», воспользовавшись отсутствием оконной решетки в комнате, где он находился после возвращения с прогулки, выбросился из окна пятого этажа во двор тюрьмы и разбился. Это самоубийство напоминало хорошо спланированное убийство некогда опасного врага.

Есть предположения, что инсценировкой самоубийства или псевдосамоубийства Савинкова занимался чекист Блюмкин. Этот чекист — литератор и террорист, возможно, стал и автором знаменитого письма-раскаяния Бориса Савинкова.

Александр Солженицын в знаменитом «Архипелаге ГУЛАГе» приводит рассказы «лагерных сидельцев» о том, что Блюмкин был автором «писем Савинкова», а чекист А. Шлюбель «собственноручно» выбросил Савинкова из окна.

Савинков все еще оставался не только символом сопротивления, но и авантюристом, «хозяином своего слова», и его покаяние, если оно и было им написано, ровным счетом ничего не означало, хотя оно и вызвало бурное негодование большей части эмиграции.

«Нет человека — нет проблемы», — любил говаривать Сталин, выражая общебольшевистские воззрения.

Борис Савинков остался в истории революции и гражданской войны загадочной фигурой заговорщика, считавшего, что от его воли зависит весь ход истории. Он силился подчинить себе время и пространство, был необычайно импульсивен, пытался, как говорится, лбом прошибить стену. Живя в мире своих наркотических видений, жизнью героев своих книг, он часто не мог здраво анализировать политическую ситуацию.

Российская история — сплошная литературщина, а действия писателя — террориста отчасти были попыткой подражания литературным героям детства.

Черчилль, друживший с Борисом Савинковым, посвятил ему несколько страниц в своей книги «Великие современники». Борис Савинков, писал Черчилль, сочетал в себе «мудрость государственного деятеля, качества полководца, отвагу героя и стойкость мученика». Весьма возможно, что англичане хотели видеть его «либеральным диктатором России». [288]

А вот Дмитрий Философов, разочаровавшись после раскаяния Савинкова в своем друге, писал, что решил считать его «человеком конченым в политическом и моральном отношении...». «Вы мертвый лев!» — восклицал вчерашний друг. Тот же Философов писал о Борисе Викторовиче: «В нем виден обыкновенный честолюбец в тоне дешевого ницшеанца... Он должен властвовать и быть «во главе».

Весьма известный в начале века писатель Михаил Арцыбашев заметил тогда о Савинкове: «...все-таки он не был подлинным пророком и вождем. Он боролся честно и храбро, но не во имя своего внутреннего чувства, своего свободного «я», а во имя идеи, не им созданной, не им поставленной».

Скорее всего, Арцыбашев был прав. Савинков толком не разобрался ни в своих убеждениях, ни в своих чувствах. Он одновременно восхищался террором и ужасался его губительности... Он, казалось, жил только для революции, но постоянно тратил огромные деньги, что брались под «прямые действия», на себя... Он боролся с «правыми» и, одновременно, прокладывал им дорогу... Он боролся с абсолютизмом и сам стремился стать диктатором... Он был убийцей и поэтом... В нем уживалось несколько человек-антиподов во всем.

В 1931 году, уже после смерти Савинкова, в Париже стараниями литераторов, друзей Бориса Викторовича — Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского, был выпущен сборник стихов «убиенного поэта-террориста» под его литературным псевдонимом «Ропшин».

Есть в нем строчки, запечатлевшие мятущуюся душу демона, который никак не может обрести душевный покой:

Нет родины — и все кругом неверно, Нет родины — и все кругом ничтожно, Нет родины — и вера невозможна Нет родины — и слово лицемерно, Нет родины — и радость без улыбки, Нет родины — и горе без названья, Нет родины — и жизнь, как призрак зыбкий, Нет родины — и смерть, как увяданье... Нет родины. Замок висит острожный, И все кругом не нужно или ложно...

Сидней Рейли — суперагент

«Ни один другой шпион не обладал такой властью и таким влиянием, как Рейли», — говорилось в популярной книге, посвященной истории английской разведки. Он был мастером покушения — по части застрелить, задушить, отравить, и мастером дамского обольщения. «Джеймс Бонд» начала века! Его русский друг Борис Суварин писал о нем после о его гибели: «Очень замкнутый и неожиданно откровенный. Очень умный, очень образованный, на вид холодный и необыкновенно увлекающийся. Его многие не любили, я не ошибусь, если скажу, что большинство его не любило. «Это авантюрист», — говорили про него... Он был очень верующим человеком (по-своему) и очень верным в дружбе и полюбившейся ему идее... Он работал в Интеллидженс сервис... Рейли был очень сильным и спокойным человеком. Я видел его на дуэли. Он был очень добрым и иногда очень заносчивым, но для друзей своих, очень редких, он был своим человеком, закрываясь, как ставнями, перед посторонними».

Очевидец так описывал его: «Бледный, длиннолицый, хмурый человек с высоким покатым лбом и беспокойным взглядом. Походка выдавала военного человека».

В декабре 1917 года в Советскую Россию прибыл странный субъект. У него были грандиозные планы, и он думал, что сможет ускорить падение ленинской диктатуры и возвратить Россию в военный лагерь Антанты. Считалось, что английская разведка «Интеллидженс сервис», агентом которой был этот субъект — лейтенант Сидней Джорж Рейли, — наделила его большими секретными полномочиями. [290]

В то же время есть предположения, что Рейли был самозванцем и умело представлял себя «вершителем истории», не имея на то никаких прав, ведь главным резидентом английской разведки в России был Эренст Бойс.

Сам Рейли впоследствии писал, что должен был восстановить всю сеть английской разведки, которая распалась после Октябрьской революции, наладить контакты с французской разведывательной сетью в России, а также попытаться внедрить агентов английской разведки в главные советские учреждения.

Рейли оказался на российском берегу, сойдя с английского крейсера «Королева Мария» в Мурманске. Первой его операцией было «совращение» советской власти. Всяческими посулами Рейли склонил председателя Мурманского совдепа А. Юрьева к сотрудничеству. Англичане надеялись через Мурманске-

Беломорский край развернуть интервенцию в Россию или хотя бы попытаться повлиять на отдельных большевистских лидеров.

Рейли тогда бредил террором, который, по его мнению, позволил бы «всколыхнуть болото, прекратить спячку, разрушить легенду о неуязвимости власти, бросить искру... крупный теракт произвел бы потрясающее впечатление и всколыхнул бы по всему миру надежду на близкое падение большевиков, а вместе с тем — деятельный интерес к русским делам».

В январе 1918 года через Архангельск Сидней Рейли пробирается в Петроград под видом турецкого негоцианта Массино. Он ведет в столице шикарную жизнь, посещая дорогие, модные кабаки, заводя громкие романы. С большим усердием суперагент стремится найти «входы» в среду советского руководства, «большевистской элиты», и пытается склонить к сотрудничеству с Антантой одного из асов царской разведки и контрразведки Михаила Дмитриевича Бонч-Бруевича, назначенного Лениным председателем Высшего военного совета Советской республики. Интересно, что бывший генерал разведки М. Д. Бонч-Бруевич был братом наиболее доверенного ленинского «царедворца», кстати, одного из «отцов-основателей» ЧК — В. Д. Бонч-Бруевича.

В те дни Сидней завел дружбу с неким Грамматиковым-Черным (бывшим большевиком, который после революции [291] стал ярым врагом руководства своей партии), и Владимиром Орловым-Орлинским (товарищем Савинкова, эсером-заговорщиком). Этот Орлов был «белогвардейским» разведчиком и служил у большевиков в Наркомюсте. Именно он сфабриковал для Рейли удостоверение работника Петроградского ЧК на имя Сиднея Реллинского. В дальнейшем Орлов считался одним из главных агентов савинковских организаций и имел странную партийную кличку — «Люди першой кляссы». Уже в 30-е годы, бежав из СССР, Владимир Орлов издаст на Западе уникальные воспоминания о пережитом в России под красноречивыми названиями — «Двойной агент» и «Убийцы, фальсификаторы и провокаторы».

В феврале 1918-го лейтенант Рейли (или, как он еще себя называл, Райллэ) посещает родную Одессу в составе английской миссии полковника Бойля. Эта миссия была направлена в Причерноморье (Крым — Кубань — Одесса) с целью обмена военнопленными и их эвакуации и пыталась оказать посреднические услуги в мирных переговорах между румынским командованием и представителями советской власти (см. очерк о Муравьеве). В задачи миссии входило отслеживание политической и экономической ситуации на Юге развалившейся

Российской империи — «ознакомление с обстановкой», воссоздание шпионской сети, поиск сил антигерманской направленности, способных отвлечь часть немецких войск с Западного фронта.

По-видимому, одной из целей Рейли было внедрение в правящую «новую элиту» «красной Одессы». Возможно, Рейли встречался с «красным диктатором» Михаилом Муравьевым и не исключено, что склонил его к сотрудничеству с британскими спецслужбами. Ведь у Муравьева, как и у британцев, было отрицательное отношение к «замирению с немцами». К тому же очень скоро, месяца через три, Муравьев провозгласил «войну против немца».

Можно предположить, что контакты Рейли не ограничились только Муравьевым. Не исключено, что в сферу его «интересов» тогда попали и Лазарев, и Блюмкин, и Винницкий-Япончик. [292] Естественно, посетил Рейли и свою престарелую мать Софью Рубиновну Розенблюм, которая сдавала свой особняк на улице Троицкой под английское консульство.

В мае 1918 года под видом сербского офицера Рейли перевозит с «белого» мятежного Дона в заполярный Мурманск Александра Керенского, спасая «любимца революции» от неминуемой расправы от рук как «красных», так и «белых». И Керенский в очередной раз «выкрутится», уехав из Мурманска на английском эсминце подальше от ужаса гражданской.

Некоторое время в 1918 году Рейли прожил в захолустной Вологде, работая в британском вице-консульстве под фамилией Гиллеспи. Есть сведения, что в этом городе он готовил восстание против большевиков с помощью подпольной эсеровской организации.

О рождении супершпиона имеются множество версий. Одна из них: Сидней Рейли в действительности был Зигмундом или Семеном Розенблюмом, родившимся в 1874 году в семье зажиточного еврея на территории «русской Польши». Единственный сын в семье, он порвал со своими родителями и 1893 году эмигрировал в Лондон. Там он стал блистательным авантюристом, самоуверенным и бесстрашным, свободно владеющим шестью языками.

Однако архивы КГБ восстанавливают истину: Сидней (Семен) родился в Одессе в марте 1874 года. Его отец-еврей маклер Марк Розенблюм, мать — урожденная Массино.

Есть отрывочные сведенья о том, что семья Розенблюм тогда жила на Александровском проспекте, в центре города, что мать через несколько лет после рождения Семена разошлась с отцом, а отчим оскорблял и избивал маленького Семена. Одесский

исследователь Феликс Зинько считает, что Семен закончил 3-ю одесскую гимназию и проучился несколько семестров на физико-математическом факультете Новороссийского университета. Но в 70-х годах была пущена в оборот другая, далекая от правды версия, что отец Рейли был «ирландский капитан», мать — «русская». [293] После разрыва с семьей Семен уезжает в Германию, где учится на философском факультете университета в Гей-дельберге, а уж затем перебирается в Англию. На берегах «туманного Альбиона» он женится на ирландке Рейли-Келлегрэн и принимает ее девичью фамилию. (Вот откуда версия ирландского происхождения суперагента.)

Новоиспеченный Сидней Рейли принял католичество, добился английского гражданства и окончил университет в Лондоне по специальности «химия». Некоторые биографы Рейли, да и сам суперагент, рассказывали об учебе в престижном Оксфордском университете, но мы позволим себе в этом усомниться. Сидней-Семен был бедным иностранцем еврейского происхождения и не имел средств и связей, чтобы учиться в Оксфорде.

В 1897 году состоялась его первая экспедиция как начинающего разведчика в дебри Амазонки. И хотя официально его роль экспедиционного повара была банальной, там он начал постигать азы искусства шпионажа под началом члена экспедиции, майора английской спецслужбы Фрезерджила. Некоторые исследователи считают, что Рейли закончил Девонширскую шпионскую школу.

В начале XX века он появляется в стратегическом, нефтяном районе Баку с непонятной миссией — то ли разведчика, то ли исследователя нефтяных залежей. А накануне Русско-японской войны он уже действует в Порт-Артуре, где находилась русская военно-морская база. Под видом крупного лесоторговца Рейли удается проникнуть в высшее русское военное общество Порт-Артура и выкрасть планы военных укреплений и шифры, чтобы продать их японскому командованию за большие деньги.

В 1912–1914 годах Рейли получает доступ к военным тайнам России. Он служит в Петербурге, в военно-морском концерне «Мандрочович и Шубарский» — «Мандро». Рейли связал русскую фирму с немецкими верфями, на которых строились крейсера для русского флота. Все сведения о русско-германских торговых отношениях, о новых видах российского вооружения Рейли отправлял в Лондон. Тогда он познакомился с Распутиным, Сувариным и Захаровым — владельцем крупной оружейной британской фирмы. В годы войны Рейли выступает посредником в вопросах поставки в Россию английского военного снаряжения.

[294]

В 1914 году суперагент объявляется в Японии как представитель «Российско-Азиатского банка» и как агент английской СИС под номером СТ-1.

В 1916 году он, якобы через Швейцарию, был заброшен в Германию, где похитил военно-морские коды. В то же время существует версия, что Рейли во время войны находился в Варшаве,в гостинице «Бристоль», где развернул подпольный штаб агентуры английской разведки в оккупированной немцами Польше.

Английский дипломат Локкарт писал, что в характере Рейли сочетались «артистический темперамент еврея с безумной смелостью ирландца, которому сам черт не страшен», что Рейли наделен «дьявольской ирландской смелостью» и «был сделан из той муки, которую мололи мельницы времен Наполеона». Локкарт ошибался, ни одной капли ирландской крови не текло в жилах Сиднея Рейли, а вот перед Наполеоном он, действительно, преклонялся. Он писал: если лейтенант-корсиканец сумел уничтожить следы Французской революции, то и британский агент Рейли «с такими возможностями, какими он располагает, сумеет оказаться хозяином Москвы». Позже, после провала «заговора послов», Рейли говорил: «Я был в миллиметре от того, чтобы стать властелином России.

Оказавшись в Москве с чекистским мандатом (и одновременно с документами работника уголовного розыска Константинова), Рейли-Реллинский проникает даже на большевистский Олимп — в Кремль. По непроверенным данным, он имел тайную встречу с Лениным, передав ему письмо от премьера Англии Ллойда-Джорджа.

Существуют предположения, что вездесущий Рейли финансировал даже Патриарха Всея Руси Тихона, предоставив ему 5 миллионов рублей «на защиту православия».

В ходе «заговора послов», или как он еще назывался «заговора трех послов» (к английскому дипломату чекисты пристегнули французских и американских дипломатов), планировался арест Ленина и Троцкого и высылка их в Архангельск на британские военные корабли. [295]

В заговоре участвовал морской атташе английского посольства в Петрограде, разведчик Френсис Аллен Кроми. Он-то первым и вышел на нескольких командиров латышских частей (что были расквартированы в Петрограде), которые не скрывали своего отрицательного отношения к советской власти. И у них были все возможности открыто критиковать власть… ведь они были агентами ЧК, и их послал в Петроград Феликс Дзержинский

с целью провокаций и «разоблачения контрреволюции» в Питере.

Латыши были ознакомлены лейтенантом Кроми с планом заговора и по его решению были отосланы в Москву готовить арест советского правительства. Чекисты подключили к «игре» и командира 1-го дивизиона латышских стрелков Э. Берзиня, руководившего охраной Кремля и членов советского правительства. Берзинь разыграл перед англичанами убежденного заговорщика, готового на «исторический поступок», ради независимости «любимой Латвии», независимости, которую можно было обрести, по словам англичан, только при поддержке Англии, после разгрома Германии.

Глава английской дипломатической миссии в России Локкарт решает поручить общее руководство заговором Сиднею Рейли, не догадываясь, что общая канва заговора и предложение поднять на восстание латышские полки были разработаны в недрах ЧК и внедрены в сознание англичан через латышей-чекистов...

Рейли привнес в план заговора много своего. Он предлагает арестовать большевистских лидеров 28 августа 1918 года, во время заседания Совета народных комиссаров. В план Рейли входил немедленный захват Государственного банка, Центрального телеграфа и телефона и других важнейших учреждений. Выдав Берзиню на «расходы» по заговору 1 миллион 200 тысяч рублей, Рейли, в случае успеха, обещал ему несколько миллионов.

Берзинь, получая деньги, тут же относил их в ЧК вместе с подробнейшими докладами о встречах с Рейли. Кроме чекистов-латышей, в «гнезде» заговора оказался журналист французской миссии, что тайно сочувствовал большевикам и, возможно, работал на ЧК — Рене Маршан.

25 августа в Москве прошла тайная встреча дипломатов, на которой рассматривался вопрос координации шпионской [296] деятельности. Руководителями шпионской сети стали: от Великобритании — С. Рейли, от Франции — А. де Вертиман, от США — К. Блюменталь-Каламатиано.

Через несколько дней Берзинь и Рейли направились в Петроград, чтобы поднять местные латышские полки и связать их деятельность с московскими заговорщиками. Латышские полки, по заверению Берзиня, ждали только приказа на выступление против большевиков.

В самый разгар подготовки восстания в Москве и Петрограде, 30 августа 1918 года, как гром среди ясного неба, прозвучали сообщения об убийстве главы Петроградской ЧК «товарища» М. Урицкого и о покушении эсерки Кап-лан на вождя Ленина.

Правда о том, кто стоял за этими покушениями, и по сей день

покрыта мраком тайны. О том, что Фаня Каплан, скорее всего, не стреляла в Ленина, написано уже множество статей, а вопросов остается больше, чем ответов. Есть даже версия о том, что покушение на Ленина организовали глава ВЦИК Я. Свердлов и Ф. Дзержинский, чтобы перехватить власть. Но, скорее всего, это громкое покушение нужно было для того, чтобы развязать «красный террор» и «под шумок» арестовать иностранных дипломатов и лидеров конкурирующих партий.

31 августа чекисты оцепили здание английского посольства в Петрограде. Но англичане не думали сдаваться и открыли огонь. В перестрелке погиб атташе Кроми, а посольство было взято штурмом и подвергнуто разгрому.

В Москве дипломат Локкарт, его помощница и любовница Мария (Мура) Бенкендорф (о ней пишет Н. Берберова в романе «Железная женщина»), а также резидент разведки Бойс были арестованы и отправлены в ЧК. Локкарту, чекисты пытались «пришить» организацию покушения на Ленина. Но никаких компрометирующих доказательств участия Локкарта в заговоре и в организации террора против «вождей» ни во время обыска, ни во время допроса не было добыто, и дипломатов пришлось отпустить. Локкарт выехал в октябре 1918 года на родину. [297]

Интересно, что чекисты сами подталкивали заговорщиков к совершению террористических актов. Так, Берзинь предлагал Рейли организовать похищение Ленина и Троцкого, что создаст панику и исключит возможность освобождения этих популярных лидеров. Рейли же отговаривал заговорщиков от такого шага, предлагая сделать этих политиков не мучениками, «а посмешищем всего мира». И для этого предлагал без штанов провести их по улицам Москвы!

В конце ноября 1918-го состоялся судебный процесс по делу Локкарта, причем в числе 24 обвиняемых Рейли и Локкарта судили заочно. Оба были приговорены к расстрелу, который им грозил «при первом же обнаружении их в пределах территории России». Тем временем в Англии за проведенные операции в России Рейли удостоился ордена «Военный Крест».

Побыв в Петрограде десять дней, Рейли молниеносно устремляется в Москву.

На станции Клин, во время путешествия из Петербурга в Москву, Рейли покупает газету и узнает из нее, что выступление левых эсеров в Москве разгромлено и разоблачен «заговор послов». Вскоре после этого, переодевшись священником, Рейли бежит в оккупированную немцами Ригу, а оттуда по фальшивому немецкому паспорту отбывает в Голландию и далее — в Англию.

Из своего пребывания в Советской России суперагент вынес

лютую ненависть к новому строю. Он писал, что большевики — «раковая опухоль, поражающая основы цивилизации», «архивраги человеческой расы», «силы антихриста»... «Любой ценой эта мерзость, народившаяся в России, должна быть уничтожена... Мир с Германией, мир с кем угодно. Существует лишь один враг. Человечество должно объединиться против этого полночного ужаса».

«Заговор послов» не удался, но сослужил советской власти хорошую службу. Он оправдывал развертывание «красного террора» и третирование зарубежных послов. Возможно, вместе с «мятежом левых эсеров» он был частью большой «интермедии» ЧК, о которой рассказывается в очерке о Блюмкине. [298]

Пробыв в Англии всего полтора месяца, Сидней Рейли снова отбывает в охваченную гражданской войной Россию. В декабре 1918 года его и военных представителей Англии и Франции встречают в Екатеринодаре офицеры Вооруженных сил Юга России — «добровольцы». Рейли участвует в обсуждении вопроса о будущем «постимперского пространства». Позже он побывал в Крыму и на Дону.

В феврале — марте 1919 года суперагент оказывается в «французско-белогвардейской» Одессе, где проводились тайные и важные для Украины переговоры между агентами Петлюры и французским командованием о возможном союзе Франции с УНР. Тогда разведчик говорит о себе как о «политическом офицере», эксперте британской военной миссии.

В Одессе Рейли встречался с губернатором Одессы белогвардейским генералом Гришиным-Алмазовым, с разномастными российскими и украинскими политиками.

Интересно, что первая биография Рейли была напечатана в родной Одессе в газете «Призыв» в марте 1919-го, в виде анонимной статьи под названием «Иностранец, который знает Россию». В этой статье впервые указывалось, что Рейли был одним из организаторов «заговора послов», и о том, что большевики приговорили его к смертной казни.

Много позже, в 1922 году, Рейли напишет Борису Савинкову: «Нью — Йорк громадный город, в котором все отчаянно борются за существование. Все, но каждый в одиночку... Здесь я часто вспоминаю Одессу в период послереволюционного межвластия. И там тоже я был вовлечен в суетную борьбу. Но одесские страсти были мне чужды, и я был там в роли градусника, с помощью которого измеряли политические страсти те, кому это было необходимо. Соответственно мои возможности приобщиться к сладкому пирогу любой власти были ничтожны...».

Рейли успел провести в Одессе «Вечер встречи бывших

портартуровцев», наладить некоторые агентурные связи, а также связи с «Советом государственного объединения России» и с украинским «Союзом хлеборобов».

В те дни в Одессе «куются» огромные капиталы, золото и бриллианты империи увозятся за границу, а представители [299] иностранных разведок уходят в бизнес. Так, американский шпион Г. Шеркижен покровительствовал правлению Всероссийского земского банка, которое оказалось в Одессе, английский разведчик П. Багге занял ключевые позиции в Русско-английской торговой палате. А старый знакомый по Петрограду 1918 года Владимир Орлов, став начальником одесской контрразведки, арестовал нескольких банкиров-аферистов, конфисковав у них миллионные суммы в валюте{12}. Сам Орлов тогда писал: «Горстка спекулянтов, ловких и безжалостных, во главе с сахарными королями братьями Х, до последней нитки обирают голодных одесситов...»

В родном городе Рейли так и не смог поймать «птицу удачи». Его умело отстранили от денежных «кормушек», и все его старания обрести богатства в Одессе оказались тщетными. Рейли пришлось ни с чем возвращаться на берега туманного Альбиона.

С 1918 года Рейли тесно сотрудничал с Борисом Савинковым и участвовал в походах против «красных» на Мозырь. Позже он напишет: «...я проводил с Савинковым целые дни, вплоть до его отъезда на советскую границу. Я пользовался его полным доверием, и его планы были выработаны вместе со мной». Рейли добивался финансирования авантюр Савинкова у английского, французского, польского, чехословацкого правительств, а иногда снабжал его деньгами из собственного кармана.

В 1922 году Рейли вместе с Савинковым разработал план террористических актов против членов советской дипломатической делегации, что направлялась на Генуэзскую конференцию.

Тогда же состоялось знакомство Рейли с вдовой английского драматурга Х. Чемберса Пепитой-Жозефиной Боабодильей. На следующий год они поженились в Лондоне. В 1931 году супруга суперагента выпустила книгу невероятных историй, с претензией на сенсацию и достоверность, под названием «Похождения Сиднея Рейли — мастера английского шпионажа». Сам Рейли, не страдая от избытка скромности, также издал книгу о своих подвигах, которые иначе, чем фантастическими, не назовешь. [300]

Очевидно, уже с 1920 года Рейли отстраняют от разведывательных операций, но он с энтузиазмом продолжает, на свой страх и риск, дело борьбы «против Советов». В начале 20-х

годов Рейли все же удалось немного разбогатеть. Он спекулировал чешским радием и «чудо»-лекарством «гумагсолан», стал рантье и вошел в высшие круги английского общества, общался с Черчиллем.

В то же время Рейли постепенно утрачивает связь с реальностью. Эксцентричность его начала раздражать власти. Он пытается навязать свое мнение английскому премьеру, министру иностранных дел, иногда называет себя Иисусом Христом. Бывший суперагент страдает в то время расстройствами психики, галлюцинациями. Он мнит себя порой «спасителем цивилизации» и новым пророком.

Около года, с ноября 1924-го по август 1925-го, Рейли проводит в США, судясь с крупной фирмой по вопросу комиссионных. Он ездил по США с антисоветскими лекциями, призывал эмигрантские круги к борьбе против «красной опасности», формирует в США филиал «Международной антибольшевистской лиги». Ему удается вырвать некоторые суммы на борьбу с Советами у «Фонда Форда». Вместе с писателем Полом Дюксом, Рейли перевел на английский книгу своего «героя» Савинкова — «Конь вороной», еще не ведая о гибели ее автора.

Большевистское руководство надеялось любым способом заполучить суперагента, считая его ключевой фигурой всех заговоров. Еще в августе 1924 года Дзержинский приказал заманить суперагента в пределы СССР и арестовать. План операции готовил сам Генрих Ягода. Арест Рейли должен был завершить многофигурную комбинацию под названием «Трест», в ходе которой чекистам удалось даже поживиться деньгами западных спецслужб.

На удочку, подобную «Тресту» уже попался Борис Савинков, но это не остановило суперагента... Он надеялся, что арест друга — роковая случайность. В августе 1925 года Рейли собрался в дорогу, в СССР. Своей жене он пишет: «Мне необходимо съездить на три дня в Петербург и Москву». [301]

Чтобы завлечь Рейли в свои сети, чекисты использовали агента британской разведки в Эстонии Хилла, который работал вместе с Рейли в России, и даже умудрился стать советником Троцкого. Этот шпион работал одновременно на советскую и английскую разведки. Хилл помог чекистам создать службу контрразведки для борьбы с германским шпионажем в Советской России. Он же вызвал Рейли на свидание с руководством мнимого антисоветского подполья в СССР, которое сплошь состояло из чекистов. В сентябре 1925 года произошел известный инцидент на советско-финской границе, у деревни Аллекюль, когда при

нарушении границы советские пограничники убили нескольких нарушителей границы. Финским пограничникам были показаны тела тех, кто пытался перейти границу. А в столичных «Известиях» была опубликована заметка об этом малозначительном событии. В ней говорилось, что при попытке нарушения границы были убиты двое контрабандистов, и делался намек: в числе убитых был суперагент Рейли.

Но в действительности Рейли был еще жив. За несколько дней до этого трагического сообщения провокатор Якушев лично встретил Рейли на финской границе, где мифический «Трест» имел свое «окно». А на следующий день заговорщик был уже в Москве. В августе 1925 года он «инспектирует» московское подполье, передав на его «нужды» 700 тысяч рублей. «Трестовцы» отвезли Рейли на дачу в Малаховку, под Москвой, и устроили там общий «костюмированный» сбор мнимого подполья. Рейли пообещал передать заговорщикам еще 500 тысяч долларов.

После этого «сбора» Рейли вместо Ленинградского вокзала отвезли на Лубянку, в тюрьму. И в ту же ночь была организована пресловутая перестрелка на границе и заметка в газете.

Смерть суперагента — еще одна сплошная загадка. Один из руководителей ЧК — ОГПУ М. Трилиссер направил своему агенту информацию о том, что во время перехода финской границы Рейли тяжело ранен и арестован, а его два товарища убиты. Очевидно, и в шифровки чекисты ввели дезинформацию для возможной утечки.

В книге В. Минаева «Подрывная деятельность иностранных разведок в СССР» (М., 1940) утверждается, что Рейли спокойно перешел границу и устроился на службу [302] в уголовный розыск Ленинграда под именем Сиднея Рел-линского и что он был изобличен как шпион и расстрелян только в 1927 году.

Но большего доверия заслуживает, на наш взгляд, утверждение секретаря Черчилля, который приводит дату и место расстрела Рейли — 5 ноября 1925 года, Москва. Английская разведка действительно много знала...

Свою смерть Рейли принял после длительных допросов и пыток. Допрашивали его «главари» ЧК Ягода, Мессинг и Стырне. Поначалу Рейли проявил редкую выдержку во время допросов. Но вскоре его сломили... Он рассказал многое об английском и американском шпионаже, о русском эмигрантском политическом движении. Вот почему требовалась мнимая смерть агента на границе...

Рейли вывезли в ближайшее Подмосковье, в Богородский лес у Сокольников, и убили выстрелом в голову. Труп зарыли во дворике для прогулок внутренней тюрьмы ОГПУ на Лубянке, в

самом центре Москвы, властвовать над которой он так стремился. Не получилось, но вот частицей московского ландшафта он стал.

Любопытно, что другой супершпион, сторонник Савинкова — Владимир Орлов, знал в деталях о последних днях и убийстве Рейли, хотя вся информация была «совершенно секретна». Кстати, Орлов пишет о Рейли, как о своем «великом друге» и «отличном парне».

В 1990 году публицист Р. Пименов, изучив ряд новых материалов о Рейли, пришел к парадоксальному выводу: английского суперагента Рейли не существовало. А был советский разведчик и контрразведчик С. Реллинский... Все остальное, по Пименову, — легенды, созданные ЧК. Чекист Реллинский был заслан к Локкарту и разоблачил «заговор послов», затем отправился в Англию как советский шпион. В 1925 году он получает приказ вернуться в СССР. А перестрелка на границе и газетные утки о гибели Рейли были только инсценировкой. После переезда в СССР Реллинский работал в уголовном розыске, но когда к власти в ЧК-ОГПУ пришел Генрих Ягода, то последний уничтожил за что-то нелюбимого разведчика, как «английского агента».

Парадоксальность (если не сказать — абсурдность) утверждений Р. Пименова, изложенных им в статье «Как я искал шпиона Рейли» («Совершенно секретно». — 1990. — №8. — С. 22–23) [303] заключается в том, что автор игнорирует неоспоримые факты: Рейли был хорошо известным в Европе «деятелем», его знал Черчилль, документы, связанные с его арестом и гибелью, как и фотографии трупа суперагента, были доступны исследователям.

Судьба супершпионов — тайна. К тому же, возможно, что свою последнюю авантюру Рейли попытался осуществить на свой страх и риск, без прикрытия английских спецслужб. Рейли представлял собой блистательного авантюриста, в западном понимании этого слова. Он бросался в пучину любовных интриг и заговоров, денежных афер и террористических актов, но при этом сохранял верность своим пристрастиям, идеалам и присяге, во всяком случае до того, как попал в лапы чекистских «пыточных дел мастеров».

Террорист Блюмкин — «игрок со смертью»

Голодный декабрь 1921 года. На всей территории бывшей Российской империи гуляет смерть. Эпидемии тифа и чумы, голод, безработица, разруха, повсеместные крестьянские восстания… Махно, атаман Антонов, тысячи других батек и атаманов «покоряют» огромные степные и лесные просторы республики.

Казалось, власть и правящая партия уже не контролируют даже собственный аппарат, где начинают появляться многочисленные оппозиции и «уклоны». Казалось, власть Советов доживает свои последние дни и удушит сама себя безумными декретами. Удивительно, что в это смутное время дикий голод и холод можно было «заглушить» стихами. Кто-то их писал, кто-то слушал, кто-то мечтал о славе поэта, когда все мечтали о хлебе…

В то страшное время в круг посетителей московского «Кафе поэтов», где завсегдатаями были Маяковский, Есенин, Мариенгоф, вошел странный субъект, у которого была репутация отчаянного террориста и заговорщика, — Яша Блюмкин (эсеровская партийная кличка «Живой»). В довольно замкнутый круг «литературной богемы» Блюмкина ввели Донат Черепанов (известный террорист и будущий «подельник» бандитки Маруси Никифоровой) и Юрий Саблин (сын крупного книгоиздателя и будущий «красный» командир). Эти двое молодых честолюбцев, лидеры левых эсеров, были друзьями известных поэтов.

Саблин дружил с Есениным, причем поэт в конце Семнадцатого входил в боевую эсеровскую дружину. Дошл Черепанов поддерживал знакомство с поэтом В. Ходасевичем. Тогда левым эсерам сочувствовали многие писатели [305] и поэты: Блок, Белый, Ремизов, Клычков, Клюев, Орешин и другие менее известные литераторы.

Яша почти ежедневно сидел за столиком «Кафе поэтов» и прислушивался к сбивчивым разговорам поэтов и их поклонников.

Он был «лириком, любил стишки, любил свою и чужую славу», вспоминал Анатолий Мариенгоф. Другой поэт — Вадим Шершеневич — так описал Блюмкина: «…человек с побитыми зубами… он озирался и пугливо сторожил уши на каждый шум, если кто-нибудь сзади резко вставал, человек немедленно вскакивал и опускал руку в карман, где топорщился наган. Успокаивался только сев в свой угол… Блюмкин был очень

хвастлив, также труслив, но, в общем, милый парень... Он был большой, жирномордый, черный, кудлатый с очень толстыми губами, всегда мокрыми». Очевидно, в 1920 году Блюмкин страдал серьезным психическим расстройством. Его преследовало постоянное чувство страха за свою жизнь.

Уходя за полночь из «Кафе поэтов», он умолял кого-нибудь из своих знакомых обязательно проводить его до дома, явно опасаясь покушения. «Он обожал роль жертвы», — добавляет Шершеневич, и еще: «... он ужасно трусил перед болезнями, простудами, сквозняками, мухами (носителями эпидемий) и сыростью на улицах».

Кем же был этот «трус» и себялюбец, которому посвятили страницы своих воспоминаний известные поэты того времени и даже «сам» всесильный нарком Троцкий?

Блюмкин — легендарная и вместе с тем авантюрная личность эпохи революции. Тревожным июлем 1918 года его поступок мог бы изменить историю революции в России, а может быть, и ход Первой мировой войны. Но обо всем по порядку...

Яков Григорьевич Блюмкин, он же Симха-Янкель Гершев Блюмкин, родился в Одессе, на Молдаванке, в 1898 году, хотя в своей краткой биографии Блюмкцн «омолодил» себя, утверждая, что появился на свет в марте 1900 года. Он «менял» и свое «социальное происхождение»: то утверждал, что родился в семье крупного купца — «буржуя», [306] то заверял товарищей, что отец его был всегонавсе-го «рабочим лесных фирм», а позже — мелким еврейским торговцем-приказчиком.

С местом рождения тоже были проблемы... Блюмкин рассказывал, что родился вовсе не в Одессе, а в маленьком местечке Сосница Черниговской губернии и лишь в начале XX столетия с семьей переехал в Одессу. Когда Янкелю-Якову исполнилось шесть лет, умер его отец, оставив большую семью в шесть человек без средств к существованию.

Блюмкин писал: «В условиях еврейской провинциальной нищеты, стиснутый между национальным угнетением и социальной обезделейностью, я рос, предоставленный своей собственной детской судьбе». Детство и юность его связаны с миром Мишки «Япончика» — «короля бандитов», которому Яша в детстве подражал. Образование он получил в еврейской школе, которой руководил известный еврейский писатель — «дедушка еврейской литературы» Менделе-Мойхер-Сфорим (Я. А. Шолом). Обучение для сирот в этой школе было бесплатным, за счет иудейской общины. Пять классов и знание Талмуда, иврита, идиша и русского языка — это невесть что, но вполне достаточно, чтобы работать мальчиком-посыльным в магазинах и конторах

Одессы.

Первое знакомство Блюмкина с революционерами произошло благодаря брату Льву (анархисту по убеждениям) и сестре Розе, которая состояла в социал-демократической партии. Но социал-демократы были слишком «консервативны» для Яши. Уже будучи учащимся технического училища, в 1915 году семнадцатилетний юноша знакомится с группой анархистов-коммунистов. Это было недолгое увлечение.

В том же году он вступает в партию эсеров, примыкая к ее левому крылу, которое к октябрю 1917 года становится партией левых эсеров. Втянул в эсеровский мир Блюмкина студент-эсер Валерий Кудельский (он же «Горожанин», он же «Гамбург»). Этот загадочный революционный персонаж был другом Котовского (вместе сидели) и Маяковского, а в 20-е годы возглавил секретно-оперативный отдел ГПУ-ЧК Советской Украины. А тогда, в «мирное царское время», Кудельский «баловался стишатами» и был посредственным провинциальным журналистом. [307]

Друг Яши с шестнадцати лет, поэт Петр Зайцев утверждал, что Блюмкин до революции «никакого участия в политической борьбе не принимал» и что Яша всегда был «не чистым на руку… принимал участие в Одессе в самых грязных историях». Так, по словам того же Зайцева, он торговал фальшивыми отсрочками от армейской службы.

В предреволюционные годы юный Блюмкин работает электриком в электротехнической конторе, трамвайном депо, театре, на консервной фабрике братьев Аврич и Израильсона. Подолгу на одном месте неуживчивый, строптивый юнец не задерживался… И еще он писал стихи, которые публиковались в газетах «Одесский листок», «Гудок», журнале «Колосья». Молодое поколение Блюмкиных вообще было склонно к литературным занятиям. Старшие братья Якова — Исай и Лев были журналистами одесских газет, а брат Натан получил признание как драматург (псевдоним «Базилевский»).

Судьбоносный Семнадцатый — сплошной «пробел» в биографии «известного революционера». Почему-то он не хотел вспоминать о времени, когда страной руководило Временное правительство. Возможно потому, что сам в то время симпатизировал этому «буржуазному правительству». Есть сведения, что Блюмкин некоторое время жил в Харькове, где подвизался в партиях народных социалистов и эсеров в роли агитатора (обе партии поддерживали Временное правительство). Как агитатор «по выборам в Учредительное собрание» он в августе — октябре 1917 года побывал в Поволжье.

Во время «одесской революции», в январе 1918-го, Блюмкин,

совместно с Мишкой «Япончиком», принимает активное участие в формировании в Одессе 1-га Добровольческого железного отряда, состоявшего из люмпен-пролетариев и матросского пулеметного отряда, который и творил «ту самую революцию».

В те «мятежные» месяцы «одесской революции» Яша «водит» дружбу с лидерами одесских «крайне левых» групп и представителями местной «левой поэтической богемы»: лидерами эсеров-максималистов Б. Черкуновым и П.Зайцевым, анархистом Ю. Дубманом. Черкунов тогда был комиссаром у знаменитого матроса Железнякова, а Петр Зайцев, «поэтический» юноша, стал начальником штаба у диктатора Одессы Михаила Муравьева и, по утверждению [308] Блюмкина, увез «много миллионов из Одессы». Интересно, что Блюмкин был всегда где-то рядом с крупными теневыми денежными потоками.

В Одессе Блюмкин знакомится еще с одним авантюристом — поэтом А. Эрдманом, членом «Союза защиты родины и свободы» и английским шпионом. Возможно, Эрдман и устроил дальнейшую карьеру Блюмкина в ЧК. Уже в апреле 1918-го Эрдман под видом лидера литовских анархистов Бирзе ставит под свой контроль часть вооруженных анархистских отрядов Москвы и одновременно работает опером в ЧК, собирая информацию о немецком влиянии в России для стран Антанты. Очевидно, в его задачу входило столкнуть анархистов и левых эсеров с большевиками, спровоцировать первых на вооруженное выступление. Эрдман написал также несколько доносов на Муравьева, по которым большевики вели следствие. Очевидно, одно из заданий Эрдмана заключалось в том, чтобы обострить конфликт Муравьева с большевиками. «Одесская дружба» Эрдмана и Блюмкина не прерывалась и в Москве.

В марте 1918 года Блюмкина рекомендуют на пост начальника штаба 3-й Украинской советской «одесской» армии, которой предстояло остановить наступление румынских и австро-венгерских войск. Эта «армия» насчитывала всего около четырех тысяч солдат и подчинялась командующему М. Муравьеву.

Однако это воинство, так и не понюхав пороху, панически отступило при приближении австро-венгерских войск. Часть армии на кораблях добралась до Феодосии, где Блюмкина «за особые боевые заслуги» (!) назначают комиссаром Военного совета армии и помощником начальника штаба армии.

В апреле армию перевели в район Донбасса (Лозовая — Славянск). Перед ней была поставлена задача — сдерживать наступление германских, австро-венгерских войск и частей УНР на Донбасс. Но этот приказ злополучная армия не выполнила и разбежалась, превратившись в сотни мелких отрядов, что

уклонялись от боев, но охотно реквизировали деньги банков и продовольствие у крестьян. Блюмкин, уже в качестве начальника штаба, руководит этими экспроприациями. Так, за ним числилось темное дело с экспроприацией четырех миллионов рублей из Государственного [309] банка городка Славянска. Дабы замять свои делишки, Блюмкин предложил командующему 3-й революционной армией левому эсеру Петру Лазареву взятку. Часть денег Блюмкин решил оставить себе, часть — передать в фонд левоэсеровской партии.

Но махинации Блюмкина стали хорошо известны и под угрозой ареста он возвращает в банк три с половиной миллиона рублей. Куда подевались еще 500 тысяч, деньги тогда еще достаточно большие, остается загадкой. Очень загадочным в связи с этим представляется бегство Лазарева с фронта и с поста командующего. Архивные документы констатируют, что 80 тысяч из четырех миллионов пропали вместе с Лазаревым.

В конце апреля 1918 года Блюмкин покидает 3-ю армию, где он уже прослыл вором, и приезжает в Москву, где сразу же погружается в водоворот межпартийных интриг. Ему везет, он делает головокружительную революционную карьеру — становится во главе охраны ЦК партии левых эсеров.

«Революция избирает себе молодых любовников», — писал Троцкий, вспоминая Блюмкина. Яков Блюмкин, по словам Троцкого, «имел за плечами странную карьеру и сыграл еще более странную роль». Он стал одним из «отцов-основателей» ЧК и жертвой своего детища.

К лету 1918 года партия левых эсеров разрослась до 100 тысяч членов. Это была огромная сила, рвавшаяся к власти. За ней стояло многочисленное крестьянство и на вооружении у нее были традиции революционного террора. На почве критики большевизма росла популярность левых эсеров и слава «честных революционеров». Казалось, эта партия является той силой, что способна исправить «перекосы Октября» и смягчить «революционную диктатуру».

В мае 1918 года девятнадцатилетний Яков «представлял свою партию в ЧК при Дзержинском». Его назначают на ответственную должность начальника секретного отдела по борьбе с контрреволюцией в ЧК. Почему?! За какие заслуги?! Вопросы, к сожалению, остаются открытыми. И можно только предполагать, какие связи или какие деньги сыграли в этом решающую роль.

В ЧК Блюмкин был принят по рекомендации ЦК левых эсеров «как специалист по раскрытию заговоров». Очень интересно — каких? Что считать заговором: «октябрьскую [310] революцию» в Одессе или участие Яши в отрядах «еврейской самообороны»,

которые создавал Япончик в 1917-м? О раскрытии Яшей к маю 1918-го, хотя бы одного действительного заговора историкам ничего неизвестно. Этих «заслуг» у него явно не было, иначе... Иначе наш хвастливый «герой» постоянно вспоминал бы о них устно или в своих мемуарах.

Так или иначе, в июне 1918 года его деятельность была конкретизирована — заведующий отделением контрразведовательного отдела по наблюдению за охраной посольств и их возможной преступной деятельностью. В основном Блюмкин занимался «немецкими шпионами». Ответом на вопрос о внезапном взлете карьеры Блюмкина, возможно, могут служить знание Блюмкиным азов немецкого языка и его «одесские связи» с командующим Муравьевым, который, возможно, «вышел» на немецкие деньги.

Быть может, помогли деньги экспроприированные и присвоенные на Украине. Не исключено, что своим «взлетом» он обязан дружбе с Карлом Радеком, «полубогом большевистского Олимпа», очень влиятельной фигурой тех лет.

Не задумал ли Яков повторить «подвиг Ильича» и выжать из немцев деньги на «новую революцию». Возможно, именно через Блюмкина «непримиримый антигерманец». Муравьев получал деньги от немецкого посла Мирбаха.

Попробуем разобраться. В апреле 1918 года в Москву прибывает граф Вильгельм фон Мирбах — дипломатический представитель Германии в России. Наделенный особыми полномочиями, Мирбах считался мастером политической интриги. Он умудрялся поддерживать, казалось бы, невозможные связи с явными противниками Брестского мира.

Очевидно, Блюмкин вышел на немецкого посла через его родственника, офицера австрийской армии Роберта фон Мирбаха, который продолжительное время находился в русском плену, а в апреле 1918 года был освобожден и проживал в одной из московских гостиниц. В этой же гостинице снимала номер шведская актриса М. Ланд стрем, которая неожиданно, без видимых причин, покончила жизнь самоубийством.

Возможно, у актрисы и бывшего военнопленного был роман, так как в ходе следствия Роберт фон Мирбах был арестован. Вильгельм фон Мирбах обращается в ЧК [311] с просьбой освободить родственника под гарантии посла Германии и обещает, в случае необходимости, по первому требованию ЧК «доставить» Роберта Мирбаха в ЧК для окончания следствия.

Посол «заглотнул наживку», не догадываясь, что его племянник Роберт к тому времени был уже завербован Блюмкиным как осведомитель в делах Германского посольства.

Через Роберта велись секретные переговоры, а главное: в направлении Блюмкин — Муравьев, возможно, шли деньги. Германский посол, передавая деньги Блюмкину, имел возможность держать последнего в страхе перед разоблачением его неприглядных деяний.

Блюмкин сообщает Муравьеву о грозящей ему опасности. Так вначале возникает план похищения Мирбаха. Но уже в конце июня 1918 года Блюмкин и Муравьев начинают убеждать ЦК левых эсеров убить посла Германии, для того чтобы спровоцировать «революционно-освободительную войну против немецких империалистов», а за одно и для отстранения от власти сторонников Брестского мира (Ленина и его приверженцев).

ЦК левых эсеров 24 июня 1918 года принял решение «в самый короткий срок положить конец так называемой военной передышке, создавшейся благодаря ратификации большевистским правительством Брестского мира, организовав ряд террористических актов в отношении видных представителей германского империализма».

Вечером 4 июля, беседуя с лидером левых эсеров Марией Спиридоновой, Блюмкин вызывается убить Мирбаха. План, разработанный Блюмкиным, был принят эсеровским ЦК, и покушение было назначено на 5 июля 1918 года. Однако Яков почему-то тянул и отложил исполнение теракта на день.

Граф Мирбах 5 июля посещает заседание V съезда Советов, где выслушивает множество проклятий как в свой адрес, так и в адрес своей страны, со стороны ораторов — левых эсеров. Но ему удается оставаться спокойным и сдержанным. Он слишком хорошо знал цену политической «трескотни».

А что же наш «герой»? Блюмкин в ночь перед покушением пишет прощальное «письмо к товарищу», решив после совершения теракта сдаться властям. Кому же из товарищей было оно адресовано? Возможно Муравьёву. [312]

В этом письме, которое можно воспринимать как политическое завещание, Блюмкин рассуждает о том, что толкает его на это убийство:

«Черносотенцы-антисемиты с начала войны обвиняют евреев в германофильстве, и сейчас возлагают на евреев ответственность за большевистскую политику и за сепаратный мир с немцами. Поэтому протест еврея против предательства России и союзников большевиками в Брест-Литовске представляет особое значение. Я как еврей, как социалист, беру на себя совершение акта, являющегося этим протестом».

Обращаясь к неизвестному товарищу, Блюмкин называет его «противником сепаратного мира с Германией», заявляя, что «мы

обязаны сорвать этот постыдный для России мир». Автор просит, в случае его гибели, сделать письмо достоянием широких масс. Ведь весь мир должен узнать, что «еврей-социалист не побоялся принести свою жизнь в жертву протеста...».

Блюмкин серьезно готовился к покушению. На бланке ЧК было отпечатано официальное направление для переговоров с послом Германии «по делу, имеющему непосредственное отношение к самому германскому послу». Ему помогали соратники — однопартийцы. Левый эсер, член ЦК ПЛСР П. Прошьян подделал подпись Дзержинского на документе, а В. Александрович, в то время занимавший должность заместителя Дзержинского, «приложил» печать к мандату и распорядился выдать Блюмкину машину ЧК.

В квартире у Прошьяна Блюмкин получает две бомбы{13} и два револьвера. К нему присоединяются помощники по совершению теракта — Николай Андреев и черноморский матрос из ЧК (его имя история не сохранила). Интересно, что Андреев был известен Блюмкину еще по Одессе.

6 июля 1918 года, в 14 часов, оставив шофёра и матроса в машине, Блюмкин и Андреев вошли в здание Германского посольства и потребовали аудиенции у Вильгельма фон Мирбаха. В это время посол обедал, и гостям пришлось ждать. Их приняли советник посольства граф Бассевитц и старший советник Рицлер, но пришедшие проявляли [313] завидное упрямство и настаивали на личной встрече с графом Мирбахом.

Далее трагические события разворачиваются по следующему сценарию. Мирбах все-таки выходит к настырным визитерам. Блюмкин в течение пяти минут излагает ему «историю» ареста его племянника, а затем лезет в свой портфель, якобы для того, чтобы достать нужные документы. Но внезапно выхватывает из портфеля револьвер и стреляет сначала в Мирбаха, а затем в двух служащих посольства, сопровождавших его в этот роковой час.

Выстрелив три раза, Блюмкин бросился бежать. Но тут Андреев замечает, что Мирбах вовсе не убит. У посла хватило сил, чтобы подняться на ноги и, согнувшись, пойти. Андреев швыряет ему под ноги портфель, в котором находились бомбы, но они не взрываются. Андреев, находясь рядом с Мирбахом, умудряется, резко оттолкнув посла, поднять одну из бомб и с силой швырнуть ее в сторону жертвы. Бомба взрывается с оглушительным грохотом, разлетаются мелкие осколки оконного стекла, сыплется штукатурка.

Блюмкин и Андреев прыгают в окно. При падении со второго этажа Блюмкин подворачивает ногу. Однако террористы успешно преодолевают ограду посольства и садятся в автомобиль. И это,

несмотря на начавшуюся из посольства стрельбу. А граф Мирбах с разорванной грудной клеткой истекал кровью. Ему оставалось жить несколько минут...

Существует несколько иная версия террористического акта. По ней именно Блюмкин бросил бомбу и, выпрыгнув после взрыва из окна, повредил ногу, а перелезая через железную ограду, зацепился и повис на ней. К тому же получил пулю в ягодицу. А сопровождавший его сообщник «не спеша» убил Мирбаха и снял Блюмкина с решётки. После чего оба благополучно скрылись на автомобиле.

Прятаться они планировали в отряде Дмитрия Попова. Это был отряд особого назначения Московской ЧК, командные должности в котором занимали левые эсеры. Отряд состоял преимущественно из военных матросов, осуждавших Брестский мир и фактическое уничтожение флота.

В машине обнаружили, что Блюмкин ранен и не в состоянии самостоятельно передвигаться. Его перенесли в штаб, сбрили бороду и остригли пышную шевелюру, обрядили, [314] сняв френч, в военную гимнастёрку. После этих манипуляций, решив, что Блюмкин практически неузнаваем, его поместили в лазарет, который располагался напротив штаба Попова.

Но уже через несколько часов преступление и место пребывания преступников было раскрыто. Председатель ЧК Ф. Дзержинский примчался в штаб отряда Попова и потребовал немедленной выдачи террористов. Ему было не только в этом отказано, но и его самого — «Железного Феликса» — арестовали его же подчиненные из отряда Попова.

Отряд особого назначения ЧК, руководимый Дмитрием Поповым (будущим махновским командиром), стал центром восстания левых эсеров. Именно сюда был перебазирован ЦК левых эсеров, именно здесь они сосредоточили свои главные силы, а это около двух тысяч штыков и сабель, сорок восемь пулемётов, четыре броневика и восемь орудий. Большинство бойцов отряда составляли анархистски настроенные черноморские матросы.

Отряд левых эсеров захватывает телеграф, для того чтобы сообщить всей России, что все депеши за подписью Ленина «вредны» для советской власти и «правящей в настоящее время партии левых социал-революционеров». Левые эсеры заявили, что не хотят крови, но будут вынуждены обороняться, если войска, верные большевикам, нападут на них. Кроме Дзержинского, левые эсеры арестовали чекиста М. Лациса и председателя Моссовета большевика П. Смидовича.

В 6 часов утра 7 июля по особняку, в котором располагались

отряд Попова и основные силы левых эсеров, открыла огонь артиллерия. Большевиков уже гораздо в меньшей степени интересовал захват Блюмкина, а вот все происходящее им было очень даже на руку. Они получили возможность одним махом разделаться со своими союзниками левыми эсерами и с террористами. В зале Большого театра во время V Всероссийского съезда Советов была арестована левоэсеровская фракция во главе с «вождем партии» Марией Спиридоновой. Попов тогда грозился: «За Марусю снесу артиллерией пол-Кремля, пол-Лубянки, пол-Театра!». Но большевики оказались сильнее.

Москва превратилась в кровавую арену гражданской войны. Прямой наводкой из пятнадцати орудий большевики [315] расстреляли квартал, где засели левые эсеры, превратив его в руины. Левые эсеры не выдержали и стали отходить, оставляя городские позиции. Их небольшие отряды большевики быстро уничтожали или разоружали. К 5 часам дня 7 июля выступление левых эсеров было подавлено. Они понесли значительные потери: 300 человек погибло в боях или было расстреляно на месте, около 600 человек арестовано. Был издан ленинский указ об аресте всех боевиков левых эсеров и членов их ЦК.

События в Москве было тесно связано с выступлением командующего Восточным фронтом левого эсера Муравьева. Вскоре некоторые лидеры восстания будут расстреляны (тринадцать человек), Попов, заочно приговоренный к расстрелу, найдет спасение у Махно, десять политических лидеров — членов ЦК партии окажутся за решеткой. Спиридонова и Саблин «получили» год тюрьмы, но были амнистированы 29 ноября 1918 года, уже после развала Германской империи.

Таким образом, 7 июля 1918 года партия левых эсеров была полностью разгромлена, ей уже не суждено было ни возродиться, ни полностью легализоваться. «Каинова печать» заговорщиков и мятежников легла на бывших союзников большевиков. Левых эсеров изгоняли из Советов и профсоюзов. Вот пример печальной для них статистики: если до мятежа в губернских Советах было 20–23 % левых эсеров, то к концу 1918 года лишь 1%.

Мятеж левых эсеров и убийство Мирбаха, как и большинство деяний Блюмкина, окутаны тайной. Был ли мятеж? Или это разыгралось воображение Ленина и его приверженцев? Есть версия, что мятежа как раз и не было, а была провокация, была оборона левых эсеров от нападения большевиков и попытка освободить своих лидеров, незаконно арестованных большевиками.

Как развитие этой версии выступает гипотеза О. Шишкина (Битва за Гималаи. М., 1999) и В. Романова (Убит 6 июля. М.,

1997). Оба автора утверждают, что убийство Мирбаха было подготовлено Лениным и Дзержинским. О планах убийства Мирбаха в немецком посольстве знали задолго до рокового «визита» Блюмкина. Немецкие дипломаты даже обращались в ВЧК с просьбой пресечь возможное покушение. [316]

Позже, в беседе с женой Луначарского — Натальей Луначарской-Розенель и с ее двоюродной сестрой Татьяной Сац, Блюмкин признался, что о плане покушения на Мирбаха знали и Дзержинский, и Ленин. Интересно, что Ленин сразу же после покушения, по телефону, приказал, что убийц надо «искать, очень тщательно искать, но не найти».

Луначарская-Розенель говорила: «Большевики, как всегда, использовали эсеров как убийц, как людей, террористически воплощающих их идеалы в жизнь».

А что же Блюмкин? Заочно он был приговорён Ревтрибуналом при ВЦИК к трёхлетнему тюремному заключению. 9 июля 1918 года ему удаётся совершить побег из усиленно охранявшейся больницы, как он вспоминает, при помощи «внепартийных друзей».

Впоследствии Блюмкин напишет: «В августе 1918 года я жил в окрестностях Петербурга очень замкнуто, занимаясь исключительно литературной работой, собирая материалы об июльских событиях, и писал о них книгу».

Остаток лета 1918 года Блюмкин скрывается под фамилией Вишневский в городках Рыбинск и Кимры. Его, якобы, пристроили товарищи по партии на работу в уездный комиссариат земледелия, на должность младшего чиновника. Но это все было выдумано для потомков и отчетов и «партийных товарищей»...

В действительности лето 1918 года Блюмкин проводит в Питере, где служит в местном ЧК под фамилией Владимиров Константин Константинович. Тогда же он начал усиленно интересоваться, по долгу своей чекистской службы, оккультными кружками и сборищами местных мистиков.

Остается открытым вопрос, когда Блюмкин связал свою жизнь с ЧК? На мой взгляд, его завербовали еще весной 1918 года, используя для убеждения компроментирующие материалы о его «финансовых делишках». И обманом выглядят показания Дзержинского, которые он дал сразу после подавления «мятежа». Дзержинский уверял, что Блюмкину он никогда не доверял, особенно после доносов в ЧК [317] Раскольникова и Мандельштама о том, что Блюмкин бахвалится, будто «жизнь людей в его руках» и что от него зависит вынесение смертных приговоров. Дзержинский уверял, что он даже отстранил

Блюмкина от должности за болтливость... Но удивительно, что тот же Дзержинский скрывает осужденного Блюмкина в своем «штате» и поручает ему секретные операции.

С сентября 1918 года Блюмкина решают «использовать» в Украине. Без ведома руководства левых эсеров он пробирается в Москву, а оттуда в Белгород — на границу с Украиной.

В ноябре того же года, в момент всеобщего восстания против украинского гетмана Павла Скоропадского и австро-немецких оккупантов, Блюмкин находит своих партийных товарищей в Киеве и с азартом включается в эсеровскую подпольную работу. Он участвует в подготовке террористического акта против гетмана Скоропадского, досадуя на то, что с покушением на фельдмаршала немецких оккупационных войск в Украине Эйхгорна он опоздал.

Среди «левых товарищей» Блюмкин распространял слух, что руководство партии левых эсеров наделило его особыми полномочиями в проведении террора. Интересно, что сотрудничества с большевиками Блюмкин тогда избегал и всячески стремился к обострению межпартийной борьбы. Большевики просто провоцировали «левых» на оппозиционные выступления...

В декабре 1918 — январе 1919 года, в эпоху властвования Директории Украинской народной республики, он успевает появиться на Подолье, где участвует в организации антиправительственных повстанческих формирований, мелькая среди заговорщиков, подрывавших устои УНР.

В Киеве и Одессе Блюмкин, по его собственному утверждению, «вел советскую агитацию и был членом нелегального Совета рабочих депутатов». Историки находят его в составе второй боевой киевской группы, которая готовилась убить Скоропадского. В состав этой группы входили четыре представителя от партии эсеров-максималистов и четыре левых эсера. Сам террористический акт был поручен Андрееву и намечен на 26 ноября 1918 года, на тот момент, когда гетман принял бы участие в похоронах офицеров-гетманцев, что погибли в боях с петлюровцами, защищая [318] Киев. Но из-за неисправности бомб террористический акт был сорван.

Остается неясным, где скрывался Блюмкин в феврале — марте 1919 года от большевиков и петлюровцев... Возможно, он навещал родную Одессу. В апреле 1919 года он внезапно является к своим бывшим коллегам, в Чрезвычайную комиссию в Киеве и отдает себя в руки «советского правосудия». Это был более чем странный ход для подрасстрельного осужденного, особенно на гребне «красного террора», когда левых эсеров расстреливали не

за какие-то преступления, а просто за принадлежность к партии. Очевидно, у Блюмкина был свой человек в киевской ЧК, который давал гарантии жизни и свободы.

На следствии по «своему делу», которое началось после сдачи Блюмкина в ЧК, он не раскаивался в убийстве Мирбаха и не вымаливал прощение. Он, скорее, пытался не только по-новому трактовать события, но и обосновать свою «особую роль» в революции и заслуженное место в истории. Он не отказывался от своего преступления, а возводил его в ранг героического действа.

«Я, отдавши себя социальной революции, лихорадочно служивший ей в пору ее мирового наступательного движения, вынужден был оставаться в стороне, в подполье. Такое состояние для меня не могло не явиться глубоко ненормальным, принимая во внимание мое горячее желание реально работать в пользу революции...»

В своем заявлении в ЧК он утверждает, что никакого мятежа левых эсеров не было, а была «самооборона революционеров после отказа ЦК выдать меня». Блюмкин настаивал на том, что он продолжает быть членом партии эсеров и поклонником терроризма, однако хочет своей явкой в ЧК прекратить лживые нападки на левых эсеров, а также свое пребывание в подполье.

Особая следственная комиссия, по согласованию с Президиумом ВЦИК Советов и, конечно с одобрения Ф. Дзержинского, приняла решение об амнистии Блюмкина. После своей амнистии, в середине мая 1919 года, Блюмкин выказал страстное желание работать в ЧК.

Этот период его жизни окутан таинственностью. То его видят на лихом скакуне в кавказской бурке во главе какого-то чекистского отряда. То он глубоко законспирированный агент по борьбе со шпионажем, то, по сообщению [319] официальной печати, он занимается подрывной работой в тылу петлюровских войск.

Возможно, в мае — июне 1919 года Блюмкин влез в кипящий страстями котел межпартийной, межфракционной борьбы в Украине, который часто выплескивал антисоветские восстания. Он работал где-то там, на острие ножа, перескакивая из одной партии в другую, стремясь стать координатором объединенного центра социалистов Украины, стоящих на платформе советской власти — большевиков, левых эсеров, максималистов, борьбистов, боротьбистов, анархистов. Деятельность Блюмкина часто приводила к арестам его знакомых и сопартийцев. Он начинал с успехом осваиваться с ролью провокатора.

Так, киевская ЧК арестовала левоэсеровскую группу Ирины Каховской, известную своим террористическим актом против

генерала Эйхгорна. Подпольщики-боевики с легкостью выдавались Блюмкиным и пополняли советские тюрьмы и «политизоляторы».

Догадываясь о роли в этих арестах Блюмкина, левые эсеры и революционные коммунисты решили убить его как провокатора. 6 июня 1919 года Блюмкин был приглашен левыми эсерами за город на сходку, во время которой ему зачитали обвинительное заключение. Не дождавшись собственной казни, Блюмкин решил спастись бегством, и ноги спасли его. Восемь пуль были пущены вслед и все — мимо. На этот раз пули, выпущенные его бывшим другом, эсером Арабаджи, не стали его судьбой. Через неделю его снова решают убить ...

Летним вечером, когда Блюмкин сидел в уютном кафе на Крещатике, за столиком, установленном на тротуаре под зонтом, к нему подошли двое и несколько раз выстрелили в упор. Шум музыки заглушил выстрелы и покушавшиеся благополучно скрылись. Раненого Блюмкина в тяжелом состоянии доставили в больницу. Однако и там его пытались убить... 17 июня в палату Георгиевской больницы, где находился на излечении Блюмкин, была брошена бомба, однако от ее взрыва никто из больных не пострадал

Три неудавшиеся покушения заставили Блюмкина покинуть Киев. Где он прятался от своих преследователей — доподлинно не известно. Есть данные, что в июне 1919 года он получает задание от ВЦИКа РСФСР — набрать группу [320] террористов в Украине для отправки в Сибирь с целью убийства адмирала Колчака. Но этот план не был осуществлен.

Центральное Бюро максималистов направляет Блюмкина на Южный фронт. В сентябре 1919 года он становится уполномоченным по борьбе со шпионажем Особого отдела 13-й армии и инструктором по разведывательно-террористической деятельности в тылу деникинских войск. Теперь он готовит террористический акт против генерала Деникина.

В то время Блюмкин известен как организатор партизанских отрядов в тылу белогвардейцев. В конце 1919-го он становится временно исполняющим обязанности командира 79-й бригады 27-й дивизии Южного фронта, начальником штаба этой бригады. Тогда же он вступает в члены коммунистической партии.

В марте 1920 года Блюмкин возвращается в Москву, где его ждет новый взлет... Его зачисляют слушателем Академии Генерального штаба Красной Армии на факультет Востока, где готовили работников посольств и агентуру разведки. Занятия в Академии были изнуряющими. Учебный день продолжался с девяти утра до десяти вечера: студенты должны были овладеть

несколькими восточными языками, приобрести обширные военные, экономические, политические знания.

Учебе Блюмкина мешают периодически охватывающие его страхи. Ему кажется, что эсеры-террористы вот-вот приведут в исполнение свой прошлогодний приговор

В то же время, очевидно по заданию ЧК, Блюмкин пытается проникнуть в руководство Союза максималистов. Но их лидеры потребовали от него оправдать свое прошлое перед межпартийным судом. Этот товарищеский суд возглавил А. Карелин — бывший член ВЦИКа РСФСР, мистик, лидер российских анархистов-коммунистов. Суд над Блюмкиным тянулся две недели, однако он так и не вынес окончательного решения.

На вопрос «Был ли Блюмкин провокатором или предателем?» ответ был весьма двусмысленным. Суд «не установил, что Блюмкин не предатель». Участники расследования — анархисты, левые эсеры, максималисты, боротьбисты — практически признали, что Блюмкин провокатор. [321]

Итак, молодой студент военной академии, агент ЧК, имеющий всегда достаточно денег, чтобы кутить в московском «Кафе поэтов», заводит широкие знакомства в литературных кругах Москвы. Дело в том, что по заданию ЧК Блюмкин занимается слежкой за полуанархическим миром богемы, в котором пьяный Сережа Есенин переворачивал столики кафе, а Володька Маяковский восхищался батькой Махно. Частенько поэты пили и ели на деньги Блюмкина. После чего они становились доверчивыми и признавали Блюмкина «за своего». Татьяна Сац, к которой Блюмкин сватался, характеризовала его, как «человека театрального действия».

По воспоминаниям поэта Владислава Ходасевича, Есенин как-то привел в круг богемы Блюмкина в чекистской кожаной куртке. Как всегда, поэт Сергей Есенин стремился поразить окружающих дам… Кивая на Блюмкина, Есенин предложил экзальтированной даме: «А хотите поглядеть как расстреливают в ЧК? Я это вам через Блюмкина в одну минуту устрою». Так поражал дам наш тончайший лирик.

В скорости Есенин сам оказался в роли жертвы Блюмкина. За год до гибели поэта, находясь в Закавказье, «добрый малый», приревновав свою жену к Сергею Есенину, стал угрожать поэту пистолетом. Угроза расправы была столь реальной, что поэт поспешил покинуть Тбилиси.

Известно, что Есенин покончил жизнь самоубийством в гостинице «Англетер» в конце декабря 1925 года. Но есть и другая версия его смерти: поэта убили чекисты под руководством

вездесущего Блюмкина на секретной квартире ЧК, после чего труп перетащили в гостиницу, инсценировав самоубийство. Даже известные предсмертные стихи Есенина, про которые говорили, что они написаны кровью, возможно, написал от имени поэта Блюмкин, который сам часто пописывал...

Так или иначе, Блюмкин преследовал своей дружбой Есенина и Маяковского и был одним из учредителей полуанархической поэтической «Ассоциации вольнодумцев», завсегдатаем круга имажинистов.

Ближе всех Блюмкин сошелся со «слабеньким» поэтом Сандро — Александром Кусиковым. Блюмкин несколько раз вызволял Есенина, Сандро и его родственников из цепких лап ЧК. Блюмкин тогда подписал «исторический документ» о том, что он «берет на поруки гражданина Есенина и под личную ответственность ручается, что он до суда и следствия не скроется...». Такое же «поручительство» Блюмкин подписал и в отношении Кусикова. Этому поэту очень повезло. Он в 1921 выехал в Германию и умер своей смертью в Париже в 1977 году.

О наивные поэты! Им приходилось баловаться под присмотром «доброго малого» Блюмкина — «няни» из ЧК.

Летом 1920 года Блюмкин участвует еще в одной громкой авантюре, на этот раз межгосударственного уровня. С помощью советской военной и материальной помощи на севере Ирана создается местная самопровозглашенная Гилянская Советская республика с центром в городе Решт. Поначалу ее возглавляет Совет Народных Комиссаров, во главе с националистическим деятелем Кучук-ханом. При участии Блюмкина это «революционное правительство» было свергнуто, и власть перехватил Эхсануллы — хан, которого поддержали местные «левые» и коммунисты.

После переворота, Блюмкин становится комиссаром штаба Гилянской Красной Армии, членом только что образованной компартии Ирана. Участвуя в боях, Блюмкин руководит обороной города Энзели от наступавших войск шаха Ирана. Он контролирует не только военные силы этой республики, но и пытается активно вмешиваться в ее внутренние дела. Как делегат от Ирана он приезжает на Первый съезд угнетенных народов Востока, который большевики созвали в Баку. Через четыре месяца пребывания в «экзотической командировке» Блюмкина отзывают в Москву.

Вызывает удивление, как часто Блюмкина, по заданию ведомств Дзержинского и Троцкого, отправляют в «горячие точки». Он был вынужден постоянно прерывать учебу и исчезать из столицы. В конце 1920 года его отправляют в Крым с новым

секретным поручением. На этот раз он — организатор не одиночного убийства, а уничтожения тысяч безоружных людей.

Тогда, после разгрома армии Врангеля в Крыму, сдались в плен или «прошли регистрацию» тысячи «белых» офицеров, [323] которым главком Михаил Фрунзе обещал жизнь. Троцкий, напугав советское руководство тем, что «сорок тысяч лютых врагов революции» будут предоставлены сами себе в Советской России, добился уничтожения находившихся в Крыму офицеров.

Для руководства «процессом» из Москвы приехали «специалисты»: Бела Кун, Землячка и Блюмкин. Об участии Блюмкина в уничтожении офицеров в Крыму имеются только отрывочные сведения. Очевидно, он выехал в Крым 25–28 ноября 1920 года как «контролер-проверяющий» исполнение указаний Троцког о полном уничтожении офицерства в Крыму. Пробыл он там всего несколько недель, участвуя в массовых расстрелах, о чем не раз рассказывал своим знакомым. «Кровопускание» в Крыму в конце ноября — декабре 1920-го — одна из самых страшных страниц в истории гражданской войны. По разным данным, от 50 до 100 тысяч человек было казнено в Крыму. Путем облав и «регистрации» офицеров и чиновников были арестованы десятки тысяч человек, обреченных на истребление. Уничтожались раненые и больные офицеры в лазаретах, врачи, священники, выявленные помещики, буржуа и их семьи, махновцы, что штурмовали Крым. Только в Севастополе и Балаклаве было казнено более 20 тыс. человек, в том числе и рабочие, что помогали эвакуации «белых». Уничтожались женщины, старики, подростки. В севастопольских садах на деревьях были повешены десятки обладателей «белой кости». Л. Троцкий говорил: «Крым это — бутылка, из которой ни один контрреволюционер не выскочит».

В 1921 году Блюмкин, 'еще слушатель академии, часто командируется на подавление восстаний голодных, ограбленных государством крестьян, чьи выступления трактовались властью как «политический бандитизм». Начальник штаба 79-й бригады, а позже — комбриг, он планировал и осуществлял карательные акции против восставших крестьян Нижнего Поволжья. Затем его, как «специалиста», «перебрасывают» на подавление Еланского восстания и восстания атамана Антонова на Тамбовщине. О подавлении этого восстания мы уже упоминали в очерках о Котовском и Дыбенко. Через «кровавый пир» карательных акций против тамбовцев прошли Тухачевский, Антонов- Овсеенко [324] и многие «славные» советские командиры гражданской. Осенью того же года Блюмкин уже командует 61-й бригадой, направленной на борьбу против войск барона Унгерна.

В годы учения в Москве Блюмкин развернул бешеную деятельность, не только участвуя в жизни окололитературной, политической, но и повсюду ища высоких покровителей. Он делал ставку на Льва Троцкого, который в 1919–1923 годах был второй фигурой в государстве, предполагаемым наследником Ленина. Уже в 1921 году прослеживаются первые серьезные контакты между «демоном революции» и прытким молодым чекистом.

Тогда новый посол Германии в РСФСР с удивлением узнает, что убийца посла Мирбаха не только на свободе, но и, находясь в Москве, обучается на дипломата и является секретарем по особо важным поручениям у Троцкого.

Немецкое посольство предприняло демарши с целью добиться от властей хотя бы осуждения убийства и убийцы посла. Узнав о грозящей Блюмкину беде, Троцкий в письме к Ленину и другим членам ЦК партии предлагал не обращать внимание на «дурацкие требования удовлетворения за графа Мирбаха». Наркому иностранных дел РСФСР Чичерину Троцкий советовал, чтобы тот «дал понять немецкому правительству, что, выдвинув это требование, оно попадет в самое дурацкое положение. Газеты могли высмеять это требование в прозе и стихах, а по радио отзвуки дошли бы до Берлина». Удивительная логика Троцкого — высмеивать требование осудить убийство дипломата?!

По окончании Академии, где Блюмкин к знанию иврита добавил знание основ турецкого, арабского, китайского, монгольского языков, он становится официальным секретарем наркома по военным и морским делам Л.Троцкого. Борис Бажанов — бежавший за границу секретарь Сталина — утверждал, что Блюмкина к Троцкому сосватала ЧК, однако в 1921 году Ф. Дзержинский еще не работал на Сталина и по своим убеждениям был ближе к Троцкому. Но это, конечно, не помешало бы «Железному Феликсу» следить за «товарищами по партии».

Бажанов пишет о Блюмкине как о бессменном члене всевозможных комиссий, как о человеке, который мог позволить [325] себе спорить с товарищем Троцким и даже указывать ему...

Будучи личным секретарем Троцкого, Блюмкин редактировал первый том программной книги Троцкого «Как вооружалась революция» (издание 1923 года). В этой книге были собраны материалы времен гражданской войны, которые представляли Троцкого как главного героя и победителя этой войны. Правка, подбор, проверка материалов были возложены на Блюмкина.

Троцкий в ту пору писал: «...судьбе угодно, чтобы тов. Блюмкин, бывший левый эсер, ставивший в июле 1918 года свою

жизнь на карту в бою против нас, а ныне член нашей партии, оказался моим сотрудником по составлению этого тома, отражающего, в одной части, нашу смертельную схватку с партией левых эсеров».

С 1923 года начинаются наиболее увлекательные авантюры Блюмкина, результаты которых до сих пор находятся в секретных архивах, за семью печатями.

Весной 1923 года Блюмкин снова используется ОГПУ в весьма щекотливых контактах с петербургскими мистиками-оккультистами Александром Барченко и Генрихом Мебесом. ОГПУ тогда серьезно заинтересовалось оккультизмом, в частности проблемами психического воздействия на человека и толпу, гипнозом, суггестией и даже предсказаниями будущего. Тогда это называлось так: «считывание информации со слоев ноосферы».

Надо заметить, что сам Блюмкин испытывал постоянный интерес к таинственному и считал себя знающим каббалистом и оккультистом. Он серьезно изучал еврейскую мистику и пытался всячески проникнуть в тайны магии. Но «работа с магами» была прервана экстренной командировкой. Григорий Зиновьев, руководитель Коминтерна, пригласил Блюмкина работать секретным агентом Коминтерна с важнейшим заданием — помочь в очередной раз подготовить в Германии революцию. И снова Блюмкин консультирует «германских товарищей» по вопросам террора и подрывной деятельности.

Планы поднять революцию в Европе потерпели фиаско, и Блюмкин, уже официально, переходит в Иностранный отдел ОГПУ. Став резидентом Восточного сектора, он получает чекистские клички «Джек» и «Живой». [326] Карьеру иностранного разведчика Блюмкин начинает в Палестине, собирая разведывательные данные о положении в английских колониях Ближнего Востока и в мандатных территориях. В Яффе, по документам на имя правоверного еврея Гурфинкеля, он открывает прачечную. Можно предположить, что, опираясь на свои связи в еврейском мире, Блюмкин пытался склонить сионистов на сторону социалистической революции и навязывал им идею подготовки восстания против англичан, которые хозяйничали в Палестине.

Скорый провал разведчика привел к тому, что Блюмкин уже через год был отозван в СССР. Он получает пост политического представителя ОГПУ в Закавказье и члена коллегии Закавказского ЧК. В Тбилиси вчерашний разведчик принялся выявлять и карать политическую оппозицию режиму.

Одновременно он является помощником командующего

войсками ОГПУ в Закавказье и уполномоченным Наркомвнешторга по борьбе с контрабандой. Блюмкин руководит подавлением национального крестьянского восстания в Грузии и освобождением города Баграм-Тепе, что был захвачен иранцами в 1922 году, участвует в пограничных комиссиях по урегулированию спорных вопросов между СССР, Турцией, Ираном.

Очевидно, тогда же Блюмкин, прекрасно знавший восточные языки, тайно выезжает в Афганистан, где пытается найти связь с мистической сектой исмаилитов, которых большевики надеялись использовать в борьбе против англичан. Пробравшись в Индию, Блюмкин изучает расположение английских колониальных войск и добирается до Цейлона.

Вернувшись в 1925 году в Москву, он украсил свою квартиру различными экзотическими предметами привезенными из Закавказья, Индии и Ирана, разыгрывая перед гостями роль восточного набоба. Бажанов вспоминал, что Блюмкин принимал друзей в шелковом халате, покуривая длинную восточную трубку, с самодовольным видом «теоретика», листая том Ленина.

В это же время к особе Блюмкина проявляет повышенный интерес французская разведка, и ее агент Грегуар Фонтенуа пытается перевербовать советского суперагента. [327] Удаление Блюмкина из Закавказья связывают с крушением влияния Троцкого. Официально Блюмкина понижают в должности и переводят в наркомат торговли. Однако ОГПУ решило доверить ему особо тайную миссию в Китае. Он должен был вместе с экспедициями Спецотдела ОГПУ и экспедицией Николая Рериха проникнуть в легендарную фантастическую Шамбалу в неприступных горах Тибета. Одновременно с поиском Шамбалы ему предстояло разведать военную мощь англичан в Тибете и разузнать — намерена ли Великобритания начать войну против СССР с территории Китая.

Назначение в наркомат торговли было для Блюмкина только прикрытием для поездки в Гималаи. Официально он находился полгода в командировке на Украине. Экспедицию в Тибет поддерживал лично Дзержинский. На экспедицию выделялись огромные деньги из фондов ОГПУ — 600 тысяч долларов.

Но нарком иностранных дел Чичерин, а также заместители Дзержинского Ягода и Трилиссер выступили против этой экспедиции, и она была временно отложена. Спустя несколько месяцев, Блюмкин под личиной тибетского монаха объявляется в Тибете в расположении экспедиции Рериха.

Тогда, в августе 1925 года, он через Таджикистан, проник на Памир, где свел знакомство с местным лидером секты

исмаилитов — представителем на Памире живого бога Ага, который жил в ту пору в Индии, в Пуне. С исмаилитским караваном «дервиш» Блюмкин проник в Индию. Однако там он сразу же попал в лапы английской полиции. Из тюрьмы Блюмкин благополучно бежал, прихватив с собой секретные карты и документы английского агента.

В сентябре 1925 года Блюмкин присоединился к экспедиции Рериха в княжестве Ладакх. Рериху сначала Блюмкин представлялся как лама. Но в конце экспедиции Блюмкин заговорил по-русски, и Рерих запишет в своем дневнике: «... наш лама... даже знает многих наших друзей». Однако иные факты говорят о том, что Рерих хорошо знал Блюмкина — «Владимирова». У великого мыслителя и у великого террориста была общая цель — утверждение в Гималаях [328] советского присутствия путем провозглашения Николая Рериха правителем Тибета — «Рета Ригденом».

Нашел ли Блюмкин мистическую Шамбалу, мы не знаем, но вот что секреты англичан выведал, так это уж точно.

Вновь вернувшись в Москву, Блюмкин занимает в наркомате торговли двенадцать должностей, но главная его работа была по другому ведомству. В 1926 году руководство ОГПУ обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой откомандировать Блюмкина в его распоряжение. Он получает назначение на должность главного инструктора государственной внутренней охраны (ГВО) Монгольской республики — местной ЧК. Одновременно ему поручалось руководить советской разведкой в Северном Китае и Тибете.

Начальник Восточного сектора ИНО Г. Агабеков, бежав на Запад, рассекретил сведения о деятельности Блюмкина в Монголии. После возвращения из Монголии Блюмкин стал знаменитостью в ОГПУ и приобрел большое влияние. По официальным данным, он был в Монголии организатором местного ЧК.

На этой ниве он наломал так много дров, что уже через полгода ЦК Монгольской народно-революционной партии и Совет министров Монголии потребовали отозвать разведчика в Москву. Блюмкин возомнил себя диктатором Монголии, расстреливал ему неугодных, даже не считая нужным поставить монгольские власти об этом в известность.

Из Монголии Блюмкина убирают и, по данным Бажанова, перебрасывают в Париж для убийства самого перебежчика, что из Парижа обличал Сталина. «Покушение не удалось, однако Блюмкин возвращается в Москву, чтобы доложить тем не менее об исполненном поручении...» — писал Бажанов. «Командировка»

Блюмкина в Париж вполне возможна, так как за бывшим секретарем Сталина охотились советские агенты, а Блюмкин считался специалистом по террору.

Конец 1927 года — кульминация борьбы Сталина против троцкистско-зиновьевской оппозиции. Семьдесят семь активных оппозиционеров, старых большевиков, авторитетных лидеров были исключены из ВКП (б). Среди них Троцкий, Каменев, Зиновьев, Пятаков, Радек и другие... [329]

В эти напряженные месяцы обострения внутрипартийной борьбы Блюмкин открыто встречается с оппозиционерами, демонстрирует свои симпатии к Троцкому. Оппозиционеры советуют Блюмкину скрывать свою принадлежность к оппозиции и просят оказывать секретные услуги троцкистам в налаживании нелегальной работы, в информировании троцкистов о намерениях ОГПУ, о возможных арестах оппозиционеров.

Блюмкин затевает новую опасную игру, которая вела его прямиком на эшафот, хотя в 1927 году еще никто не мог предположить, как будут развиваться события.

В сентябре Блюмкину доверяют руководство всей агентурной сетью советской разведки Ближнего Востока (Турция, Египет, Сирия, Ливан, Иордания, Палестина). Успешная карьера Блюмкина — во многом следствие давней его дружбы с сыном одесского сапожника Меером Трилиссером, который с 1921 года возглавлял иностранную разведку ИНО ОГПУ.

Блюмкин должен был воссоздать агентурную сеть, собирать информацию о политике и вооруженных силах Англии и Франции на Ближнем Востоке, стимулировать национально-освободительное движение против англофранцузских колонизаторов. Конечной целью его деятельности считалось разведывательное проникновение в Индию и подготовка общего восстания против колонизаторов Англии и Франции. ОГПУ выделило Блюмкину для работы 30 тысяч долларов США, весьма большую по тем временам сумму, а также огромное количество древних еврейских книг, продажа которых принесла Блюмкину еще несколько сот тысяч долларов.

Под личиной персидского купца Якуба Султаыова (странное окончание его фамилии говорит о том, что Блюмкин выдавал себя за еврейского антиквара из иранского Азербайджана, где он бывал) Блюмкин создает для прикрытия своей основной деятельности фирму по скупке и продаже старинных еврейских книг. Это дает ему возможность путешествовать, не вызывая подозрений, и устанавливать связи с еврейскими антикварами по всему миру. Благодаря этим связям он наладил агентурные каналы в Персии, Ираке, Пакистане.

ОГПУ проделало огромную работу в западных районах СССР по сбору и изъятию старинных свитков Торы, Талмуда, [330] сочинений средневековой еврейской литературы. Чтобы подготовить Блюмкину материал для успешной торговли, в еврейские местечки Проскуров, Бердичев, Меджибож, Брацлав, Тульчин направились экспедиции ОГПУ с целью изъятия старинных еврейских книг. Сам Блюмкин выезжал в Одессу, Ростов-на-Дону, в местечки Украины, где обследовал библиотеки синагог и еврейских молитвенных домов. Книги изымались даже из государственных центральных библиотек и музеев.

В Стамбуле Блюмкин создал первую лавку старинных еврейских книг. Как отмечают его коллеги по ОГПУ, Блюмкина в ту пору захватил коммерческий «антикварный» азарт. Он мечется по странам Европы, пытаясь продать свой товар как можно дороже.

А тем временем советско-английские отношения настолько обострились, что реальной стала угроза войны между этими странами. На случай войны важно было создать нестабильную обстановку в тылу противника, натравив арабов, евреев, индусов на английскую колониальную администрацию.

Блюмкин через сеть резидентов пытается связаться с еврейскими и арабскими «левыми» партиями. Торговец Султан-Заде (так Блюмкин исправил свою предыдущую фамилию Султанов в мае 1929 г.) проникает в среду воинственных арабских и курдских националистов.

Летом 1929 года Блюмкин приезжает в Москву, чтобы отчитаться о ближневосточной работе. Заслуги его оценены. Его доклад членам ЦК партии о положении на Ближнем Востоке одобрен как членами ЦК, так и главой ОГПУ В. Менжинским, который в знак расположения даже приглашает Блюмкина на домашний обед. Блюмкин с успехом проходит очередную партийную чистку, благодаря отличной характеристике начальника иностранного отдела ОГПУ Трилиссера. Партийный комитет ОГПУ и руководитель чисток — Абрам Сольц характеризовали Блюмкина как «проверенного товарища».

А между тем тучи над Блюмкиным сгущались... Возвращаясь в Москву, он сделал остановку в Стамбуле, где якобы случайно встретил сына Троцкого — Льва Седова. Троцкий [331] пишет про случайность встречи, хотя Блюмкин еще с 1921 года считал себя «человеком Троцкого» и выполнял его деликатные поручения. Через сына он вышел на отца, и встреча двух заговорщиков состоялась 16 апреля 1929 года.

Блюмкин поведал Троцкому о своих сомнениях в правильности «линии Сталина», просил дать ему совет —

оставаться ли в ОГПУ, или уйти в подполье. Троцкий убеждал Блюмкина, что, работая в ОГПУ, он больше пригодится оппозиции. Блюмкин подчеркивал свою верность оппозиции, но Троцкий недоумевал: как мог троцкист, о взглядах которого было известно, удержаться в органах ОГПУ. На этот вопрос Блюмкин отвечал так: начальство считает его незаменимым специалистом в области террора.

Сам приезд Блюмкина к Троцкому (главе антисталинской оппозиции) мог быть провокацией со стороны ОГПУ, а Блюмкин, возможно, исполнял работу своего ведомства как провокатор, стремящийся завоевать полное доверие Троцкого. В то же время Блюмкин очень интересовал Троцкого как знаток конспирации, террора, как знаток личного состава советских посольств, консульств, военных атташе.

Троцкий мечтал найти в подобных учреждениях своих единомышленников, направить их энергию для создания «левого» подполья. Троцкий предлагал использовать для связи с подпольем и для провоза в СССР нелегальной литературы экипажи советских торговых судов, которые бывали за границей. Однако Блюмкин отозвался о советских моряках, как о «гнилой публике, которая занята только контрабандой». Он посоветовал доверять зарубежным морякам: набрав экипаж в Турции, нагрузить рыбацкую фелюгу оппозиционной литературой и отправить ее к советским берегам Закавказья.

Троцкий, в свою очередь, убеждал Блюмкина, что развал сталинского режима — вопрос нескольких месяцев и что через три месяца Троцкого вернут в Москву для того, что бы он очертил «генеральный» путь развития страны. По мнению Троцкого, задача оппозиционеров заключалась в строительстве подпольной организации, которая сплотила бы все антисталинские силы и показала партии свою жизнестойкость. [332]

Приехав в Москву, Блюмкин начал хлопотать о расширении резидентуры ОГПУ на Ближнем Востоке. Он подбирает себе секретаршу, по совместительству «внешнюю жену», — Ирину Великанову, художницу, бывшую жену одного из министров Дальневосточной республики. У них возобновляется старый роман, Ирина сначала отказывается стать чекисткой или хотя бы женой чекиста и выехать на Восток. Однако Блюмкин умел уговаривать… и Ирина в сентябре 1929 года сдалась, выехав в Стамбул со специальным поручением ЧК.

Во время встречи с Блюмкиным в апреле 1929 года Троцкий попросил его передать Анне Седовой, жене сына Льва Давидовича, или Платону Волкову — мужу старшей дочери Троцкого, две книги, в которых между строк химическим

раствором были записаны указания главы антисталинской оппозиции его приверженцам. Однако он не спешил встречаться с оппозиционерами и родственниками Троцкого, чтобы передать им роковую посылку от Троцкого. Он очень боялся быть заподозренным в прямых связях с Троцким. Хотя исключенный из партии за троцкизм, бывший директор еврейского театра А. Пломперт в те дни скрывался на квартире Блюмкина.

В октябре 1929 года «старый конспиратор» совершает непростительную ошибку, рассказывая о своей встрече с Троцким бывшим троцкистам — Радеку, Преображенскому, Смигле. Эти вчерашние лидеры троцкизма уже покаялись и стали служить Сталину, забыв прежние обиды и устремления.

Напутанный Радек посоветовал Блюмкину, сообщить о встрече с Троцким «вождю». Когда Блюмкин осознает последствия своей болтливости... он приходит в ужас. Он понимает, что его ждет неминуемая гибель потому, что кто-то из троих бывших оппозиционеров, посвященных в его тайну, обязательно донесет на него. Он даже пытается достать яд, чтобы в критическую минуту отравиться.

Впав в панику, Блюмкин не находит себе места и выбалтывает о своей встрече с Троцким своей любовнице и сослуживице по ОГПУ Любе Горской, которая немедленно сообщает о поступке Блюмкина своему непосредственному начальству. Вскоре Блюмкин сообщает Горской, что осознал свою ошибку и садится писать покаянное письмо в Центральную контрольную комиссию коммунистической [333] партии, решив отдать себя на милость партийного суда. Однако этого письма он так и не отправил.

Узнав об авантюре Блюмкина, его начальник и покровитель — Трилиссер решил пока не предпринимать никаких действий в отношении Блюмкина. Однако тот принимает окончательное решение — бежать из столицы. Он изменил свою внешность — остригся и сбрил усы, отправил багаж на Казанский вокзал. Очевидцы вспоминали, что Блюмкин постоянно говорил, что на него охотятся чекисты, и что при себе он имел крупную сумму денег в долларах, на случай бегства за границу.

15 октября 1929 года Блюмкин решает перед бегством встретиться с Горской. Они вместе едут на вокзал, но поезда в Грузию отходили только на следующий день. Это была катастрофа... Горская уговорила Блюмкина спрятаться в ее квартире до утра. Блшмкин рассказывает ей, что решил на несколько лет уйти в подполье, а когда страсти «с троцкизмом» улягутся, возвратиться с повинной. Местом своего «подполья» он избрал романтическое Закавказье, где у него были старые связи.

Но Горская привела с собой коллег из ОГПУ. Пять месяцев назад, еще в начале их романа, Лизе Горской было рекомендовано руководством ОГПУ вступить в интимную близость с Блюмкиным и следить за ним, разыгрывая перед любовником тайную оппозиционерку, разочарованную в сталинском режиме.

И хотя Блюмкина предала Горская, троцкисты посчитали, что его выдал бывший оппозиционер и интриган Карл Радек, который отличался болтливостью. Когда Блюмкин рассказал Радеку о встрече с Троцким, Радек испугался и пригрозил Блюмкину доносом, если тот сам не придет с повинной к Сталину или в ОГПУ.

Есть предположение, что еще перед отъездом в Стамбул Блюмкин признался Радеку в том, что намерен встретиться с Троцким. После этого разговора Радек донес о возможной встрече Сталину. С этого времени за Блюмкиным было установлено усиленное наблюдение чекистов, которое как раз и успешно осуществляла агент ОГПУ Лиза Горская.

Весть об аресте Блюмкина ошеломила видавших виды чекистов и партийную элиту. Агабеков — непосредственный начальник Блюмкина, писал, что недоумевал, как [334] Блюмкин, «признанный любимец Дзержинского, у которого столько друзей на высочайших постах», оказался под арестом. Очевидно, приказ о его аресте дал непосредственно Сталин. Сталин потребовал немедленного ареста авантюриста, допроса с пристрастием и скорого расстрела.

Перед своим арестом Блюмкин жил на квартире народного комиссара просвещения А. В. Луначарского, давнего, «не совсем» раскаявшегося троцкиста. По одной из версий ареста Блюмкина, он был арестован на этой квартире, но когда его чекисты усаживали в машину, попытался бежать: оттолкнул шофера и, сев за руль, погнал машину. В одном из узких переулков машину, которой управлял Блюмкин, блокировали машины ОГПУ. Блюмкину ничего не оставалось делать как пересесть в машину чекистов. «Как я устал!» — признался, якобы, Блюмкин, когда машина подъехала к Лубянской тюрьме.

В бумагах Блюмкина было обнаружено инструктивное письмо Троцкого к оппозиции, в котором Троцкий предлагал организовать антисталинское подполье и наладить распространение в СССР троцкистского издания «Бюллетень оппозиции».

На первых допросах Блюмкин еще на что-то надеялся, шутил. Он рассчитывал на своих покровителей и свою удачу. Но после допроса с особым пристрастием, испытав кулаки и дубинки

палачей, признался во всем...

На восемнадцатый день после своего ареста Блюмкин был приговорен к расстрелу, и приговор был немедленно приведен в исполнение. На Коллегии ОГПУ руководители этого ведомства Менжинский и Ягода голосовали за расстрел, а покровитель Блюмкина, начальник ИНО ОГПУ Трилиссер — против.

Троцкий предложил своим сторонникам на Западе поднять бурю протестов против расстрела «пламенного революционера» Блюмкина. «Дело Блюмкина должно было стать делом Сакко и Ванцетти левой троцкистской оппозиции», — писал тогда Троцкий. Однако этот призыв не получил отклика среди революционеров на Западе, хотя казнь Блюмкина стала первой казнью представителя коммунистической элиты в СССР. И знаменовала собой начало «большого террора» Сталина против оппозиционеров в партии, который унес сотни тысяч жизней членов ВКП(б). [335]

Своего предсмертного письма перед казнью Блюмкин не оставил, погибнув с возгласом: «Да здравствует Троцкий!». За несколько лет до своей гибели он развлекался, посещая Бориса Савинкова в камере смертников. Существует предположение, что он, по заданию ОГПУ, даже написал предсмертное раскаянье бывшего террориста и готовил его мнимое самоубийство. Чужая трагедия тогда была только фарсом для агента «Живого».

Брат Блюмкина — Моисей, остался в Одессе, работал в газете. В 1924 году он не поделил со своим коллегой пишущую машинку и в ходе ссоры убил журналиста из револьвера, подаренного братом. Блюмкин младший тогда получил за убийство невинного всего четыре года, но заступничество брата сократило и этот срок до года. В 1930 году Моисей Блюмкин был арестован и расстрелян.

Яков Блюмкин, типичный истероид и «артист» провокаторского жанра, унес с собой в могилу множество государственных тайн. Он был одним из немногих «посвященных». Остается загадкой, почему этому болтливому и внешне несерьезному аферисту оказывалось такое доверие. Кем был на самом деле Блюмкин?

Скорее всего, он один из первых, кто еще в начале 1918-го, стал тайным агентом большевистской контрразведки и осуществлял постоянный надзор за элитой большевистской и левоэсеровской партий. Он знал очень многое и умел хранить тайны. А на поверхности были только эпатаж и бравада. Но преклонение перед Троцким, вера в его и свою исключительность сыграли с суперагентом злую шутку.

Приложения
Преступления без наказаний. Еще один аспект темы

Гражданская война оказалась широким полем деятельности для аферистов, наделенных неограниченной и бесконтрольной властью комендантов, комиссаров, чекистов и командующих всевозможными воинскими советскими формированиями.

В процессе работы над книгой мне попадалось множество материалов о злоупотреблениях милиции, ЧК, «красных» командиров, которые еще ждут осмысления и анализа историков. Тоталитарное общество, с самодавлеющей ролью государства, начало смиряться с бесконтрольностью карательных государственных систем.

В Одесском государственном архиве мне удалось обнаружить сенсационные материалы дела о хищении денег 3-й советской украинской армии женами советских командиров и партийных функционеров. Дело вел следователь губпарткома и контрольного отдела КП(б)У, однако добиться наказания виновных и даже их порицания следователю не удалось.

В сентябре 1920 г. некоего Е. Курфирста (Еремеева) обвинили в попытке совершить побег за границу, в Англию. При обыске у него были найдены крупные суммы денег в валюте и драгоценности. На следствии Курфирст, пытаясь снять с себя вину, обвинил жену командира И. Якира (в 1919 г. командир 45-й советской дивизии, командующий Южной группой войск 12-й армии) и жен других советских командиров в воровстве казенных денег.

В августе 1919 г. Красная Армия была разбита белогвардейцами генерала Н. Шиллинга — у Херсона и Николаева, [337] и отдельные отряды ее отступили к Одессе. Но там они, оказались в окружении. С запада двигались петлюровцы, с востока — белогвардейцы, север контролировали махновцы. Было решено уходить из района Одессы и пробиваться всеми силами (Южная группа 3-й армии, что была переименована в 12-ю армию) к Киеву, который тогда еще удерживали большевики. Командовать Южной группой советский войск (остатками трех дивизий) был назначен молодой комдив Иона Якир, один из первых организаторов карательных советских отрядов, что набирались из китайцев. О Якире, как об авантюристе, уже писал В. Суворов в своей книге «Очищение», я же хочу поведать об

аферах, связанных с семьей Якира.

Е. Курфирст был назначен управляющим делами Реввоенсовета Южной группы войск 12-й армии. Именно ему была поручена эвакуация казны и материальных ценностей Южной группы в августе 1919 г., в момент отступления группы из района Одессы на Полесье.

У местечка Окна 1 сентября 1919 г. два ящика с драгоценностями и деньгами были зарыты в землю, а крупные суммы из армейской казны в иностранной валюте были переданы жене И. Якира и Асе Коренблит, жене «администратора» Южной группы, для передачи Одесскому подпольному парткому на подрывную работу в деникинском тылу.

Речь шла о «мешке иностранной валюты», но о точной сумме все свидетели — подельники скромно умалчивают. Стоит ли говорить о том, что когда в Одессу вернулись «красные», ящики с драгоценностями не были найдены.

Валюта была разделена на шесть частей, причем три части попали жене Лебензона (командир бригады в Южной группе войск), ее сестре и шурину, а остальные три части оказались у жен Якира, Корнфельда и Гринштейна.

Ни одна монета не попала к одесским подпольщикам или в государственные закрома. Жены командиров просто продали валюту на одесском рынке. Каждая из них выручила по 20 тысяч деникинских рублей и растратила их в одесских магазинах. Причем жены оригинально оправдывались, заявляя: «...мы не знали, кому принадлежат деньги ...мы думали, что это наши деньги ... мы тратили деньги в счет своих мужей»! Стоит ли говорить, что ни Якир, [338] ни Лебензон, ни другие «товарищи»-мужъя никогда не расплатились за «траты» своих жен.

Сам Курфирст, набрав из «мешка с валютой денег без счета крупными купюрами», уехал в сентябре в Кишинев и там «отдыхал» от партийных трудов, в то время как его однопартийцы боролись на фронтах или в подполье.

Около миллиона рублей и драгоценности попали также в руки товарищей — партийных функционеров Одессы Акима и Чигирина. В сентябре 1919-го они навсегда исчезли с деньгами. Вероятно, ушли в Европу через Румынию.

Курфирста обвиняли в том, что его жена, возможно, выкопав содержимое закопанных мужем ящиков, преспокойно отправилась в Англию, куда намеревался прибыть и сам «революционер» с оставшимися в его руках бриллиантами.

В 1920 году разбиралось сходное с «делом Курфирста» — «дело Шинделя». Он также погрел руки на поспешной эвакуации Одессы. Летом 1919 г. существовал в Одессе банк «Лионский

кредит», вернее, это уже был не банк, а одно из мест хранения ценностей, реквизированных большевиками у буржуазии. В массивных сейфах «Лионского кредита» хранилось большое количество серебра, около 150 килограммов золота, бриллианты на 60 каратов и большое количество иностранной валюты.

Шесть ящиков золота в дни эвакуации Одессы, в последних числах августа 1919 г., прибыли в Бирзулу, в штаб Южной группы войск, в штабной вагон 45-й дивизии и были переданы товарищу Басиасу. Дальнейшая судьба этого золота и драгоценностей не известна.

Я. Шинделю — руководителю отдела финансов при губ-коме в часы быстрой эвакуации Одессы, в том же августе 1919-го было поручено часть денег из «Лионского кредита» и часть денег из различных советских касс передать ответственным советским работникам, что волею судьбы оказались в Одессе. Деньги предназначались для «обеспечения семейств в оккупации» и подпольной работы. Этот приказ Шиндель не выполнил, не предупредил работников губкома об эвакуации и не роздал им деньги.

Фактически Шиндель присвоил деньги, прежде всего иностранную валюту, и «истратил на себя в зоне оккупации». Удивительно, как удалось ему за 5 месяцев жизни [339] в Одессе истратить такие огромные, миллионные суммы (примерно 14 миллионов, но в деле не сказано в каких деньгах). В деле мелькает еще одна фамилия советского деятеля — Салтанов, который тоже погрел руки, присвоив суммы в «думских и романовских» деньгах.

Допрашивал Шинделя сам приехавший в Одессу В. Манцев — начальник центрального управления ЧК УССР и начальник Особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов. Столь высокий уровень расследования предполагал «кражу века». Но вскоре расследование на одесском уровне прекратили.

Хронологический указатель

Начато XX века связано с резкой политизацией российского общества. Крушение старых идеалов, старой морали, банкротство феодальной имперской идеологии, вторжение буржуазных ценностей в «тихую заводь» патриархальной России, победа демократий в западных странах и многое, многое другое привело к «брожению умов» в России. Молодая генерация интеллигенции Российской империи уже с первых лет XX века стала в оппозицию к монархическому режиму, который, по ее мнению, не

соответствовал интересам общества. Формируется новое поколение (1870–1890 гг. рождения), которое через 16 лет свергнет царя и толкнет Россию в пучину гражданской войны. В начале века возникают: крупнейшая экстремистская партия империи — партия социалистов-революционеров (эсеров) и первая крупная политическая партия в Украине — Революционная украинская партия (РУП). Из рядов последней вышли журналист С. Петлюра и литератор В. Винниченко

1901

Арест и ссылка Бориса Савинкова. Тогда он проходил по делу социал-демократической организации. Марксизм был в моде у молодежи из «хороших семей». Григорий Котовский, хотя и был из «хорошей семъи», выбрал совсем другой путь. В 1901 г. он совершил свое первое крупное воровство.

1903

Начало формирования партий большевиков и меньшевиков, появление первых организаций анархистов в России и Украине. Котовский окончательно становится на путь бандитизма и воровства, а Борис Савинков переходит в стан эсеров и бежит из-под полицейского надзора за границу; вскоре он становится лидером Боевой организации эсеров, что создается для проведения широкого террора против представителей имперской власти. Сидней Рейли становится профессиональным английским шпионом и действует на Кавказе и в Маньчжурии.

1904

Начало Русско-японской войны. В сражениях с японскими войсками в Маньчжурии участвуют: М. Муравьев, В. Сокира-Яхонтов, Н. Григорьев. Котовский пытается избежать отправки на фронт и становится дезертиром, выбирает путь грабителя-эксиста.

1905

Начало первой русской революции, пик которой приходится на октябрь — декабрь 1905 г. В революции приняли участие: Григорий Котовский — как эксист-социалист-революционер; Маруся Никифорова, Мишка Япончик и Нестор Махно — как террористы и эксисты анархистских организаций, Савинков — как организатор эсеровского террора и член ЦК партии эсеров.

1906

Спад революции. Три ареста Котовского и два его успешных побега из тюрем.

1907

. Разгон Третьей Думы и окончание революции. Суд над Котовским. Приговор: 20-летняя каторга в Сибири. В партию эсеров вступает М. Муравьев.

1908

Арест и суд над двадцатидвухлетней Никифоровой как над террористкой-убийцей. Приговор: 20 лет каторги. Суд над несовершеннолетним анархистом-террористом М. Винницким (Япончиком). Приговор: 12 лет каторги.

1909

Бегство Никифоровой с сибирской каторги. Начало ее семилетней эмиграции в США, Испании, Франции.

1911

Павел Дыбенко пытается уклониться от призыва в армию, его под арестом доставляют к месту службы, на Балтийский военный флот.

1913

Бегство Котовского с каторги, возвращение в Бессарабию и возобновление его «карьеры разбойника».

1914–1916

Григорьев, Дыбенко, Муравьев, Сокира-Яхонтов, Волох, Струк, Божко, Коцур, Савинков воюют на фронтах Первой мировой войны.

1916

Арест Котовского и суд над ним. Смертный приговор Котовскому отложен.

1917

Февраль. Революция в России.

Март. Падение самодержавия, создание Временного правительства во главе с князем Львовым, революционные преобразования в России, создание Центральной Рады в Украине. Из тюрем выходят тысячи, политзаключенных, в том числе Махно, Мишка Япончик.

Апрель. Возвращение Ленина, Савинкова и Никифоровой из эмиграции. В первой половине 17-го Никифорова приезжает в Петроград, где становится лидером анархистов, агитатором в среде балтийских матросов. Савинков получает пост комиссара Временного правительства при Ставке Верховного главнокомандующего. Муравьев становится командиром охраны Временного правительства, начинает создавать добровольческие «батальоны смерти». Я. Блюмкин в Одессе вступает в партию эсеров.

Май. Освобождение Г. Котовского из одесской тюрьмы. Коцур организует отряд «вольного казачества» в Субботове, а И. Струк в Горностайполе. В Хельсинки, где базировался Балтийский флот, П. Дыбенко избирается председателем ЦК Балтийского военного флота (Центробалт).

Июнь. Савинков становится комиссаром Юго-Западного

фронта. Временное правительство проводит неудачное наступление на Юго-Западном фронте. Политический кризис в России. Центральная Рада начинает решительные действия, добиваясь автономии Украины. Создание правительства Украины — Генерального секретариата, украинизация войск.

Июль. Неудавшийся мятеж большевиков и анархистов в Петрограде. В нем приняли участие как организаторы П. Дыбенко и М. Никифорова. Провал мятежа привел к гонениям на большевиков. Ленин уходит в подполье. П. Дыбенко и многие другие лидеры большевиков на полтора месяца попадают в тюрьму.

Временное правительство возглавляет А. Керенский. Б. Савинков становится заместителем военного министра.

Август. Корниловский мятеж в России — попытка офицерства остановить развитие революции. Б. Савинков участвует в тайных переговорах с генералом Корниловым. Разгром мятежа Корнилова.

Утверждение полномочий Генерального секретариата УНР и распространение его автономной власти на 3.губерний Украины. Возвращение Никифоровой на Юг Украины, где она создает анархистские отряды Черной гвардии, выступившие как против Временного правительства, так и против Центральной Рады. Г. Котовский оказывается на фронте Первой мировой.

Сентябрь. Попытка М. Никифоровой поднять восстание в Александровске и ее арест. Отставка Б. Савинкова со всех правительственных постов. «Большевизация» Советов, большевики приобретают значительный политический вес и создают красногвардейские отряды, готовясь к восстанию. Конфликт между Временным правительством и Центральной Радой.

Октябрь. Большевистский переворот в Петрограде. В нем принимают участие Муравьев, Дыбенко. Дыбенко обеспечивает поддержку восстания балтийскими моряками и изымает дело о «немецких деньгах для партии большевиков» в министерстве юстиции. Муравьев становится командующим Петроградским военным округом, руководителем обороны Петрограда, подавляет восстание юнкеров в столице.

Дыбенко и Муравьев направляются Лениным на подавление гатчинского выступления Керенского, Савинкова, Краснова, которые надеялись поднять войска и ликвидировать мятеж (революцию) большевиков в Петрограде, восстановить власть Временного правительства.

Ноябрь. В Украине — революция, результатом которой стал переход власти в руки Центральной Рады и провозглашение

Украинской Народной Республики (УНР), создание Украинского фронта. Н. Григорьев становится подполковником армии УНР, военкомом уезда. В. Сокира-Яхонтов, Е. Божко, Е. Волох, Коцур начинают служить в армии УНР. Савинков выезжает на мятежный Дон и входит в Донской Гражданский Совет, что организует сопротивление режиму большевиков на Дону.

Декабрь. Ультиматум ленинского правительства Центральной Раде, Поддержка Первым съездом Советов Украины Центральной Рады. Войска большевиков вторгаются в Украину и занимают Харьков, где вскоре провозглашается Советская Украина со своим правительством, состоящим из большевиков. Начало необъявленной войны ленинского правительства против УНР. Прибытие английского шпиона Сиднея Рейли в Советскую Россию. Перемирие на германском фронте мировой войны.

1918

Январь. Дыбенко разгоняет Учредительное собрание и расстреливает демонстрацию в его защиту в Петрограде. В Харькове большевики разоружают украинский полк Е. Волоха и захватывают власть. Волох и Петлюра организуют гайдамацкие части армии УНР для обороны Украины от наступления «красных» во главе с В. Антоновым-Овсеенко и М. Муравьевым (командующий группой войск, наступавшей на Киев). Бои за Левобережную Украину. Центральная Рада провозглашает полную независимость Украины и войну «армии вторжения». Подписание сепаратного мира между странами германского блока и УНР в Бресте. Отряд Маруси Никифоровой участвует в установлении советской власти в Александровске, Елизаветграде, Ялте, Феодосии. Посещение отрядом Никифоровой этих городов заканчивалось грабежами и зверскими убийствами «буржуев». Блюмкин, Котовский, Мишка Япончик принимают участие в одесском большевистском перевороте и в боях с частями УНР в Одессе. Савинков создает «боевые дружины» для террора против лидеров большевиков.

Февраль. Ультиматум Германии Советской России с требованием подписания унизительного мира. Наступление австро-германских войск в Украине и России. П. Дыбенко сдает Нарву немецким войскам и бежит вместе со своим отрядом с позиций, что прикрывали Петроград. Битва за Киев между войсками Муравьева и Центральной Рады УНР. На стороне УНР в обороне Киева принимают участие Божко и Волох. Последний, вместе с Петлюрой и его отрядами, штурмует мятежный «Арсенал». После захвата Киева М. Муравьев развернул в городе кровавый террор. Вскоре Муравьев направляется командовать войсками, воевавшими против румынских войск в Приднестровье.

Муравьев пытается узурпировать власть в «красной» Одессе. Маруся Никифорова покидает посты в Ревкоме и Исполкоме Александровска и начинает активно критиковать Советскую власть. Ее отряд грабит провинцию, «безобразия» отряда в Елизаветграде приводят к боям анархистов с горожанами. Г. Котовский возглавил партизанский отряд, что сражался против наступавших на Бессарабию румынских войск.

Март. Подписание ленинским правительством Брестского мира со странами германского блока. Сдача Киева, Одессы, Правобережной Украины и Причерноморья австро-немецким войскам. Переход власти в Украине в руки Центральной Рады. Муравьев бежит на Восток. Блюмкин становится начальником штаба 3-й советской армии. Снятие со всех постов и арест Дыбенко по обвинению в сдаче Нарвы и разложении солдат.

Апрель. Отряды Никифоровой, Махно, «армия» Лазарева, в которой находится Блюмкин, ведут оборонительные бои против объединенных сил австро-венгерской, германской и украинской армий, что разворачивают наступление на Левобережную Украину. К концу месяца вся Украина была очищена от войск большевиков. Переворот в Киеве, утверждение у власти гетмана П. Скоропадского, провозглашение Украинской державы. Революционный суд над Марусей Никифоровой и ее первый «советский» арест. Котовский бежит с советского фронта и попадает в плен к белогвардейцам. Дыбенко бежит из-под «советского» суда в Самару, где возглавляет оппозиционное движение против диктатуры большевиков, яростно обвиняет Ленина в развязанном им терроре. Разгром анархистских организаций и отрядов в Москве, арест Муравьева, который, покинув армию в Украине, бежал в Москву.

Май. «Безобразия» отряда Никифоровой в Ростове и Новочеркасске. Н. Григорьев получает звание полковника из рук гетмана Украины П. Скоропадского. Восстание «левой» оппозиции в Самаре. Дыбенко оправдан советским судом и ему прощены все «безобразия». Блюмкин переезжает в Москву, где становится начальником секретного отдела ВЧК. Савинков создает в Москве подпольный «Союз защиты Родины и Свободы».

Июнь. Появление Восточного фронта, поход на Москву войск чехословацкого корпуса и Комуча. Столкновение анархистского отряда Никифоровой с советскими частями у Царицына и Воронежа. Неудачная «подпольная карьера» Дыбенко в белогвардейском Крыму и Одессе. Арест Дыбенко «белыми». Муравьев освобождается из советской тюрьмы и назначается командующим Восточным фронтом Советской республики. Начало восстаний в Украине против Скоропадского и австро-

немецких войск.

Июль. Убийство Блюмкиным германского посла в Москве графа Мирбаха. Восстание левых эсеров в Москве. Восстание подавлено большевиками, а партия левых эсеров разгромлена. Блюмкин же избежал наказания, перейдя служить в Петроградскую ЧК. Савинков поднимает восстание против большевиков в Ярославле, Рыбинске, Муроме, Ростове. Мятеж командующего Восточным фронтом Муравьева против власти большевиков. Восстания и мятеж терпят крах. Гибель Муравьева во время подавления мятежа.

Август. Провал «заговора послов», в котором активную роль играл С. Рейли. Бегство Рейли за границу.

Сентябрь. Арест Маруси Никифоровой, заключение ее в Бутырскую тюрьму Москвы.

На Юге Украины появляются два мощных центра повстанческого движения против власти гетмана Скоропадского: на Херсонщине — под началом Н. Григорьева и на Екатеринославщине и в Северной Таврии — под началом Махно.

Октябрь. Мишка Япончик становится «королем» уголовного мира Одессы, в этом ему помогает большевистское подполье и «революционные» заслуги и деньги. Савинков распускает свои подпольные боевые группы в Советской России и появляется в белогвардейских частях Каппеля.

Ноябрь. Революция в Германии и Австро-Венгрии, развал этих империй и их армий. Капитуляция Германии, аннулирование Брестского мира. Начало всеобщего восстания на Украине против гетмана Скоропадского под руководством Директории УНР (глава В. Винниченко). Григорьев изгоняет гетманскую власть из нескольких северных уездов Херсонщины и провозглашает себя «Атаманом повстанческих войск Херсонщины», Махно захватывает Александровский и Бердянский уезды и его провозглашают «Батькой повстанцев Юга Украины», Струк становится главой повстанцев Севера Киевщины, а Коцур возглавляет отряд для борьбы против режима гетманщины на Чигиринщине. Атаман Божко создает «Новую Запорожскую Сечь» и поднимает восстание против гетмана у Екатеринослава. Волох возглавляет восстание в гетманских частях на Луганщине. Блюмкин организует антигетманское эсеровское подполье в Киеве, готовит покушение на П. Скоропадского. Савинков участвует в перевороте, свергнувшем Сибирскую Директорию и приведшем к власти военного диктатора Сибири — адмирала Колчака.

Декабрь. Директория УНР утверждает свою власть по всей Украине. Отряды Григорьева, Коцура, Волоха, Божко, Струка

входят в состав армии Петлюры. Части Директории УНР занимают Одессу и удерживают ее 8 дней, а банды Японичка громят одесскую тюрьму. Атаман Божко воюет против батьки Махно. Савинков отправляется как представитель правительства Колчака в страны Западной Европы. Страны Антанты развертывают интервенцию на Юге Украины. Белогвардейцы начинают наступление на УНР в Донбассе, «красные» разворачивают наступление на УНР с востока, польские войска — с запада.

1919

Январь. Войска Украинской советской республики занимают Харьков, Екатеринослав, Левобережную Украину. Н. Григорьев захватывает Херсон. Маруся Никифорова со своим отрядом воюет против войск украинской Директории УНР в составе частей Украинского фронта под командованием Антонова-Овсеенко. Дыбенко командует частями «вторжения» в Украину и одновременно участвует в авантюре российских левых эсеров, что была связана с попыткой провозглашения эсеровской власти в Украине. Волох арестовывает командующего Запорожским корпусом армии УНР П. Болбочана и занимает его место, что полностью дезорганизует днепровскую линию обороны войск УНР. Начало «атаманщины». Атаман Коцур отказывается подчиняться Петлюре, захватывает власть в Чигорине и провозглашает там «свою» республику. Блюмкин формирует советское подполье и партизанские отряды для борьбы против Директории в Одессе и на Подолье. Белогвардейский генерал Сокира-Яхонтов пытается создать в Одессе «Народную армию» для борьбы против «красных».

Февраль. «Красные» захватывают Киев и центральные губернии Украины. Петлюра сменяет Винниченко на посту главы Директории УНР. Петлюра стремится обрести поддержку стран Антанты и отказывается от части «левых» лозунгов. Коцур переходит в состав Красной Армии. Атаман Божко бежит от наступающих «красных» вглубь Украины и переносит в Балту свою «Сечь», отказавшись от борьбы на фронте. Григорьев изменяет Директории УНР и подчиняется советскому командованию Украинского фронта на правах командира бригады 1-й Заднепровской дивизии, которой командовал П. Дыбенко. Командиром еще одной бригады дивизии Дыбенко становится Н. Махно. Части Дыбенко грабят советские эшелоны. Бои григорьевцев против войск Антанты за Николаев и Херсон. Нападения частей Григорьева на войска УНР. Террористические отряды Котовского и Японичка проводят ряд удачных эксов и убийств в Одессе.

Март. Маруся Никифорова воюет в составе частей батьки Махно. Части Н. Григорьева окончательно выбивают войска Антанты из Херсона и Николаева. Вол ох пытается поднять мятеж против Директории в Запорожской дивизии и перейти на сторону Красной Армии. Рейли посещает Одессу с «секретной миссией».

Апрель. Части Н. Григорьева выбивают интервентов и белогвардейцев из Одессы, ведут бои против атамана Божко, вытесняя его с Юга^ Украины. Начало сбора продразверстки в Украине — начало восстаний крестьян против режима большевиков. Струк и Зеленый со своими повстанцами пытаются захватить Киев. Струк громит еврейские местечки Киевщины. Офицеры Запорожского корпуса УНР арестовывают Волоха как предателя и выводят корпус из окружения через территорию Румынии. Дыбенко, захватив Северную Таврию, врывается в Крым, устанавливает там личную диктатуру, становится председателем Реввоенсовета Крыма, командующим Крымской армией, наркомом военных и морских дел Крыма.

Май. Атаман Григорьев поднимает грандиозное антибольшевистское восстание в центре Украины, угрожая захватить Киев, Одессу, Харьков. Против Советской власти поднимает свой полк и Коцур. Блюмкин участвует в борьбе против григорьевского мятежа. Волох становится командующим всеми повстанческими отрядами петлюровской «окраски».

Июнь. Реввоенсовет 3-й армии разрешает Мишке Япончику сформировать батальон особого назначения. Батальон комплектовался исключительно из одесских бандитов, считавших своим атаманом Япончика. Их Мишка называл «боевиками». Когда число добровольцев превысило тысячу человек, батальон был развернут в 54-й имени Ленина стрелковый полк 3-й армии. Махно объявляется Троцким «врагом народа». Прорыв белогвардейских войск в Украину. «Белые» захватывают Крым. П. Дыбенко бежит со своей Крымской армией в Николаев, где его арестовывают местные коммунисты за «безобразия и диктаторство».

Июль. «Белые» развивают наступление в Центральной Украине, части Директории УНР начинают контрнаступление в направлениях Киева и Одессы, в ходе которого был разгромлен у Жмеринки полк Япончика. Батько Махно заключает военный союз с Григорьевым, но вскоре убивает его и провозглашает создание «Повстанческой армии Украины имени батьки Махно» для борьбы с «красными» и «белыми». Никифорова создает организацию «Анархисты подполья» в Москве и готовит покушения на Ленина, Троцкого, Деникина. Котовский командует бригадой «красных» карателей, что громит недовольные советской властью села Юга

Украины. Части Божко показывают свою неспособность к организации и дисциплине, терпят ряд поражений. Божко отказывается подчиняться Петлюре.

Август. Армия Директории УНР захватывает большую часть Правобережной Украины, белогвардейцы — всю Левобережную Украину. Отступление Южной группы советских войск Якира с Юга Украины. Части Котовского отступают в составе Южной группы. При попытке к бегству убит арестованный (по приказу комдива Якира) Мишка Япончик. Части Божко расформированы по приказу Петлюры, а сам Божко во время ареста тяжело ранен.

Сентябрь. Начало войны белогвардейцев против Директории УНР. Казнь Никифоровой в белогвардейском Крыму. В Москве «Анархисты подполья» взрывают Московский комитет партии, но Ленина не удается убить. Дыбенко переезжает в Москву и поступает в Академию Красной Армии. Отряд Котовского воюет с атаманом Струком. Струк громит предместья Киева. Блюмкин руководит советской разведкой в тылу деникинских войск. Махно совершает грандиозный рейд по тылам «белых» — от Умани до Мариуполя — и, разрушив тылы врага, устанавливает на Юге Украины свое правление.

Октябрь. «Белые» рвутся к Москве. Наступают критические дни гражданской войны, когда еще возможна была победа белогвардейцев. Дыбенко становится командиром дивизии, что сдерживает наступления «белых» под Тулой. Божко возобновляет службу в армии Петлюры.

Ноябрь. Начало коренного перелома в гражданской войне. «Белые» отброшены от Москвы и отступают к Черному морю. Атаман Коцур входит в состав Повстанческой армии Махно. Галицкая армия изменяет Директории и переходит на сторону белогвардейцев, Сокира-Яхонтов назначается Деникиным командующим Галицкой армией.

Декабрь. Красная Армия входит в Украину. Разгром армии Петлюры белогвардейскими и советскими войсками. Мятеж Волоха и Божко против Петлюры в Люборе. Они пытаются заключить союз с Красной Армией и создать украинскую Красную Армию. Но «красное» командование не принимает предложение Волоха. Блюмкин становится «красным» комбригом и членом коммунистической партии.

1920

Январь. Бригада Котовского воюет с «белыми» и махновцами. Отряд Струка входит в Одессу вместе с белогвардейцами. Волох убивает Божко. Отряд Волоха ведет бои с частями армии УНР, подчиняется командованию Красной Армии, которая захватывает большую часть Украины. Блюмкин поступает в Академию

Генерального штаба и его готовят как разведчика в странах Востока.

Февраль. Одесса несколько дней оказывается во власти командующего Галицкой армией генерала Сокиры-Яхонтова. Бригада Котовского участвует в боях за Одессу против частей генералов Шиллинга, Бредова, Сокиры-Яхонтова, атамана Струка. Савинков в Польше создает Русский политический комитет и Русскую народную армию для совместного похода с поляками против большевиков. Украина, за исключением Крыма и западных областей, переходит под контроль большевиков.

Март. Дыбенко становится командиром 2-й кавалерийской дивизии. Атаман Коцур выступает против большевистского режима, за что вскоре был расстрелян.

Апрель — май. Начало советско-польской войны. Наступление на Украину польской армии и армии УНР, взятие Киева польскими войсками. Комбриг Котовский принимает участие в советско-польской войне. Струк, Савинков, Булах-Балахович воюют на стороне поляков.

В Северной Таврии начинают наступление войска генерала Врангеля, белогвардейцы рвутся к Донбассу и Екатеринославу.

Июнь — июль. Контрнаступление советских войск, захват «красными» Киева, Винницы, Житомира, Ровно, Луцка. Красная Армия выходит ко Львову и Варшаве. Бои под Варшавой.

Август. Разгром Красной Армии под Варшавой, контрнаступление польской и украинской армий. Блюмкин принимает активное участие в Иранской революции, становится комиссаром штаба Гилянской Красной Армии.

Сентябрь. Атаман Волох полностью реабилитирован Советской властью, раскаялся и принят в коммунистическую партию.

Последние успехи армии Врангеля на Юге Украины, польские войска захватывают Волынь.

Октябрь. Подписание перемирия между Польшей и Советской Россией, окончание советско-польской войны.

Ноябрь 1920 — наступление Русской народной армии Савинкова, совместно с войсками Петлюры, на Киев и полный разгром этих войск. Савинков, Рейли, Булах-Балахович командуют походом повстанцев на Мозырь. Окончание гражданской войны после полного разгрома армий Петлюры, Врангеля, Савинкова, Булах-Балаховича.

Декабрь. Котовский возглавляет карательную экспедицию против восставших крестьян Херсонщины и Киевщины. Котовский принят в члены коммунистической партии. В Польше Савинков создает Антибольшевистский военный блок и «Народный Союз

защиты Родины и Свободы» для борьбы с советскими республиками и засылки на советскую территорию диверсионных отрядов. Блюмкин руководит расстрелами тысяч бывших «белых» офицеров в Крыму.

1921

Январь. Дивизия Котовского безуспешно старается разгромить отряды Махно. Кризис Советской власти, массовые крестьянские восстания по всей стране.

Март. Восстание моряков в Кронштадте. П. Дыбенко командует штурмом Кронштадта и становится главным палачом восставших матросов. Котовский борется с крестьянскими повстанческими отрядами Махно, Любача, Сороки, Цветковского, Лихо, Иво. X съезд партии большевиков провозглашает переход к Новой экономической политике.

Май. Части Котовского направляют на подавление восстания тамбовских крестьян — «антоновщины». Он принимает «вахту» у Дыбенко и Блюмкина, усмирителей крестьянского восстания под руководством Антонова. Сокира-Яхонтов становится чекистским агентом в Польше.

Август. Срыв восстания, подготовленного Савинковым в советских республиках. Прекращение махновского движения сопротивления в Украине.

Сентябрь — ноябрь. Котовский командует сбором «продналога» и подавлением крестьянских волнений на Киевщине, разгромом «Второго зимнего похода» армии УНР под командованием Ю. Тютюнника. Части Котовского преследуют отряд атамана Струка. Блюмкин командует бригадой, которая борется с войсками барона Унгерна в Монголии.

Июнь. Дыбенко командует дивизией и войсками, расположенными в районе Одесса — Херсон. Руководит карательными походами против крестьянства Херсонской губернии.

1921–1922

Блюмкин — секретарь наркома по военным и морским делам Советской России Л. Троцкого.

1922

Провозглашение СССР. Дыбенко становится командующим корпусом и восстанавливается в коммунистической партии. Котовский назначается командиром кавалерийского корпуса, тогда же начинает заниматься «большой коммерцией» — военной кооперацией. Отряд Струка полностью разгромлен, а сам атаман уходит в Польшу.

1923

Блюмкин как чекист, курирует работу петроградских

оккультистов, выезжает в Германию для подготовки революции, работает в Иностранном отделе ЧК — ОГПУ. Начало работы Блюмкина как советского агента в Палестине.

1924–1925

Блюмкин назначается помощником командующего войсками ОГПУ в Закавказье и организует подавление восстания в Грузии. Как разведчик посещает Афганистан, Индию, Цейлон, Тибет, участвует в экспедиции Н. Рериха в Гималаи.

1923–1925

Начало политики украинизации в Украине. Волох работает зав. приемной главы ВУЦИК Г. Петровского.

1924

Смерть В. Ленина. Установление в СССР власти триумвирата — Сталин, Каменев, Зиновьев. Г. Котовский становится членом ЦИК Советов Молдавской АСР, членом ЦИК Советов СССР и УССР. Савинков нелегально приезжает в СССР, для инспекции подполья, поддавшись на провокацию чекистов. Был немедленно арестован и предстал перед судом, который вынес ему приговор — расстрел. ЦИК СССР заменил высшую меру 10 годами тюрьмы.

1925

Убийство Котовского. Загадочная гибель М. Фрунзе. В советской тюрьме убит Б. Савинков. Чекистам удается заманить С. Рейли в СССР. Арестован и расстрелян. Самоубийство (или убийство?) С. Есенина, к которому, возможно, приложил руку Блюмкин.

1925–1928

Сталин устанавливает свою единоличную власть. Дыбенко командует артиллерийским и снабженческим управлениями Красной Армии.

1926

Блюмкин становится организатором и руководителем Внутренней охраны (местной ЧК) в Монгольской республике.

1927–1929

Блюмкин становится руководителем всего советского шпионажа на Ближнем Востоке. Тайная встреча его в Турции с врагом Сталина Троцким стоит ему жизни.

1928–1938

П. Дыбенко — командующий военными округами: Среднеазиатским, Приволжским, Ленинградским.

1929

Начало коллективизации и индустриализации в СССР. Начало сталинского «большого террора», гонения на украинскую интеллигенцию. Расстреляны Блюмкин, Сокира-Яхонтов.

1933

Голодомор в Украине и уничтожение национальной интеллигенции. Волох приговаривается к 10 годам заключения в лагерях за преступления, совершенные в годы гражданской войны, и заговор с целью свержения власти.

1937

В лагере на Соловках расстрелян Е. Волох.

1938

Как враг народа, германский и американский шпион расстрелян П. Дыбенко.

Примечания

{1} Еще в начале декабря 1918 года повстанческий ревком в Валуйках, в состав которого входили преимущественно левые эсеры, пытался объединить украинские повстанческие отряды «нейтральной полосы» и сформировать свои вооруженные силы. Вскоре в Валуйках был создан левоэсеровский Центральный повстанческий штаб и Восточная украинская повстанческая армия как альтернатива «красному» командованию. В состав армии вошли Волчанский полк Сахарова и Валуйский полк Цветкова. Было обнародовано воззвание к повстанцам, в котором содержался призыв не подчиняться приказам большевистского командования и комиссаров. Левые эсеры призвали население организовать сопротивление советской власти и продотрядам. Воззвание подписали Сахаров, Цветков и глава Центрального повстанческого штаба, член ЦК партии левых эсеров Саблин. 29 декабря был намечен состав нового правительства Украины.

{2} В заявлении В. И. Ленина в газете «Известия» от 24 января 1918 г. говорилось, что Киев был взят войсками под командованием Юрия Коцюбинского (заместителя народного секретаря по военным вопросам, главнокомандующего войсками Советской Украины). Это утверждение вождя мирового пролетариата не соответствовало действительности. Фигура сына великого украинского писателя послужила лишь прикрытием для агрессии большевистской России против Украины. Фактически войсками, захватившими Киев, командовал М. Муравьев. Вскоре после взятия города Ю. Коцюбинский выразил протест против насилий, чинимых солдатами М. Муравьева над мирным населением. Последний же почувствовал себя оскорбленным назначением Ю. Коцюбинского главнокомандующим 19 января 1918 г. Между бывшим прапорщиком Коцюбинским и бывшим полковником Муравьевым началось острое соперничество. Муравьев заявил, что не будет подчиняться приказам Коцюбинского, обвинив его в «узком национализме и местном патриотизме». В ответ прозвучало обвинение в разложении армии, в диктаторских замашках, в великодержавном шовинизме. Коцюбинского поддержали члены ЦИК Советской Украины и часть бойцов 1-й армии Егорова. По приказу Коцюбинского и армейского комитета 1-й армии командарм Егоров, креатура Муравьева, был арестован. В ответ на эти действия Муравьев приказал расформировать части, подчинившиеся Коцюбинскому, и арестовать нескольких комитетчиков 1-й армии. Дело могло дойти до военных столкновений между «красными» частями. Но

Ленин и Антонов-Овсеенко выразили Муравьеву полное доверие. В начале марта 1918 г. Коцюбинский был снят с поста главкома «согласно своему желанию».

{3} Особая революционная армия Одесского округа, Одесская армия, 3-я революционная армия — три названия одного и того же воинского формирования, созданного в феврале 1918 г. для борьбы против наступавших в Бессарабии и Приднестровье румынских войск. Армия формировалась в Одессе и в населенных пунктах Одесской советской республики. Позиции армии располагались по левому берегу Днестра — от Овидиополя до Рыбницы. Штаб находился в Тирасполе. Командующий — левый эсер П. Лазарев. Армия состояла из недисциплинированных отрядов большевиков, левых эсеров и анархистов. В ее рядах насчитывалось до 2500 бойцов. В феврале 1918 г. армия отразила попытки румын форсировать Днестр и перешла в контрнаступление, в марте она вела оборонительные бои против наступавших на Одессу австро-немецких частей. В середине марта 1918 г., после сдачи Одессы, одна часть армии отошла к Днепру, другая — переправилась в Крым. Вновь 3-я армия собралась в апреле 1918 г. в районе Лозовой с целью прикрыть Донбасс от наступавших австро-немецких войск. После бегства П. Лазарева в середине апреля командование принял Е. Чикваная. В конце апреля разбитые части 3-й армии отошли на территорию РСФСР и влились в состав 1-й Особой армии и 5-й армии.

{4} Одесская советская республика (ОСР) была создана на территории части Херсонской и Бессарабской губерний 18 января 1918 г. после победы мятежа большевиков, анархистов и левых эсеров. Высшим органом власти стал свой Совет народных комиссаров во главе с В. Юдовским. Руководители ОСР заявили, что будут подчиняться непосредственно Петрограду, а не правительству Советской Украины. Однако ОСР не была признана самостоятельной государственной единицей. В феврале 1918 г. власть в республике была частично ограничена командующим М. Муравьевым и реорганизацией Одесского СНК в облисполком. С февраля 1918-го ОСР воюет с румынскими войсками в Бессарабии, а с марта — с австро-немецкими войсками. 13 марта 1918 г. ОСР прекратила свое существование в связи с оккупацией Одессы австро-немецкими войсками.

{5} Дальнейшая судьба Васыля-Вильгельма была не столь благополучной. Революция в Австро-Венгрии и падение императорской власти лишили его всех привилегий. Он стал простым гражданином Габсбургом, успел посидеть в румынской тюрьме, а в мае 1919 г. приехал снова в Украину и стал служить в армии С. Петлюры, при генеральном штабе, в чине полковника. В

1920 г. создает небольшую монархическую партию и тогда же переезжает в Австрию, но не порывает связей с украинскими политиками, участвует в тайных переговорах и интригах. В 1945 г. в Вену входят советские войска, а через два года Васыля-Вильгельма арестовывают как англо-французского шпиона и суд выносит ему приговор: 25 лет исправительно-трудовых лагерей. Он умирает в тюремной больнице в неполные 54 года.

{6} «Исповедью» Г. И. Котовский называл свои записки, которые он вел в 1916 г. в Одесской тюрьме, приговоренный к смертной казни за бандитизм.

{7} Шиллинг Н. Н. (1870–1946), генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. В 1918 г. служил в войсках УНР. С января 1919 г. в Добровольческой армии. В апреле 1919 г. назначен командиром 3-го Крымско-Азовского корпуса, который сражался с войсками Дыбенко на Керченском полуострове. В июне — августе 1919 г. командовал войсками «белых», захвативших Крым, Николаев, Херсон, Одессу. С сентября — командующий войсками Новороссийской области. В октябре — декабре 1919 г. части Шиллинга вытесняют войска С. Петлюры из Подолья, а махновцев из большей части территории Херсонщины. В декабре 1919 — феврале 1920 г. оборонял Причерноморье и Одессу от наступавших советских частей, возглавил войска Киевской области и Новороссии. В феврале 1920 г. эвакуировал из Одессы в Крым большую часть белогвардейских войск. Требовал от генерала Врангеля передачи себе власти над Крымом и командования расположенными там «белыми» частями. В марте 1920 г. на Военном совете был отстранен от всех командных должностей. Эмигрировал. Жил в Праге, возглавлял «Союз русских инвалидов». В 1945 г. арестован советскими спецслужбами.

{8} Украинская партия боротьбистов опекала Волоха, решив создать из его частей ядро украинской Красной Армии. В начале декабря 1920 г. боротьбисты добивались от большевиков разрешения частям Волоха принять участие в важнейшей военно-политической акции — в освобождении столицы Украины Киева. Но «красное» командование приказало Волоху оттянуть свои части в Белоруссию.

{9} В конце 80-х годов XX в. в Испании появился мнимый наследник генерала Долгорукова, некий Алексей Долгорукий-Анжу (1944–1995) — международный авантюрист, который именовал себя королем, царем, гетманом Украины — Руси и «всех казаков», а также претендовал попутно на троны России, Греции Югославии. Он не имел никакого отношения не только к Украине, но и к роду князей Долгоруких — Рюриковичей, что,

впрочем, не помешало некоторым украинским политикам иметь с ним дело. Кое-кто в Украине успел получить от лжекнязя грамоты, удостоверяющие их шляхетность — дворянство, и даже «получить» свои мнимые удельные княжества. На сегодняшний день несуществующий трон Украины оспаривают еще пять-шесть претендентов.

{10} Бредов Н. Э. (1883 — ?), генерал-лейтенант. В 1901 г. закончил Академию Генштаба. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. Служил в разведке 10-го корпуса. В 1906–1912 гг. в штабе Киевского военного округа. С 1912 г. нач. штаба 44-й дивизии. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. командир 21-го корпуса. С 1918 г. в Добровольческой армии. В 1919 г. командир 7-й пехотной дивизии, которая брала Полтаву и Киев. Командующий Киевской группой войск. С января 1920 г. обороняет Одессу. Части Бредова не смогли вовремя погрузиться на суда и эвакуироваться из города. Их попытка прорваться в Бессарабию не удалась: путь им преградили румынские войска. В феврале 1920 г. совершает поход по «красным» тылам из Причерноморья к Проскурову, где белогвардейцы объединяются с польскими войсками — «Бредовский поход». В августе некоторые части Бредова через Румынию по морю переправляются в Крым, где участвуют в боях вместе с врангелевскими войсками. С 1921 г. Бредов жил в Болгарии, где в 1944 г. был арестован советскими спецслужбами.

{11} Станислас-Мария Бей-Булах-Балахович родился 10 февраля 1883 г. в селе неподалеку от Витебска. Старший сын в многодетной белорусской католической семье. Закончил агрономическую школу, работал бухгалтером, управляющим имением. Участник Первой мировой войны. В 1914 г. вместе с братом Юзефом добровольцем вступил в русскую армию. Командовал конным эскадроном разведки при штабе Северного фронта. Награжден георгиевскими крестами четырех степеней, дослужился до чина штаб-ротмистра. С ноября 1917 г. в войсках, поддерживавших большевиков. Организатор Лужского «красного» конно-партизанского полка, вошедшего в состав 30-й Петроградской дивизии. В октябре 1918 г. перешел на сторону «белых». Разоружив «красные» части, полк Булах-Балаховича направился в Псков, где расположилась Северная армия «белых». Ее командование даровало амнистию рядовым, офицерские чины — командирам, право полной автономии — полку. Вскоре Булах-Балахович сместил командующего Северной армией генерал-майора Ядрихина, ее возглавил полковник Неф, а Булах-Балахович довольствовался чином подполковника. Под натиском советских войск части Северной армии были вынуждены оставить

Псков и отступить на территорию Эстонии. Там конный полк Булах-Балаховича охранял границу Эстонии со стороны Чудского озера. Благодаря русским частям, в том числе и полку Булах-Балаховича, эстонцы смогли отразить наступление Красной Армии весной 1919 г

В мае 1919 г. Булах-Балахович становится «главноначальствующим» (диктатором) Пскова, захваченного эстонскими и «белыми» частями. Распустил земскую управу, ежедневно устраивал публичные казни коммунистов. Поощрял грабежи, денежные аферы. В июле 1919 г. распоряжением главкома Северо-Западного фронта Н. Юденича произведен в генералы. Устанавливает личные тайные связи с эстонским и польским командованием. Эти закулисные игры привели к аресту «главноначальствующего» и выдворению его в Эстонию. Принят на службу в эстонскую армию; прикрывал со своим отрядом часть эстонско-советской границы. После взятия советскими войсками Пскова и ряда поражений армии Юденича некоторые ее части оказались в Эстонии под командованием генерала Булах-Балаховича.

В начале 1920 г. переходит в польскую армию. Командует диверсионной группой, воюющей против «красных». Подчиняется Главному, командованию польской армии. В августе переподчиняется Российскому политическому комитету и лично Б. Савинкову. Осенью 1920 г. становится «Бацькой партизанской Зеленой крестьянской армии» (ок. 20 тыс. бойцов), действующей в Полесье. Армия состояла из крестьян, обиженных «коммунистами», солдат, бежавших из Красной Армии, бывших красноармейцев, оказавшихся в плену у поляков. Проводит удачные рейды на Мозырь и Пинск, причем последний удерживает месяц. За помощь, оказанную полякам во время их контрнаступления, награжден орденом «Виртути Милитари». Финансировали «зеленую армию» Б. Савинков и польское командование.

В ноябре 1920 г., после подписания перемирия между Польшей и РСФСР польские власти перестают опекать части Булах-Балаховича. Тогда же выступает за «освобождение Беларусси и создание демократической республики Беларусь», объединяется с лидерами Белорусской народной республики.

Части Булах-Балаховича и Б. Савинкова снова захватывают Мозырь. Первый провозглашает независимость Белоруссии и присваивает себе титул «начальника Белорусского государства и главнокомандующего армией Белоруссии». Однако уже через две недели войска авантюристов были окружены и разгромлены Красной Армией, при этом «зеленые» партизаны потеряли 75%

своего состава. В Польше Булах-Балахович представлялся как «вождь белорусского народа». Лидеры Белорусской республики в эмиграции признали его главнокомандующим несуществующей армии Белоруссии и членом Госкомитета ВНР. По требованию советской стороны, высылался из Польши. В 1925 г. вернулся в Польшу как частное лицо и занялся бизнесом — вырубкой леса.

В 1936 г. появляется во франкистской Испании в качестве польского наблюдателя и специалиста по диверсиям. В 1939 г., когда фашистская Германия и СССР вторглись в Польшу, организовал партизанский отряд и подпольные группы для борьбы против оккупантов. В 1940 г. убит в Варшаве гестаповцами. Ю. Булах-Балахович в 1918–1920 гг. служил в частях старшего брата, который в 1920 г. объявил его генералом и командующим Народной добровольческой армией. В 1921 г. — командир Отряда — 31 при польских погранвойсках. В 1923 г. убит советскими агентами.

{12} Дело одесских банкиров было одним из самых громких уголовных дел гражданской войны. «Одесский курьер» писал, что банкиры-аферисты закупили в банках Одессы валюту на сотни миллионов рублей, создавая в белогвардейско-французской зоне Причерноморья дикую инфляцию, что подрывало белый режим не хуже восстаний. Распространяли они и фальшивые банкноты. Банкирв! Исаак Эняков и Натан Златопольский еще недавно в советском Петрограде и Ялте были коммерсантами. Так, Эняков прославился тем, что в Крыму грабил имения, а после революции стал комиссаром по национализации имений. Он провел уже в «белом» Крыму ряд афер, создав структуры по типу современных «пирамид». Златопольский знавал Ленина еще по эмиграции и был «доверенным банкиром партии» в денежных вопросах. В 20-х годах работал в Коминтерне и МИДе СССР. По-видимому, в Одессе разрабатывалась одна из первых афер ленинцев по экономическому подрыву «белой» власти и перекачке денег за рубеж.

{13} Бомбы для Блюмкина изготовил его старый знакомый, одессит Яков Фишман (1887–1961). Это был один из лидеров эсеров, террорист, участник революции 1905–1907 гг. Бежав с сибирской каторги в Италию, он закончил химический факультет Неаполитанского университета, стал магистром химии. В 1917 г. возвращается в Россию. Один из организаторов партии левых эсеров, член Петроградского ВРК, член Комитета обороны Петрограда от войск Керенского — Краснова. Зам. председателя Всероссийского чрезвычайного комитета по борьбе с пьянством и погромами. Член Центрального штаба партизанских отрядов. Депутат Одесского Совета в 1918 г. В марте 1918 г. — член

«южной делегации» левых эсеров в Украине. Член ЦК партии левых эсеров. В 1919 г. арестован в Москве. Раскаявшись, перешел на службу в большевистскую разведку. В 1920 г. возглавлял группу «легалистов» — левых эсеров. Осенью 1918 г. руководил партизанскими отрядами левых эсеров, воевавшими против войск Петлюры и Краснова. С 1921 г. в разведуправлении РККА, специалист по диверсиям, резидент в Италии и Германии. С 1925 г. начальник Военно-химического управления РККА. Арестован в 1937 г., освобожден из мест заключения в 1950 г.

Савченко, Виктор Анатольевич
Авантюристы гражданской войны: историческое расследование

Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru
Издание: *Савченко В. А.* Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование — Харьков: Фолио; М.: АСТ, 2000.
Книга на сайте: http://militera.lib.ru/bio/savchenko/index.html
OCR: Андрианов Пётр (assaur1@mail.ru)
Правка: sdh (glh2003@rambler.ru)
Дополнительная обработка: Hoaxer (hoaxer@mail.ru)
[1] Так помечены страницы, номер предшествует.

Савченко В. А. **Авантюристы гражданской войны: Историческое расследование** — Харьков: Фолио; М: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 368 с. — (Жизнь знаменитых людей). Тираж 7000 экз. ISBN 966–03–0845–0 (Фолио) ISBN 5–17–002710–9 («АСТ»)